

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

На правах рукописи

楚建民

Чу Цзяньминь

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ
ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

Специальность

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Н. Н. Кошкарлова

Челябинск – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ	13
1.1. Разграничение номинаций <i>концепт, понятие, значение, термин, предметная область, прототип, фрейм, модель</i>	13
1.2. Влияние конфуцианства на развитие китайской системы образования	26
1.3. История и формирование современной китайской системы образования	36
Выводы по главе I	54
ГЛАВА II. МОДЕЛЬ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	58
2.1. Тематические группы предметной области образования в китайском языке .	58
2.2. Лингвотопонимические характеристики предметной области образования в китайском языке	78
2.3. Девизы университетов как отражение лингвокультурологических особенностей предметной области образования в китайском языке.....	91
Выводы по главе II	109
Глава III. МОДЕЛЬ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	112
3.1. Аксиологическая составляющая предметной области образования в китайском языке	112
3.2. Метафорические признаки предметной области образования в китайском языке	133
Выводы по главе III	147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	149
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	154

ВВЕДЕНИЕ

Образование играет важную роль в социально-экономическом развитии страны. Обучение и воспитание молодежи – эффективный инструмент консолидации граждан, формирования и сохранения национального самосознания, передачи от поколения к поколению национальной культуры. Среди многочисленных функций образования передача ценностей может быть поставлена на первое место, так как в условиях глобализации важно сохранить национальную идентичность, не допустить универсализации аксиологических ориентиров, обеспечить передачу наиболее важных ценностных установок от поколения к поколению. Одним из эффективных инструментов реализации функции передачи знаний является язык, который отличает один национальный коллектив от другого. По справедливому замечанию Т. Б. Радбиля, «с самого появления на земле человек был не только существом социальным, мыслящим и говорящим – он был существом национальным: человек всегда ощущал принадлежность к племени, к роду, к семье как нечто сущностно важное для человеческого типа бытия в мире» [Радбиль 2017: 14]. Язык служит средством приобщения к национальной культуре, интериоризации коллективного опыта, усвоения тех или иных моделей поведения. В этой связи важным является изучение лингвокультурных феноменов через призму языка и культуры. К числу таких национально-детерминированных явлений принадлежит и образование. Образование как неотъемлемая часть жизни любого общества играет важную роль на любом этапе его развития и находит языковое воплощение в структуре ментальных конструкторов, сопряженных с образовательной сферой, семантике речевых единиц, его репрезентирующих, в структурно-семантических особенностях различных типов дискурса.

В лингвистическом плане важным представляется изучение языковой репрезентации тех или иных аксиологически важных феноменов, так как, по справедливому замечанию Л. С. Выготского, анализ того, какими способами знания о внешнем мире представлены в языке, дает возможность выявить и

описать когнитивные механизмы данного процесса и сформировать динамическую систему понятий, которые складываются в ходе процесса понимания, объяснения и репрезентации мира в языке [Выготский 1999]. Вопросы репрезентации и представления объектов внешнего мира в языке неоднократно становились предметом научных изысканий лингвистов [Авербух 2004; Беседина 2007; Болдырев 2007, 2011; Кубрякова 1992, 1997; Лукьянченко 2013; Новодранова 2007 и мн.др.]. В указанных работах подчеркивается мысль о том, что репрезентация – это одновременно ментальное представление об объекте и вербальные способы воплощения этого представления. Язык в данном случае выступает как механизм, инструмент и основа формирования системы знаний о мире. Однако изучение репрезентации знаний о мире не может и не должно ограничиваться только описанием вербальной составляющей. Не менее актуальным представляется анализ концептуально-тематических и лингвоаксиологических характеристик отдельных предметных областей знания. В этом отношении предметная область образования в картинах мира разных народов остается пока наименее изученной.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью концептуально-тематического и лингвоаксиологического изучения предметной области образования в китайской лингвокультуре как уникального явления в истории человечества, оказавшего влияние на развитие не только восточных, но и западных цивилизаций. При таком подходе образование может рассматриваться не только как система обучения и воспитания личности, но и как лингвокультурная практика, нуждающаяся в тщательном лингвистическом изучении и описании. Наиболее релевантным способом представления анализируемого феномена в данном случае может выступить моделирование, когда реальные существующие объекты, явления или процессы изучаются с целью пояснения механизмов их функционирования, объяснения взаимосвязи элементов описываемых феноменов, предсказания их развития в будущем.

Объектом настоящего исследования является предметная область образования, функционирующая в пространстве китайского языка и китайской лингвокультуры .

Предмет исследования – исторические, концептуально-тематические и лингвоаксиологические характеристики предметной области образования в китайском языке.

Целью исследования является описание модели предметной области образования в китайском языке через выявление концептуально-тематических и лингвоаксиологических характеристик.

Достижение указанных целей предусматривает решение следующих задач:

1. Уточнение основных понятий когнитивной лингвистики: *концепт, понятие, значение, термин, предметная область, прототип, фрейм, модель.*
2. Рассмотрение влияния конфуцианства на развитие китайской системы образования.
3. Обзор истории и формирования современной китайской системы образования.
4. Представление лингвокультурной модели предметной области образования в китайском языке, отражающей концептуально-тематические и аксиологические характеристики анализируемого феномена.
5. Выявление концептуально-тематических характеристик модели предметной области образования через описание тематических групп предметной области образования в китайском языке, представление лингвотопонимических характеристик предметной области образования в китайском языке, анализ девизов университетов как отражения лингвокультурологических особенностей предметной области образования в китайском языке.
6. Раскрытие лингвоаксиологических характеристик модели предметной области образования через описание ее ценностной составляющей в китайском языке и выявление метафорических характеристик предметной области образования в китайском языке.

Материал исследования представлен данными словарей китайского языка языка («Китайский энциклопедический словарь», «Китайский словарь», «Современный китайский словарь», «Большой китайско-русский словарь (БКРС)», Энциклопедия Baidu); паремиями и афоризмами, связанными с предметной областью образования (было проанализировано около 150 устойчивых единиц указанного типа); трудами Конфуция и его последователей («Беседы и суждения» «论语» – *Лунь Юй*, «Книга обрядов» «礼记» – *Ли цзи*, трактат об образовании «Записки об учении» 学记» – *Сюэ Цзи*); девизами китайских университетов (было изучено 200 девизов); работами китайских исследователей, посвященными проблемам обучения и воспитания детей. В качестве единицы анализа принимались тексты из указанных источников.

Теоретико-методологической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области:

- истории и философии (труды Конфуция, А. Н. Базарова, А. А. Германович, М. В. Ефименко, Г. Б. Корнетов, Л. А. Новикова, Л. К. Ушакова, Гэн Хайтянь, Лай Линчжи, Фэн Юйцюн, Чжан Лисин);

- дискурсологии (В. И. Карасик, В. З. Демьянков, Д. С. Лихачев, В. В. Катермина, М. Ю. Олешков, В. А. Пищальникова, Т. А. ван Дейк, Чжоу Цзе, Чен Цзюнь);

- когнитивной лингвистики (Н. Н. Болдырев, З.Д. Попова, В. А. Маслова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин);

- лингвокультурологии (Л. А. Бушуева, С. Г. Воркачев, Т. Л. Гурулева, Н. А. Завьялова, Ю. О. Каморная, И. Б. Кейдун, В. В. Колесов, И.Г. Нагибина, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Ци Минянь, Шэнь Чжэньхуэй);

- психологии, педагогики и лингводидактики (В. А. Курдюмов, Д. В. Плотникова, Л. В. Попов, Ян Ван, Чжан Лисин, Ли Яньхуэй, Ли Сюй, Фэн Юйцун);

- фреймового анализа (Л. А. Бушуева, О. В. Гусельникова, Е. Д. Малёнова, Н. М. Стеценко, М. Д. Терехов, Яо Цзясюй, Ch. Fillmore);

– метафорологии (Э. В. Будаев, Т. С. Вершинина, Л. Е. Веснина, Р. И. Зарипов, О. Н. Кондратьева, О. А. Солопова, А. П. Чудинов);

– теории и практики моделирования (Ю. Д. Апресян, Т. А. Демешкина, Н. А. Верхотурова, Л. Н. Засорина, А. В. Зубов, Л. Б. Крюкова, Н. В. Курикова, И. А. Мельчук, И. Н. Ремхе, К. М. Шилихина).

Научная новизна исследования заключается в лингвокультурологической интерпретации термина *предметная область*, включающего концептуально-тематическую и аксиологическую составляющие. Предметная область образования в китайском языке изучена и описана через призму идейно-философского учения Конфуция. Тексты конфуцианства как мировоззренческой и аксиологической основы китайской лингвокультуры позволили выявить концептуально-тематические особенности предметной области образования в китайском языке. Установлено, что лексические единицы предметной области образования выполняют не только номинативную, обобщающе-познавательную, информационно-накопительную, дейктическую, эмотивную, знаковую, коммуникативную, контактную, эстетическую, но и хранительно-мемориальную функцию, когда язык одновременно пытается транслировать национально-культурную семантику (локализация) и развитие языка и культуры в соответствии с международными нормами, несмотря на изолированный характер китайского языка и китайской культуры (интернационализация). Доказана успешность применения методики фреймового анализа при описании лингвоаксиологических особенностей предметной области образования в китайском языке.

Теоретическая значимость работы усматривается в уточнении основных понятий когнитивной лингвистики применительно к языковым и культурным особенностям носителей китайского языка. Проведенный анализ вносит вклад в изучение как наследия Конфуция, так и образования в китайском языке как репрезентанта конфуцианского учения и лингвокультурологических особенностей анализируемой культуры. Работа способствует более точному и глубокому осмыслению китайского языка и китайской культуры через призму лингвокультурологии и теории моделирования в целях построения теоретической

базы для изучения предметной области образования на материале других языков и культур.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования ее результатов в практике преподавания различных дисциплин в вузе (введение в языкознание, общее языкознание, лингвокультурология, межкультурная коммуникации, когнитивная лингвистика) и в ходе обучения китайскому языку. Работа имеет важное патриотическое и гуманитарное значение, так как знакомит научную общественность и рядового пользователя с наследием Конфуция. В работе реализован лингвоаксиологический потенциал в плане сохранения престижа образования в целом и деятельности педагога в частности.

В ходе исследования использовались **методы** анализа, синтеза, обобщения, систематизации, концептуально-тематический анализ, лингвоаксиологический и лингвокультурологический анализ, фреймовый анализ, метод моделирования.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Предметная область – это номинация, которая редуцирует онтологические и терминологические ограничения, а также совмещает в себе категориальные, концептуальные и лингвокультурологические характеристики терминов *концепт, понятие, значение, термин*. Предметную область образования можно представить в виде логико-понятийной модели объекта, которая включает в себя концептуально-тематическую и лингвоаксиологическую составляющие. Модель предметной области «образование» относится к числу ключевых компонентов, путем исследования которого можно составить представление о языковой картине мира разных лингвокультур.

2. Лексические единицы, обозначающие реалии китайской системы образования, можно разделить на следующие тематические группы:
1. Государственные органы образования. 2. Образовательные учреждения. 3. Учащиеся. 4. Учителя, преподаватели. 5. Свидетельства, дипломы, сертификаты, подтверждающие полученное образование или квалификацию. 6. Инфраструктура школ и высших учебных заведений. 7. Церемонии и мероприятия школ и высших учебных заведений. 8. Конфуцианство. 9. Символы

школ и высших учебных заведений (эмблемы, девизы, форменная одежда).

10. *Топонимы, относящиеся к территории высших учебных заведений.* Каждая из этих тематических групп отражает культурно-специфические особенности развития китайской системы образования.

3. Названия объектов кампусов университетов Китая (зданий, улиц, элементов ландшафта) представляет собой частный случай искусственной номинации, отражающий как исторические события, так и транслирующий древнюю китайскую культуру. Обращение к истории конкретного места или китайской истории в целом, использование устойчивых выражений из китайских трактатов и древней поэзии для наименования объектов кампусов реализует мощный аксиологический потенциал, формирует общий коллективный дух, усиливает мотивацию студентов к учебе, повышает общий культурный уровень обучающихся.

4. На этических идеалах китайской культуры основана ценностная ориентация девизов китайских университетов. При этом упор делается на прилежание, поиск истины и новаторство, стремление к моральной целостности и корпоративному единству. Лингвокультурологической основой девизов китайских университетов являются цитаты из конфуцианской классики, идиомы и лексика, воплощающие национальный дух. Девизы китайских университетов отражают общую ценностную ориентацию учебных заведений, концентрируя в себе философию, цели, характеристики и задачи каждого из учебных заведений.

5. Аксиологическая составляющая предметной области образования в китайской лингвокультуре с наибольшей силой проявляется в культурно-философском наследии Конфуция, репрезентированном в текстах. В конфуцианских текстах возможно выделить следующие фреймы: *о пользе учения; о соблюдении справедливости в образовании; о высоких требованиях к личности учителя; о методике образовательного процесса; о роли образования; об образовательной системе и управлении; о принципах образования; о методах обучения.* Выделенные фреймы транслируют аксиологические установки и

приоритеты, господствующие в традиционном китайском обществе, которые при этом могут быть экстраполированы на другие национальные культуры.

6. Предметная область образования в китайском языке представлена широким спектром метафорических образов. К метафорическим средствам создания образа учителя в китайском языке относятся следующие метафоры: *инженер человеческих душ; садовник; любящие родители; весенний шелкопряд; восковая свеча; буйвол, послушный даже перед ребенком; весенний дождь*. Метафоры, описывающие учеников в китайской образовательной традиции, имеют длительную историю. Учеников сравнивают с лесоматериалом, с водой, с самородком, с саженцами, с растениями и плодами, с книжными полками и корзинками для слов. Метафорические представления учащихся в значительной степени зависят от их (учащихся) происхождения и культурного уровня, при этом они оказывают как положительное, так и отрицательное воздействие на поведение и нравственность.

Апробация работы. Основные идеи, положения и результаты настоящего исследования обсуждались на заседании кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск) и были представлены в докладах на следующих научных и практических конференциях: Всероссийская научная конференция «Новый взгляд–3» (г. Челябинск, 2018 г.); 11–я научная конференция аспирантов и докторантов ЮУрГУ (г. Челябинск, 2019 г.), Выставка–конференции научно–технических и творческих работ студентов ЮУрГУ (г. Челябинск, 2019 г.), межвузовская научно-практическая конференция ЮУрГУ «Актуальные проблемы в науке: взгляд молодых» (г. Челябинск, 2019 г.); III Международная научно–практическая конференция «Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода» (г. Пенза, 2019 г.); X Международный конгресс по когнитивной лингвистике (г. Екатеринбург, 2020 г.); Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 90–летию В. Я. Мыркина «Чтения по теории языка и грамматике: Язык как новая коммуникативная реальность» (г. Архангельск, 2020 г.); XXII Международная научно-практическая

конференция «Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация» (г. Екатеринбург, 2020 г.); V Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Языковые единицы в свете современных научных парадигм» (г. Уфа, 2020 г.).

По теме диссертации опубликовано 8 работ, из них 3 в научных журналах, входящих в список изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. Чу, Цзяньминь. Реализация идей конфуцианства в педагогическом дискурсе: лингвокультурный комментарий / Цзяньминь Чу, Н. Н. Кошкарлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 11. – С. 272–276.

2. Чу, Цзяньминь. Лингвистические особенности наименований зданий, дорог и ландшафтов в китайских учебных заведениях / Цзяньминь Чу // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 1(40). – С. 94–100.

3. Чу, Цзяньминь. Лексика, обозначающая категории учащихся, в китайском языке / Цзяньминь Чу // Казанская наука. – 2020. – № 11. – С. 191–193.

4. Чу, Цзяньминь. Анализ культурных ценностей в текстах древнекитайской поэзии / Цзяньминь Чу // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода: Сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции: в 2 томах, Пенза, 24–27 апреля 2019 года / Под общей редакцией Т. В. Дубровской. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2019. – С. 288–291.

5. Чу, Цзяньминь. Реалии студенческой (школьной) жизни в китайском языке / Цзяньминь Чу, Н. Н. Кошкарлова // Молодой исследователь: Материалы 6-й научной выставки-конференции научно-технических и творческих работ студентов, Челябинск, 15–17 апреля 2019 года. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. – С. 412–415.

6. Чу, Цзяньминь. Гендерные и социальные характеристики китайских учащихся: лингвокультурологический аспект / Цзяньминь Чу // Актуальные

проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей : Сборник научных статей. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2021. – С. 189–192.

7. Чу, Цзяньминь. Лексические особенности девизов китайских университетов / Цзяньминь Чу // Лингвистика, перевод, межкультурная коммуникация: материалы XXII научно-практической конференции 20 ноября 2020 г. / [отв. ред. И. А. Вылегжанина]. – Екатеринбург: ООО Универсальная Типография «Альфа Принт», 2021. – С. 194–196.

8. Чу, Цзяньминь. Студенческие общественные организации в Китае: кто и как называется / Цзяньминь Чу // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 18 декабря 2020 года / Отв. редактор Р.А. Газизов. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 119–122.

Исследование имеет следующую **структуру**: введение, три главы, заключение, список использованных словарей и литературы. В первой главе представлена теоретическая база исследования и показаны его исходные позиции. Вторая глава посвящена описанию концептуально-тематических характеристик модели предметной области образования в китайском языке. В третьей главе представлен анализ лингвоаксиологических характеристик модели предметной области образования в китайском языке.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Предметная область «образование» относится к числу ключевых компонентов, путем исследования которого можно составить представление о языковой картине мира носителей китайской лингвокультуры. В связи с этим в данной главе нам необходимо рассмотреть теоретические положения, относящиеся к исследованию языковой репрезентации аксиологически важных феноменов, представить исторический фон развития предметной области «образование» и определить исходные позиции лексической репрезентации предметной области образования в китайском языке.

1.1. Разграничение номинаций *концепт, понятие, значение, термин, предметная область, прототип, фрейм, модель*

Поскольку настоящее исследование выполнено в русле когнитивного подхода к изучению языка, речи и культуры, то важным представляется уточнение объема и содержание номинаций *концепт, понятие, значение, термин, предметная область, прототип, фрейм*. Кроме того, ряд исследователей отмечают, что в русском языке слова *концепт, понятие* и *значение* синонимичны и зачастую в научной литературе выполняют стилистическую функцию, замещая друг друга во избежание монотонного повтора [Лихачев 1999; Попова 2013]. По этой причине перед началом изучения предметной области образования необходимо определить основные теоретические положения, касающиеся содержания термина *концепт* и его разграничения с иными, смежными терминами.

Большинство исследователей отмечает, что «концепт» является ключевым термином ряда направлений современного языкознания и широко используется в научной литературе. Здесь следует отметить, что термин *концепт* является относительно новым. Например, «Толковый словарь русского языка» под редакцией С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, изданный в 1999 году и включающий 80 000 слов и фразеологизмов, не содержит слова *концепт* [Ожегов, Шведова

1999]. Признавая центральное место «концепта» в научно-лингвистическом описании языкового отражения мира, ученые в то же время указывают, что данный термин является приблизительным и расплывчатым, не имеет однозначной трактовки, получает различную интерпретацию, употребляется иногда достаточно произвольно, имеет пересечения с другими близкими по содержанию терминами [Карасик 2001; Прохоров 2016; Попова 2001; Сергеева 2009; Самситова 2014]. Необходимость в использовании нового научного термина «концепт» возникла в конце XX века в связи с тем, что лингвистические исследования доказали факт наличия в языковом сознании человека ментальных образований, формирующих семантическое пространство языка [Абильдинова 2021]. Термин «концепт» стал общепринятым в лингвистической литературе на русском языке с начала 1990-х годов благодаря научным трудам Д. С. Лихачева [Лихачев 1999] и Ю. С. Степанова [Степанов 2004]. Д. С. Лихачев предложил рассматривать концепт как алгебраическое выражение значения слов, которые мы используем в своей речи [Лихачев 1999: 147–165], а Ю. С. Степанов, определяя данный термин, охарактеризовал его как «сгусток культуры в человеческом сознании» [Степанов 2004: 43]. Приведенные определения создают яркие метафорические образы концепта, однако не раскрывают в полной мере смысл этого термина.

Проведенные в период с 90-х годов XX века по настоящее время многочисленные исследования в сфере функционирования концептов позволяют уточнить содержание данного термина, его свойства и структуру [Болдырев 2014; Воркачев 2004, 2014; Демьянков 2001; Колесов 1992; Прохоров, 2008; Слышкин 2004; Стернин 2001; Телия, 1996; Фрумкина 1992 и мн.др.]. Большая Российская энциклопедия (БРЭ), издающаяся с 2004 года, содержит статью «концепт», в которой имеется следующее общее определение данного понятия: «Концепт (от лат. *conceptus* – схватывание, понятие), структурно-содержательная единица сознания, отражающая совокупность знаний, представлений, мнений об объекте мысли» [БРЭ 2004: 234]. В данной статье также отмечено, что термин «концепт» активно используется в разных направлениях современного языкознания с

некоторыми отличиями в дефиниции и методах исследования. В частности, при когнитивном подходе термин «концепт» рассматривается как основная единица сознания, которая «организована по полевому принципу и включает в структуру чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле; в ходе исследования выражаемые в языке концепты описываются лингвистическими средствами, выявляя соотношения семантики языка с концептосферой народа» [БРЭ 2004: 234].

Рассмотрим с учетом приведенного выше определения основные свойства понятия «концепт», получившие общее признание в научном сообществе. В частности, к существенным свойствам концепта относится то, что он:

- представляет собой ментальное образование, возникающее в сознании человека и фиксирующее на понятийном уровне знания отдельного человека и его опыт взаимодействия с окружающим миром [Карасик 2002; Лихачев 1999; Подкопаева 2021; Попова, Стернин 2001];

- называет либо представляет в виде образов объекты окружающего мира, играющие важную роль в жизни и деятельности отдельного человека и(или) отдельного коллектива [Карасик 2002; Прохоров 2016];

- реализуется в рамках национальной культуры, имея как всеобщую, так и национально–детерминированную значимость, а также относительно устойчивый характер [Прохоров 2016];

- выражается совокупностью языковых и неязыковых средств, прямо или опосредованно репрезентирующих содержание концепта [Карасик 2002];

- имеет полевую структуру, куда входит ядро, приядерная зона и периферия: в центре находится наиболее ценностно значимый для носителей данной культуры компонент, от которого затем идут ассоциативные, представляющие наименее значимые составляющие концепта, векторы [Карасик 2001; Самситова 2014].

Что касается нашего понимания термина *концепт*, то мы разделяем точку зрения В. И. Карасика о том, что концепт – это «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны,

при этом ценностная сторона определяется актуальностью концепта для человека и общества, образная сторона означает восприятие особенностей предметов и явлений через органы чувств человека, а понятийная сторона – это обозначение концепта в языке» [Карасик 2002: 91]. Мы также разделяем подход научной школы В. И. Карасика к изучению концепта в рамках лингвокультурологических исследований, который «предполагает сопоставление изучаемых явлений путем типологического анализа языковых единиц конкретной лингвокультуры, а также путем контрастивного анализа языковых единиц, выражающих национально-специфическое видение мира в разных лингвокультурах» [Там же: 76]. Система концептов, отражающих культурную картину мира определенного народа, его языковое сознание, образует концептосферу. При этом важно понимать, что концепты могут фиксировать как личный, так и коллективный опыт, культурные и исторические характеристики, особенности восприятия окружающей действительности.

Обзор литературы показывает, что одним из дискуссионных вопросов является соотношение *концепта*, *понятия*, *значения*, при этом исследователи отмечают как объединяющие, так и отличительные свойства этих терминов [Попова 2013]. Как было указано выше, в лингвистике существует несколько точек зрения на соотношение номинаций *концепт* и *понятие*; некоторые ученые полагают, что эти два термина синонимичны и не проводят демаркационной линии между концептом и понятием [Демьянков 2001]; другие ученые считают эти термины взаимозаменяемыми [Вильмс 2005]; наконец, еще одна группа исследователей склоняется к мысли о том, что концепт шире понятия [Красавский 2001]. Представим обзор все трех точек зрения. Так, В. З. Демьянков рассматривает понятие и концепт как исторические дублеты, но при этом автор указывает, что эти два термина могут отличаться в своем употреблении, приводя в качестве примеров романский ареал (латинский узус, французский узус, итальянский и испанский узус), германский ареал (немецкий узус, английский узус) и русский узус [Демьянков 2001]. По мнению ученого, «понятия – то, о чем люди договариваются, их люди конструируют для того, чтобы “иметь общий

язык” при обсуждении проблем; концепты же существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности» [Демьянков 2001: 47]. Некоторые ученые оперируют терминами *концепт* и *понятие* как взаимозаменяемыми. Так, например, Л. Е. Вильмс при анализе любви как эмоционального состояния трактует объект своего исследования то как концепт, то как понятие [Вильмс 2005]. Наконец, третья группа ученых полагает, что концепт – это более широкое лингвокогнитивное образование, чем понятие. Н. А. Красавский аргументирует этот тезис следующим образом: «концепт есть некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нем человека» [Красавский 2001: 41–42]. По мнению ученого (и это доказано многими последующими изысканиями в сфере когнитивной лингвистики), понятие и концепт различаются по сферам употребления (понятие – это прежде всего исследовательское поле философии и логики, концепт изучается когнитивными сферами знания – когнитивная психология и когнитивная лингвистика); архитектура концепта значительно сложнее, чем архитектура понятия (хотя оба феномена принадлежат к единицам когнитивного порядка); понятие только мыслится, а концепт не только мыслится, но и переживается. Понятие указывает на существенные признаки предметов и явлений объективного мира, являясь единицей логического мышления, самым тесным образом связанной со словом. Т.В. Жеребило отмечает, что «признаки понятия включают его в ту или иную систему знаний, устанавливая между понятиями определенную иерархию; например, *мебель* включает, будучи родовым и общим понятием, все видовые понятия: *шкаф, стол, стул*, и т.п.» [Жеребило 2004: 187]. В. И. Карасик, рассматривая категорию «понятие», противопоставляет термины *понятие* и *образ*: «если образы представляют собой имеющие разную степень определенности картины, сформированные в сознании (совокупность которых, в свою очередь образует картину мира), то понятия представляют собой логически оформленные общие мысли о классах предметов и явлений» [Карасик 2001: 76].

Рассмотрим, чем отличаются концепт и значение. Значение слова (семема) – это единство смысловых компонентов, каждый из которых имеет название *сема*. При проведении компонентного анализа лингвист имеет дело еще не с самими концептами, а с семемами, репрезентирующими тот или иной концепт. По справедливому замечанию З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «вся совокупность признаков, полученная из семантического анализа многих языковых знаков, объективирующих концепт, не представит нам содержания концепта полностью, потому что мир мыслей никогда не находит полного выражения в языковой системе» [Попова 2001: 57]. По мнению В. А. Масловой, «термин *значение* уходит на периферию лингвистических исследований, уступая место другому – *концепт*, так до конца и не выяснив отношений с вытеснившим его концептом» [Маслова 2004: 27]. К числу существенных характеристик концепта автор причисляет: значимость для культуры, в рамках которой функционируют концепты; более сложная структура с наличием эмоционального компонента; связь с прецедентными ситуациями данного национально-лингвокультурного сообщества. Действительно, эти термины (значение и концепт) относятся к разным уровням языка – семантический и концептуальный.

В этой связи актуальным представляется рассмотрение номинации *термин* с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода к изучению феноменов языка и речи. Под термином понимается «слово или сочетание слов, точно обозначающее определенное понятие, применяемое в науке, технике, искусстве; особенностью термина является его направленность на специальное понятие и закрепленность за определенной системой терминов» [Жеребило 2004: 261]. В термине, равно как и в концепте, можно разграничить понятийную и концептуальную составляющую [Левина 2014]. Сказанное будет справедливым в отношении того или иного вида профессиональной деятельности, например, образования, так как в данном случае создается особое семиотическое пространство, которое обслуживается терминами как особыми номинативными знаками [Голованова 2008]. При этом важно понимать, что разные термины «отражают определенные аспекты концептуальной картины мира и соответственно – разное знание о мире» [Там же: 72]. Данный

постулат о когнитивной природе термина будет особенно важным при сравнении разных национально-культурных и языковых картин мира народов.

Мы полагаем, что более широкой номинацией, способной преодолеть некоторые онтологические и терминологические ограничения рассмотренных терминов *концепт, понятие, значение, термин*, совмещающих в себе все категориальные, концептуальные и лингвокультурологические характеристики указанных номинаций, является ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ. Во-первых, такой выбор имеет серьезное методологическое обоснование, заложенное еще в работах М. Хайдеггера, который полагал, что каждая наука есть обоснование определенной предметной области, результатом которого становится образование понятий, составляющих данную предметную область [Хайдеггер 2003]. Данное утверждение вполне справедливо в отношении китайской системы образования, которая за многолетний опыт своего существования выработала систему терминов для номинации тех или иных реалий. Во-вторых, предметная область – это логико-понятийная модель объекта, которая включает в себя концептуально-тематическую и лингвоаксиологическую составляющие. В этом отношении данное положение развивает тезис В. И. Карасика и Г. Г. Слышкина о том, что «концепт отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип), **акцентуацией** (выделено нами. – Ч.Ц.) ценностного элемента» [Карасик 2005: 13–14]. Действительно, в концепте аксиологическая составляющая выражена максимально, но и предметная область не лишена ценностного фактора, так как в данном случае описываются концептуально-тематическая, ценностная и метафорическая составляющие.

Необходимо отметить, что к использованию термина *предметная область* лингвисты обращались и ранее [Ахметова 2015; Борисова 2021; Буянова 2013; Тлехатук 2018], но эти исследования были выполнены в русле когнитивного терминоведения и направлены на изучение терминосистемы той или иной профессиональной сферы. Так, например, М. Э. Ахметова обращается к изучению

экстралингвистических и когнитивно-деривационных особенностей русской и английской терминологии предметной области «Антикризисное управление» [Ахметова 2015]. Т. Г. Борисова при анализе особенностей базовых системообразующих модулей терминологии предметной области «Высшее образование» дает следующее определение интересующего нас феномена: предметная область – это «специфический континуум конструкторов, характеризующихся определенными признаками и свойствами, который связан с профессиональной деятельностью человека» [Борисова 2021: 186]. Как видно из данного определения, в нем сделан акцент на дихотомии «предметная область vs профессиональная деятельность», а последняя в свою очередь репрезентирована определенными терминами. На когнитивно-терминологические характеристики предметной области указывает и Л. Ю. Буянова при изучении категориально-понятийного структурирования предметной области «Информатика» [Буянова 2013]. С. Р. Тлехатук соотносит предметную область «Экономика» как когнитивно-лингвистический конструкт с терминологической картиной мира, в которой интегрируются аспекты специального и обыденного типов знания [Тлехатук 2018]. Таким образом, в классической трактовке понятие предметная область соотносится с определенным видом профессиональной деятельности и репрезентирующей ее терминосистемой. Мы полагаем, что предметная область – это не только и не столько термины, сколько лингвокультурологический смысл, стоящий за той или иной сферой деятельности человека, транслирующий богатый исторический и культурный опыт той или иной нации, помогающий формировать соответствующие аксиологические ценности и приоритеты.

Разновидностью концепта является лингвокультурный типаж, «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуры того или иного общества» [Карасик 2009: 179]. Содержанием лингвокультурного типажа является типизируемая личность, несущая в себе стереотипы поведения того этноса и того слоя общества, к которому она принадлежит [Бхатти 2019; Попова 2010]. В последнее время в лингвистике появилось большое количество работ, посвященных изучению лингвокультурных

типажей на материале разных языков и культур: английский чужак [Ярмахова 2005], британская королева [Мурзинова 2009], английский дворецкий [Бондаренко 2009], американский адвокат [Гуляева 2009], звезда Голливуда [Селиверстова 2007], английский сноб [Коровина 2008], британский колониальный служащий [Деревянская 2008], человек богемы [Дубровская 2017], китайский врачеватель [Рощина 2012], английский викарий [Бровикова 2013], бизнес-леди [Джигкаева 2020] и мн. др.

Еще одним инструментом описания и рассмотрения феноменов языка и речи является теории прототипов, основоположником которой считается Э. Рош [Rosch 1981]. Однако, как известно, Э. Рош – родоначальница теории прототипов – была представителем когнитивной психологии, в которой анализируемый нами феномен с точки зрения указанной теории понимается как ядро какого-то понятия, вокруг которого расположены положительные и отрицательные свойства этого понятия. Теория прототипов, предложенная и разработанная в рамках когнитивной психологии Э. Рош, была впоследствии экстраполирована на механизмы концептуализации и категоризации мира, выработанные в рамках когнитивной лингвистики. Так, Н. Н. Болдырев полагает, что: 1. «онтология мира отражена в нашем сознании в виде определенной категоризации как системе категорий»; 2. «элементы этих категорий неравнозначны между собой»; 3. «категории формируются вокруг прототипов»; 4. «принадлежность объекта к той или иной категории определяется его сходством с прототипом»; 5. «границы между категориями могут носить неопределенный характер»; 6. «прототипы могут иметь различную природу» [Болдырев 2014: 125–129]. В лингвокультурологическом плане прототипы тесным образом связаны со стереотипами и архетипами, так как при их функционировании задействованы механизмы рекуррентности (повторяемости); они чувствительны к социальным и экстралингвистическим изменениям; формируются на основе непосредственно воспринимаемой информации. Безусловно, между прототипами и стереотипами существуют и различия, которые проявляются в следующем: 1. стереотип чаще всего эмоционально окрашен, прототип же эмоционально нейтрален; 2. прототип

выражает наиболее существенные характеристики предмета, стереотип – общие характеристики для всех членов категории; 3. для стереотипа характерен феномен «постепенного угасания», прототип же может изменяться, но не может исчезнуть.

В основе современных методик, помогающих изучить взаимодействие языка и сознания, лежит одно из центральных понятий когнитивной лингвистики – фрейм [Гусельникова 2009]. Теория фреймов тесным образом связана с теорией прототипов, так как «восприятие всякой новой ситуации совершается путем соотнесения ее со знакомой ситуацией, с хранимой в памяти моделью, а именно фреймом, обеспечивающим когнитивную обработку данной ситуации» [Бушуева 2019: 11]. В теории фреймов задействован тот же механизм, что и в случае с прототипами: «человек, познавая новую ситуацию, каждый раз обращается к своим знаниям, приобретенному опыту и выбирает в памяти некоторый известный заранее ситуативный шаблон, называемый фреймом» [Стеценко 2013: 39]. Иными словами, фреймы актуализируют в сознании людей имеющиеся у них когнитивные схемы, установки, стереотипы, представления об окружающей действительности в целом и(или) об отдельных ее фрагментах.

Одним из разработчиков теории фреймов в лингвистике выступил Ч. Филлмор [Fillmore 1982]. Согласно концепции Ч. Филлмора фрейм представляет собой систему формирования информации, получаемую в результате систематизации концептов, организованной таким образом, что при введении в текст отдельного элемента структуры все остальные элементы структуры подразумеваются автоматически. Фрейм как когнитивная структура задействуется в понимании общего смысла текста. В качестве примера Ч. Филлмор приводит целостную структуру «неделя», представляющую собой единицу исчисления времени, равную семи дням, от понедельника до воскресенья включительно. Лексическими репрезентациями «недели» являются отдельные слова, представляющие собой названия дней недели, при этом нельзя понять слово «четверг» без понимания названий остальных дней недели и их соотношения с «неделей» как целостной структурой [Fillmore 1982]. Важный вклад в теорию фреймов внес Т. ван Дейк, указавший, что фреймы являются

организованными относительно конкретного концепта единицами информации, которые содержат сведения, в той или иной степени связанные с данным концептом, в связи с чем фреймы могут определять и описывать обстоятельства, которые в рамках данного общества являются характерными или типичными [ван Дейк 2000].

Именно концептуальные фреймы надлежащим образом организуют поведение людей и позволяют им правильно интерпретировать поведение других лиц, что проявляется при совершении конвенциональных актов, в частности, в таких ситуациях, как покупка товаров в магазинах или поездка на поезде [там же]. Обобщив наиболее часто упоминаемые исследователями свойства фреймов, О.В. Гусельникова представила следующее определение фрейма. Фрейм – это «когнитивная структура знания о типической, тематически единой ситуации, организованная в виде совокупности иерархически расположенных, взаимодействующая друг с другом субфреймов и составляющих их слотов, которая характеризуется наличием конвенционального начала и категориальным принципом организации знания, в которую входят субфреймы (уровни во фреймовой структуре, представляющие собой набор тематически единых признаков), и слоты (формы выражения определенного когнитивного признака)» [Гусельникова 2009: 29-32]. Современные ученые активно используют модели исследования концептов с использованием фреймов, полагая, что фреймы выступают наиболее удобной формой представления культурных знаний, одновременно являясь способом организации, структурирования информации о концепте [Маленова 2015; Яо Цзясюй 2022]. На необходимость рассмотрения фактов языка «в контексте важнейших когнитивных процессов, обуславливающих восприятие и понимание дискурса» указывает С. Л. Кушнерук [Кушнерук 2013: 125-126]. По мнению автора, именно применение методики фреймового анализа дает возможность проследить и описать лингвокультурные особенности различных типов дискурса (например, политического, экономического, рекламного, педагогического и т.д.).

Мы считаем, что преимуществом фреймовой методики при анализе предметной области образования в китайской лингвокультуре является то, что она дает возможность не только репрезентировать объект исследования в виде структуры знаний, но и описать культурное содержание, не подверженное влиянию факторов времени и особенностей той страны, где возникла и продолжает существовать та или иная предметная область. Безусловно, мы осознаем тот факт, что по мере своего развития теория фреймов претерпела значительные изменения – от различных классификаций фреймов до существования диаметрально противоположных аналогов данной теории – но в своем анализе предметной области образования мы считаем целесообразным эксплуатацию именно структуры анализируемой теории в виде фреймов и микрофреймов, так как такое моделирование позволит выявить терминологические, когнитивные и лингвокультурологические особенности предметной области образования в китайской лингвокультуре.

Другим релевантным инструментом представления знаний о мире полагаем теорию моделирования, которая предоставляет лингвистам инструмент адекватного отражения каких-то свойств объекта, процесса или явления с целью дальнейшего применения формализованной модели в процессе изучения других объектов, процессов или явлений. Моделирующий потенциал образования как предметной области реализуется в концептуально-тематической и лингвоаксиологической составляющих, которые отражают характеристики, присущие китайской лингвокультуре, но которые могут быть применимы в ходе изучения системы обучения и воспитания детей на материале других языков и культур. При этом важно понимать, что моделирование может отражать реальную действительность на разных уровнях высказывания: фонетический, лексический, морфологический, синтаксический [об этом см., например, Крюкова 2006]. В случае с предметной областью образования как лингвокультурным феноменом моделирование будет пониматься как форма отражения концептуально-тематических и лингвоаксиологических характеристик объекта анализа.

Подведем промежуточный итог изучения теоретических основ анализа предметной области образования в китайской лингвокультуре. Когнитивная лингвистика имеет в своем репертуаре обширный арсенал терминов для изучения и описания феноменов окружающей действительности: *концепт, понятие, значение, термин, предметная область, прототип, фрейм*. Одним из дискуссионных вопросов является соотношение *концепта, понятия, значения*. В лингвистике существует несколько точек зрения на соотношение номинаций *концепт* и *понятие*; некоторые ученые полагают, что эти два термина синонимичны и не проводят демаркационной линии между концептом и понятием; другие ученые считают эти термины взаимозаменяемыми; наконец, еще одна группа исследователей склоняется к мысли о том, что концепт шире понятия. Что касается соотношения значения и концепта, то справедливым будет считать, что эти термины относятся к разным уровням языка – семантическому и концептуальному. Термин также можно рассматривать с когнитивной и лингвокультурологической точек зрения, так как он выступает механизмом категоризации и концептуализации действительности. Мы полагаем, что более широкой номинацией, способной преодолеть некоторые онтологические и терминологические ограничения рассмотренных терминов *концепт, понятие, значение, термин*, совмещающих в себе все категориальные, концептуальные и лингвокультурологические характеристики указанных номинаций, является *предметная область*. Предметную область образования как взаимодействие семантических пространств языка и культуры можно изучить с помощью теории фреймов, что дает возможность репрезентировать объект исследования в виде структуры знаний, описать культурное содержание, не подверженное влиянию временных и лингвострановедческих факторов. Системное отражение концептуально-тематических и лингвоаксиологических характеристик предметной области образования может осуществляться при помощи моделирования объекта анализа, когда в распоряжении лингвиста находится средство отображения лингвокультурной реальности и объективный критерий проверки истинности знаний о мире.

1.2. Влияние конфуцианства на развитие китайской системы образования

Культура, созданная человечеством, представляет собой опыт, знания, навыки и т.п., которые транслируются сквозь поколения через образование, поэтому образование является главным способом распространения человеческой культуры. В древнекитайской литературе слово «образование» впервые встречается в первой части книги «Цзиньсинь» философа Мэнцзы: 得天下英才而教育之 (получать выдающиеся таланты со всего мира и образовывать их) [Ван Цзин 1996: 35–37]. Это выражение подчеркивает важность привлечения и образования выдающихся людей для общественного и национального развития. Через образование и поддержку талантливых людей можно стимулировать прогресс общества и процветание страны. В «Происхождении китайских иероглифов» объясняется, что «преподавать – это подавать пример, который приводит к эффекту подражания», «воспитание – выращивание потомства, приносящее пользу» [Чжан Йоншен 1994: 61]. Таким образом, образование приобретает смысл наставления и обучения.

Особенностью современного китайского образования является преемственность традиций педагогики, которая возникла благодаря тому, что Китай славится образованием с многовековой историей, а сама система подготовки и воспитания подрастающего поколения не только служит основой развития государства, но, что более важно, является проводником национальной идеологии [Ван Ян 2018]. Создание подобной педагогической культуры обусловлено взаимосвязью древнекитайского религиозно-философского учения и образовательной доктрины на заре возникновения системы обучения и воспитания, что проявилось, например, в идейно-теоретических характеристиках педагогических школ того времени [Германович 2018].

В научном сообществе утвердилось мнение о том, что с древних времен в общественном сознании Китая доминирует философское учение Конфуция, включая его педагогическую концепцию. Так, Ли Сюй в диссертации «Эволюция

принципа справедливости и его реализация в государственной образовательной политике Китая» отмечает, что на протяжении своей длительной истории Китай демонстрирует действие принципов авторитета древности и традиций (как залога длительного сохранения общества), получивших свое выражение в учении Конфуция, которое, «несмотря на наличие конкурирующих школ китайской философской мысли, заняло господствующее положение в идеологии государства, в частности, в сфере образования» [Ли Сюй 2015: 16–17]. Гэн Хайтянь в диссертации «Конфуцианство и его влияние на социально-политическую жизнь современного Китая» отмечает, что в наше время китайская государственность, следуя возникшему в Древнем Китае девизу «古为今用» *гувэйцзинь юн* «ставит древность на службу современности», «демонстрирует свойственную китайскому менталитету преданность традициям и избирает свои ориентиры развития под непосредственным воздействием конфуцианства» [Гэн Хайтянь 2011: 3–4].

Многие исследователи, также признавая первостепенную роль философских воззрений Конфуция в развитии системы образования в Древнем Китае, указывают, что история китайской педагогики начинается с деятельности Конфуция, а его учение, став духовным стержнем китайской культуры, приобрело статус официальной идеологии и сыграло ведущую роль в истории развития образования Китая, сохранив при этом свою актуальность в современном социальном порядке [Базарова 2015; Германович 2018; Гэн Хайтянь 2011; Корнетов 2016; Новикова, Ушакова 2017; Чжан Лисин 2010; Плотникова 2021; Попов 2016; Салимова, Додде 2001; Фэн Юйцун, Лай Линчжи 2021]. Для понимания причин доминирования конфуцианства как философской и педагогической концепции необходимо рассмотреть исторический контекст зарождения педагогических теорий и институтов образования Китая, начиная с древних времен. Здесь следует отметить, что первым китайским государственным образованием, реальность существования которого объективно подтверждена археологическими и письменными источниками (в частности, «Историческими записками» Сыма Цяня), является государство Шан (ок. XIV — конец XI вв. до

н.э.). В конце правления династии у династии Шан обострились отношения с правителями вассального владения Чжоу. В ходе конфликта государство Шан было захвачено коалицией царств во главе с народом Чжоу. В результате в Китае появилось первое территориальное государство с единой централизованной властью (в лице династии рода Цзи – 姬周), сформировалась иерархическая ранговая структура общества [Ефименко, М. В. 2021: 68-74].

Эпоха Чжоу длилась около 800 лет. Историки выделяют в данной эпохе два основных периода – государство Западная Чжоу (1045 до н.э.–770 до н.э.) и Восточная Чжоу (770 до н.э.–256 до н.э.). В период Западной Чжоу правитель царства Чжоу обладал центральной властью (объем которой с течением времени уменьшался), а в период Восточной Чжоу ее правитель постепенно утрачивал гегемонию, вследствие чего территория Китая была поделена между отдельными царствами. Традиционная китайская историография в рамках эпохи Чжоу выделяет еще два периода: Чуньцю (春秋) – период Весен и Осеней (722 г. до н.э. – 481 г. до н.э.), и Чжаньго (战国) – Период Сражающихся царств (403 г. до н.э. - 249 г. до н.э.).

Наибольший интерес для нашего исследования представляют события времен Чуньцю и Чжаньго, поскольку на эти два исторических периода приходится расцвет раннего классического конфуцианства. Период Весен и Осеней (Чуньцю) относится к началу правления династии Восточная Чжоу. Он получил свое название по одноименной хронике царства Лу, которую, по преданию, редактировал Конфуций. Это было время, когда продолжалось формирование основных государственных институтов, а правитель Чжоу утратил полномочия центральной власти, оставшись всего лишь первым среди равных. Тем не менее в первую половину указанного периода авторитет правителя Чжоу еще признавался, возникающие конфликты стороны пытались решить мирным путем, а попытки отдельных князей (公 гун) присвоить себе титул правителя (王

ван) решительно пресекались коалициями, формировавшимися вокруг дома Чжоу [Ищенко 2018: электронный ресурс URL, Ульянов 2019].

После периода Весен и Осеней (Чуньцю) наступил период Сражающихся царств (Чжаньго). Его начало характеризуется дальнейшим ослаблением правящего дома Чжоу и формированием в Поднебесной семи мощных царств – Ци, Чу, Янь, Хань, Чжао, Вэй и Цинь. Однако неустойчивое равновесие продолжалось недолго и в дальнейшем последовали интеграционные процессы, вызванные общественной потребностью в преодолении раздробленности Китая. Эти глубокие политические потрясения сопровождались постоянными военными конфликтами, вся Поднебесная страдала от непрекращающихся войн. Период Сражающихся царств (Чжаньго) завершился тем, что китайские государства впервые были объединены в рамках единой политической системы правителем царства Цинь (秦), который принял титул властителя-императора (皇帝 *хуанди*) [Германович 2018; Германович 2018; Кондорский 2016; Кошевой 2014; Сыма Цянь].

Китайская философия того времени характеризовалась противостоянием идей и различных школ, что известно в истории Китая как эпоха *соперничества ста школ* (百家争鸣), когда *расцветали все цветы и соперничали все школы* (百花齐放, 百家争鸣). Общей чертой ожесточенных споров различных древнекитайских школ философии является их позитивное начало, проявляющееся в стремлении преобразовать существующий мир и организовать китайскую общественную жизнь на основе рациональных и справедливых принципов [Германович 2018; Делюсин 1982]. При всем разнообразии философских взглядов периода раннего конфуцианства, немногие научные школы занимались непосредственно педагогической проблематикой, а лишь конфуцианство, моизм, даосизм, легизм. Именно на конец периода Весен и Осеней (Чуньцю) и начало периода Сражающихся царств (Чжаньго) приходится

годы жизни Конфуция (551–479 гг. до н.э.), основоположника философского учения и известного педагога.

Конфуций родился в государстве Лу (鲁), которое находилось на территории современной провинции Шаньдун. Найдя свое призвание в преподавании, Конфуций в возрасте около 30 лет основал собственную частную школу в городе Цюйфу (曲阜), находившемся на территории нынешней провинции Шаньдун, и начал читать лекции. Конфуций усердно работал, передавая знания новым поколениям, и вскоре его школа приобрела широкую известность, количество учеников постепенно стало увеличиваться. Так было положено начало конфуцианской педагогике, определившей нравственные ориентиры развития Китая на многие годы вперед. Конфуций также некоторое время состоял на государственной службе при правителе царства Лу, однако конфликты с представителями аристократических семей вынудили его в возрасте 50 лет подать в отставку и покинуть государство Лу. Длительное время Конфуций жил в изгнании, а в возрасте 68 лет вернулся в царство Лу, где был удостоен почестей. С тех пор он до конца жизни посвятил себя чтению лекций и систематизации литературного наследия прошлого.

На этапе раннего конфуцианства также творили ярчайшие последователи данного учения – Мэнцзы (372–289 гг. до н.э.) и Сюньцзы (313/290–238/215 до н.э.), которые комментировали и интерпретировали идеи Конфуция. Их плодотворная деятельность проходила в стенах академии Цзися, находившейся в столице царства Ци г. Линьцзы (современная провинция Шаньдун, г. Цзыбо). А.А. Германович отмечает, что «академия являлась уникальным учебным заведением, сочетавшим обучение и философскую полемику между представителями всех основных философских школ того времени» [Германович 2018: 128–143].

Идеи Конфуция отражены в произведениях, которые были им самим, его учениками и последователями, и которые сегодня считаются классикой социально-философской мысли. В распоряжении ученых и всех, кто интересуется

обсуждаемыми в этих трудах проблемами, находится 13 томов конфуцианской классики, а вместе с аннотациями насчитывается 40 томов. Наибольшее значение из них имеют 9 сочинений, которые составляют **四书** «Сышу» («Четырехкнижие») и **五经** «Уцзин» («Пятикнижие»). Указанные классические конфуцианские произведения написаны на древнекитайском языке, письменной формой которого являлся классический литературный язык вэньянь (文言), «культурная речь» или «речь письмен». В Китае, в силу присущих китайскому народу традиционных представлений, классические тексты тщательно изучаются и пересказываются из поколения в поколение, что позволяет донести до нас мысли и язык древних ученых. Конфуцианская классика стала источником многих фраз в современном китайском языке [Ким 2015].

Конфуцианская система состоит из множества взаимосвязанных и взаимозависимых принципов, составляющих архетипические нормы китайской цивилизации, таких, как 仁 (жэнь) – гуманность, человечность; 孝 (сяо) – почтительность (к родителям и старшим, включая отношение учащихся к своему учителю); 义 (и) – справедливость, долг, обязанность; 礼 (ли) – нормы морали, ритуал; 德 (дэ) – добродетель, нравственность, мораль, этика; 和 (хэ) – гармония, дружба, мир; 中庸 (чжун юн) – золотая середина; 教化 (цзяо хуа) – образование, воспитание [Ван Ян 2018; Гэн Хайтянь 2011; Чу Цзяньминь 2020]. Смысловая интеграция приведенных принципов придает целостность системе конфуцианства. Так, понятие 仁 (жэнь) – гуманность, человечность, выступающее ценностным ядром системы, подразумевает наличие множества добродетелей (德 дэ): самообладание, интеллектуальность, скромность, доброта, справедливость, беспристрастность. Сыновняя почтительность (孝 сяо), являясь формой проявления гуманности (仁 жэнь), представляет собой основу отношений между поколениями в семье, а также регламентирует отношения учащегося и учителя. Китайской культуре издавна присущ взгляд на удел человека как на

выполнение им соответствующих ритуалу действий, связанных с выполнением им долга (义 *и*) перед обществом. Ритуал (礼 *ли*) подразумевает общественно приемлемые нормы поведения и выражает почитание традиции и уважение к установленному порядку, одновременно являясь внешним выражением гуманности (仁 *жэнь*), долга (义 *и*), сыновней почтительности (孝 *сяо*). Принцип золотой середины (中庸 *чжун юн*) заключается в том, чтобы «быть благоразумным, не впадать в крайности, избегать неоправданного риска и азарта»; «поведение любого китайца находится под глубоким влиянием указанного принципа, отражая стремление к миру, гармонии и процветанию (和 *хэ*)» [Чжан Тао 2021: 55].

В конфуцианстве важнейшей частью системы мировоззрения выступает образование, воспринимаемое как основа справедливости и порядка. Образование само по себе рассматривается как особая ценность, а его главной целью является воспитание человека согласно нравственным и этическим принципам. В центр образовательного процесса Конфуций ставит формирование идеального гражданина – благородного мужа (君子 *цзюнь-цзы*), указывая при этом, что только человек, усвоивший под влиянием образования и воспитания (教化 *цзяо хуа*) приведенные выше принципы и обладающий вытекающими из них положительными качествами, может стать благородным мужем (君子 *цзюнь-цзы*) – противоположностью идеального человека являлся низкий, ничтожный человек (小人 *сяо жэнь*), стремящийся только к собственной выгоде эгоистичный прагматик [Корнетов 2016; Моисеева 2016; Ци Минянь 2011].

В этот период учение Конфуция сформировало образовательную философию Китая, которая основывалась на стремлении к всестороннему развитию личности на основе моральных принципов. Позже, когда конфуцианство стало официальной идеологией, его ортодоксальное учение определило основу страны и принципы системы образования Китая. На протяжении веков система образования Китая была подчинена национальным

интересам, а образовательная практика, основанная на конфуцианстве, сыграла ведущую роль в долгой истории развития образования Китая. Система образования была направлена на подготовку чиновников с упором на изучение конфуцианской этики [Ван Ян 2018; Попов 2016].

Однако при всем положительном влиянии, которое конфуцианство оказало на китайскую культуру, оно имело свои слабые стороны. В частности, Конфуций и его последователи не уделяли внимание исследованиям в области естественных наук, соответственно, конфуцианская педагогическая концепция пренебрегала естественнонаучным компонентом образования. Подобное положение оказывало длительное негативное влияние на экономику и общество, что вызывало обоснованную критику во время возникавших в Китае социальных кризисов. Это, в свою очередь, обусловило наличие в истории Китая периодов упадка и забвения конфуцианства. Конфуцианству пришлось утверждать правоту своих идей и преимущество своих методов в спорах с последователями иных научных школ, таких как моизм, даосизм, легизм. [Делюсин 1982]. При том, что философские школы Древнего Китая вели острую научную полемику между собой, все они фактически признавали стержневую роль учения Конфуция, поэтому самоопределялись через свое отношение к конфуцианству. Возможность обмена разными точками зрения на явления и события окружающей среды способствовали развитию учения Конфуция с последующим превращением его в систему взаимосвязанных философских, социально-политических и педагогических воззрений, которая со временем вышла на первый план и составила прочную теоретическую основу для последующих поколений. В результате конфуцианство «эволюционировало в глубокое, многоуровневое философско-педагогическое учение, ставшее институциональной основой китайской цивилизации на века вплоть до наших дней» [Германович 2018: 146]. Как же можно объяснить, что конфуцианство на протяжении длительного времени не теряет своей актуальности? Находим объяснение этому в том факте, что это учение не было прямо связано с интересами какой-то одной части

общества. Конфуций и его последователи позиционировали себя в качестве носителей абстрактной общечеловеческой истины [Делюсин 1982].

Кроме того, декларируемая конфуцианством преемственность традиций обеспечила историческую доминанту учения на протяжении тысячелетий. Учение Конфуция стало широко известно во II веке до нашей эры и оставалось официальной государственной идеологией почти 1000 лет до падения последней династии Цин (清朝) в начале XX века [Ван Ян 2018].

Следовательно, конфуцианство как религиозно-философское и этическое учение на протяжении длительного времени упорядочивает различные стороны жизни китайского общества – от образования до деятельности властных структур. Однако следует также заметить, что идеи конфуцианства были восприняты с таким воодушевлением не только на родине Конфуция, но и в других странах азиатско-тихоокеанского региона (Япония, Южная Корея, Вьетнам, Сингапур), жители которых реализуют конфуцианские образовательные принципы в деле обучения и воспитания детей. [Юмашев 2019; Гэн Хайтянь 2011; Корнетов 2016; Ян Фан 2013].

В России изучение конфуцианства началось в к. XIX века, а особый акцент был сделан именно на паттерналистском значении религиозно-философского учения, которое регулирует все сферы деятельности государства, заботящегося о своих гражданах. Однако в то время важно было избежать европоцентристской точки зрения на изучение конфуцианства, при котором оно казалось бы чем-то далеким и экзотическим. В настоящее время российские ученые вновь обратились к анализу философско-этического наследия Конфуция, что особенно важно в свете усиления российско-китайской дружбы. [Суворов 2017].

Рассмотрев ретроспективу образовательной системы Китая с зарождения государственности по начало XX в., на основании объективного анализа значимых событий и достижений в педагогической деятельности, характеризующих тот или иной конкретный период, Ван Ян выделил следующие основные этапы развития образования в Китае:

– древний этап (III тыс. до н.э. – III в. н.э.), для которого характерна организация начальных учебных заведений, формирование иероглифической системы, кодификация священных канонов, ритуалов и правил;

– этап ортодоксального конфуцианства (III–XIII вв.), который охватывает период формирования системы образования как составной части системы государственного управления и идеологии (включая создание системы экзаменов для государственных служащих);

– этап ортодоксального неоконфуцианства (XIII–XVI вв.), когда система образования укрепила свои позиции как инструмент управления государством; стало увеличиваться количество учебных заведений, образование стало все более и более доступным широким слоям населения;

– этап возврата к традиционным ценностям и идеологии учения Конфуция (XVI век – XIX век), когда в системе образования был введен сословный подход к обучению, стали укореняться и развиваться традиционные формы образования и государственные экзамены; естественно-научная составляющая стала искореняться из системы образования;

– этап реформирования образования (конец XIX века – начало XX века), когда стали отменяться государственные экзамены, создавались университеты на основе европейского опыта, естественно-научное образование стало возвращаться в систему подготовки школьников и студентов [Ван Ян 2018: 22–30].

Каждый этап в развитии китайской системы образования связан с особенностями общественно-политического развития КНР, которые определяют характерологические признаки современной китайской системы образования и помогают формировать образовательные концепции, соответствующие духу времени и каждого конкретного этапа в жизни общества Китая.

1.3. История и формирование современной китайской системы образования

Рассмотрим исторические условия и предпосылки формирования современной китайской системы образования. Согласно дошедшим до нас сведениям, формирование системы учебных заведений можно отнести к периоду государственного правления династии Западная Чжоу, когда «возникла разветвленная система государственных учебных заведений для обучения детей дворян и чиновников» [Попов 2016: 30]. В конце периода весны и осени (722 г. до н.э. – 481 г. до н.э.) в Китае была создана развитая система национальных образовательных учреждений, за которым последовал период Воюющих царств (403 г. до н.э. – 249 г. до н.э.), когда появился новый тип учебных заведений – частные школы – что способствовало развитию китайской философии и педагогической мысли.

В эпоху династии Хань (汉朝), правившей в период с 206 г. до н.э. – 220 г. н.э., конфуцианство было объявлено официальной идеологией Китайской империи, ортодоксальное учение Конфуция определило основы страны и классические принципы образования, а система образования стала служить национальным интересам, имея основной целью подготовку чиновников. Образование превратилось в политический инструмент, поскольку основной целью получения образования в Древнем Китае стало успешное прохождение экзамена, дающего возможность стать государственным чиновником. К этому времени школы были созданы уже во всех провинциях Китая. На начальном этапе обучения дети постигали искусство написания иероглифов, знакомились с учением Конфуция. Более детальное изучение религиозно-философского конфуцианского наследия имело место в средней школе, куда ученики отбирались по итогам экзаменов в начальной школе. Среднее образование для молодых китайцев в то время было залогом получения хорошей должности [Попов 2016; Ван Ян 2018; Ли Сюй 2015].

Следует упомянуть об императорской экзаменационной системе *кэцзюй* (科 举), которая в образовательной системе Китая еще в VII веке н.э., а окончательно сложилась в X–XIII веках н.э. и просуществовала вплоть до начала XX века. Императорская экзаменационная система *кэцзюй* способствовала социальной мобильности выпускников образовательных учреждений и боролась с предоставлением должностей в правительстве богатым и знатным членам общества [Корнетов 2016; Попов 2016; Цзин Шэнь 2018].

Правление династии Южная Сун (1127–1279 гг.) связывают со сложившейся в Древнем Китае национальной образовательной системой, в которой огромная роль принадлежала высшим учебным заведениям. Национальная система образования просуществовала в стране до начала XX века. В 7–8 лет мальчики могли посещать платные государственные или частные школы, но девочки и женщины при этом не могли получать никакого образования. Обучение сводилось к запоминанию конфуцианской классики, особенно «Четырехкнижия» (四书 *Сышу*) и «Пятикнижия» (五经 *Уцзин*) и комментариев к ним, а также личных историй из жизни Конфуция и литературных произведений, чтобы безусловно не могли способствовать развитию творческих умений обучающихся, их умения мыслить и критически подходить к изучаемому материалу. Традиционный метод обучения заключается в том, что учитель читал классические конфуцианские тексты вслух, а ученики повторяли его много раз за учителем, пока полностью не запомнят текст. Обучение рассматривалось как средство подготовки к экзаменам, успешно сдав которые, выпускник мог получить хорошую должность в государственных структурах. То есть обучение было нацелено не на получение знаний, а на сдачу экзаменов по присвоению ученого звания. Кандидаты должны сдать экзамен в три этапа: округ, провинция и столица провинции. Те, кто успешно сдавал экзамены двух высших ступеней, имели право занимать официальные должности.

Образование в императорском Китае носило элитарный характер из-за высокой стоимости обучения, что могли себе позволить только богатые и зажиточные люди. Государство внедряло массовое начальное конфуцианское образование с намерением обеспечить социальную, идеологическую и культурную консолидацию империи, но государство не стремилось к тому, чтобы все население страны было грамотным, так как письменность в Китае издавна имела сакральный характер, в связи с чем владение иероглифическим письмом почиталось как особо ценный идеал, но не считалось доступным каждому. Как следствие такого подхода, большинство студентов не достигало уровня, необходимого для сдачи национального экзамена, а ограничивались основами на начальном уровне, обучаясь в течение 1–3 лет и осваивая в общей сложности 1000–2000 китайских иероглифов [Каморная 2015; Корнетов 2016; Попов 2016].

Сложившаяся с древних времен система образования воспитывала преданные кадры чиновников, которые усердно выполняли указания вышестоящих руководителей, однако слепое следование конфуцианским канонам и догматам не способствовало развитию творческих потенций и критического мышления. В сфере образования господствовал догматический подход к учению Конфуция, при этом в официальной педагогике того времени сложилось пренебрежительное отношение к естественным наукам, практиковался ограниченный подход к их изучению (даже на уровне начального обучения знаний считалось неприемлемым преподавание арифметики, а география не рассматривала иные страны помимо Китая). В результате прогрессивная мысль душилась, а страна в сфере научного и культурного развития не продвигалась вперед, отсутствовал прогресс в развитии по указанным сферам. Стагнация науки и образования стали причиной того, что больше половины населения Китая в начале XX века не владели грамотой, а соответственно не могли стать реальной производительной силой в экономическом и культурном развитии страны. Подобная ситуация, продолжавшаяся до конца XIX века, вызвала кризис науки, культуры, образования, государственного управления и отрицательно повлияла на общественную жизнь в целом. В создавшихся условиях власть маньчжурской

династии Цин, правившей в Китае с 1636 года, оказалась ослаблена, что привело к череде последующих драматических событий (народные восстания, военные поражения империи, иностранная интервенция и полукOLONиальная зависимость от иностранных держав), которые в совокупности в конечном счете стали причиной краха имперской власти. К концу XIX века для правящих кругов империи стала очевидна необходимость преодоления отставания Китая в экономике и общественном развитии, в связи с чем в 1898 г. Императором был объявлен политический курс преобразования империи Цин, получивший название «Сто дней реформ» (百日维新). Он предусматривал проведение целого ряда реформ в сфере экономики, науки и образования, но вследствие сопротивления консервативно настроенного чиновничества новый политический курс потерпел поражение. Однако впоследствии реформа образовательной системы КНР имела место и принесла некоторые результаты.

В 1899 г. был создан Пекинский университет (北京大学), в основу деятельности которого были положены учебные планы высших учебных заведений Японии. В 1902 г. был открыт университет Шаньси (山西大学), г. Тайюань (провинция Шаньси). В 1902 году группа передовых исследователей реформы образования в Пекинском университете сформулировала план создания новой системы образования. На этой основе правительство обнародовало «Высочайше утвержденный устав учебных заведений» (奏定大学堂章程) в 1904 году и внедрило новую систему образования, основанную на японской модели. В 1905 году в рамках реформ полностью отменена закостеневшая и коррумпированная система государственных экзаменов на получение государственной должности [Ван Ян 2018]. В октябре 1911 года в городе Ухань произошло народное восстание, положившее начало Синьхайской революции. Был создан временный революционный комитет, который принял решение о создании Китайской республики. Первым президентом Китайской республики был избран Сун Ятсен (孙逸仙), один из наиболее почитаемых в Китае

политических деятелей. В феврале 1912 года было принято отречение династии Цин [Кубатаева 2021]. Правительство вновь созданной Китайской республики начало работу по изменению внутреннего содержания образовательной системы. Отвергая имперские принципы образования, новые власти заявили, что целью образования является содействие развитию здоровой личности, воспитание учащихся в области морали и искусства, а также укрепление единства страны.

Революционеры эпохи Синьхайской революции, пропагандируя идеи общественного прогресса, тем не менее старались придерживаться этических норм конфуцианства, вошедших в плоть и кровь китайской нации. Так, Сунь Ятсен призывал своих соратников соблюдать нормы конфуцианской морали – долг, верность, прямоту, честность, уважение к старшим и т.д. [Делюсин 1982]. Идеи Синьхайской революции 1911 года в последовавшее за ней столетие стимулировали четыре крупные преемственные реформы образования: республиканская 1912 г.; реформа 1922 г. по американской модели; реформа 1951 г. по советской модели; реформа эпохи глобализации конца XX – начала XXI в. Все эти реформы основывались на одних и тех же ключевых принципах: равенство доступа к образованию; ответы на вызовы времени, связанные с ускорением научно-технического прогресса и глобализации; воспитание личности в патриотическом духе; сочетание национальной специфики с передовым опытом иных стран.

Реформаторы в начале XX в. считали создание современной системы образования необходимой предпосылкой индустриализации страны. Выдвинутые реформаторами цели в той или иной степени были реализованы в ходе масштабной реформы 1912 г., проведенной под руководством выдающегося политического деятеля и педагога Цай Юаньпэя (蔡元培), который по предложению Сунь Ятсена возглавил министерство просвещения. Приоритетной целью для реформаторов представлялась ликвидация в течение десятилетия почти поголовной неграмотности. С этой целью был предпринят ряд мер. В частности, реформа декларировала право для всех граждан (в том числе женщин) на

обязательное обучение на уровне первой ступени начальной школы. Были созданы учебники и словари, предназначенные для обучения широких народных масс [Боревская 2012; Кондратьева 2012].

В работе по организации высшего образования правительство стало глубоко изучать и использовать самый передовой и эффективный опыт зарубежья. Так, например, в 1913 году действовала финансируемая государством программа отбора лучших студентов и преподавателей для обучения за границей. Много студентов были направлены в Японию, в США и страны Западной Европы по программам обучения и подготовке технических специалистов, особенно в области авиастроения, судостроения, радиотехники и геологии.

В конце 1916 года, после того как Цай Юаньпей (蔡元培), первый министр образования Китайской Республики и основатель «Китайского педагогического общества образования», стал ректором Пекинского университета, государство стало внедрять в образовательную практику различные инновационные программы. Так, стали более разнообразными формы обучения, студент перестал быть пассивным слушателем в процессе образования, большое внимание уделялось самостоятельной работе студентов, учащиеся стали мотивировать заниматься наукой.

В то время американская модель образования оказала наибольшее практическое влияние на формирование системы высшего образования Китая. Например, в 1919 году в Тяньцзине был основан частный Нанкайский университет (南开大学), в котором использовалась американская модель образования для преподавания, когда обучение полностью велось на английском языке. Основатели этого университета, известные китайские педагоги Чжан Болин (张伯苓) и Янь Фансунь (严范孙), за год до описываемых событий поехали в США с целью изучения деятельности американских колледжей и университетов.

В течение 1919–1920 гг. в американские университеты выехала большая группа руководителей китайских университетов и чиновников. По возвращению они представили доклад об особенностях американской образовательной системы и возможности внедрения некоторых ее особенностей на китайской почве. Реформа 1922 г., подготовленная группой либеральной интеллигенции, привнесла в систему образования ряд принципиальных нововведений. Они содействовали дальнейшей демократизации образования, и в частности, касались введения самоуправления университетов, а также введения в систему образования письменного языка байхуа вместо классического письменного языка вэньянь. Также была проведена модернизация образовательных программ по западным образцам: введены естественнонаучные дисциплины начиная с уровня начальной школы; произведена дифференциация учебных дисциплин средней школы на шесть областей: математика, естественные дисциплины, язык и литература, общественные науки, изящные искусства и физическая культура. На уровне отдельных школ практиковались эксперименты по освоению ряда американских методик индивидуализированного обучения (Дальтон-план, предоставлявший свободу в выборе занятий, очередности изучения учебных предметов и в использовании времени для учебы; метод проектов, ориентированный на реализацию творческой инициативы учащегося; система баллов и тестирования). Таким образом, учебный процесс был переориентирован на массовую подготовку кадров для развития экономики страны.

Опыт российской системы образования дореволюционный также способствовал развитию китайской системы образования того времени. В 1922 году в Харбине был основан Русско-Китайский технологический институт, который в 1928 году был преобразован в Харбинский технологический институт. Работа института строилась по российской образовательной модели: были заимствованы курсы, рабочие программы и устав. В качестве рабочих языков обучения были выбраны русский, английский и китайский, а все образовательные программы были практико-ориентированны. Усилия Китая по развитию системы высшего образования с 1912 по 1925 год были вознаграждены, что выразилось в

увеличении числа высших учебных заведений. Достаточно сказать, что в 1925 г. в Китае было уже двадцать один государственных университетов.

Проведение реформ образования в начале XX века осложнялось раздробленностью Китая, возникшей вследствие гражданской войны, а также из-за вооруженных конфликтов с Японией, которые в 1937 году переросли в полномасштабную войну, продолжавшуюся по 1945 год. К середине XX века, после окончания «Восьмилетней войны сопротивления Японии» (抗战) восьмилетней антияпонской войны и гражданской войны между Гоминьданом и Коммунистической партией экономическая, политическая и социальная ситуация в стране была чрезвычайно сложной. В этих условиях в 1949 году была провозглашена Китайская Народная Республика, а развитие образовательной индустрии Китая продолжало достигать новых высот. Первые меры Нового Китая в области образования были направлены на быструю ликвидацию неграмотности среди большинства населения путем создания централизованной системы учебных заведений, активного сотрудничества с Советским Союзом, расширения сети педагогических университетов. В результате этих мер и создания системы для обучения взрослого населения к 1956 году уровень неграмотности значительно снизился. Значительно расширилась сеть педагогических учебных заведений.

В 1950-х–1960-х гг.. различные учебные заведения Китая изучали советские теории и опыт преподавания и приглашали советских экспертов, которые создавали кафедры и лаборатории в университетах, вели подготовку аспирантов и педагогических работников, оказывали содействие в создании широкой сети профессионально-технического образования. В это время более 10 тысяч китайских специалистов прошли обучение в советских учебных заведениях. Однако успешное развитие системы образования в КНР в 60-е годы было прервано политическими событиями, получившими название «культурная революция». В тот период во внутривластную борьбу были вовлечены широкие массы студенчества, что имело негативные последствия для всей

системы китайского образования. Многие университеты прекратили свою деятельность, а в оставшихся учебный процесс перестал соответствовать общепринятым стандартам. Деятельность Министерства образования была парализована.

Возрождение и прогресс системы образования в Китае историки связывают с событиями 1978 г., когда государство решило проводить коренную модернизацию, получившую название «политика реформ и открытости» (改革开放). В стратегических планах модернизации китайского общества использованы понятия «сяо кан» (小康) и «да тун» (大同), заимствованные из канона Конфуция «Ли цзи» (礼记). «Сяо кан» (小康) – это «средний достаток», «да тун» (大同) переводится «великое единение». Под непосредственным воздействием конфуцианства государство в качестве важнейшей цели политики государства в современном Китае, рассчитанной на период до середины XXI века, объявило формирование общества «среднего достатка» (小康 сяо кан), которое затем приведет к воплощению в жизнь идеала общества «великого единения» (大同 да тун).

В качестве основы модернизации было определено образование, которое нуждалось в качественных изменениях. В процессе начавшегося с 1978 года реформирования системы образования Китая исследователи выделяют следующие этапы: этап мобилизации и разработки планов реформы (1978–1985 гг.); этап первоначальных мер по реформированию образования (1985–1992 гг.); этап реформирования в условиях рыночной экономики (1993–1998 гг.); этап углубления реформы системы образования и всемерного прогресса, воспитания качественных характеристик (1999 и последующие годы). Начиная с 1978 года, в ходе реформ в Китае создана система основного (базового) общего образования, которое осуществляется на уровнях дошкольного, начального и среднего образования. В 1978 г. введено десятилетнее общее образование, а в первой

половине 80-х гг. восстановлено двенадцатилетнее общее образование: младшая школа (где дети учатся шесть лет), неполная средняя (обучение в ней длится три года), полная средняя (также три года обучения), при этом предусмотрено обязательное девятилетнее образование. После получения девятилетнего образования (то есть окончания общей средней школы первой ступени) учащийся может поступить в общую среднюю школу старшей ступени либо получить профессиональное образование. [Бордонская, Чэнь Чжаомин 2010; Гэн Хайтянь 2011; Гурулева 2017; Ли Сюй; Семенова 2012].

Профессионально-техническое образование, являвшееся ранее самым слабым звеном всего китайского образования, в период реформ получило стремительное развитие. Декларированная государством модернизация китайского общества требовала подготовки не только инженерно-технических работников, но и большого количества среднего технического персонала, квалифицированных рабочих. Требовалось принять действенные меры для того, чтобы в кратчайшие сроки изменить исторически сложившееся в китайском обществе пренебрежительное отношение к профессионально-техническому образованию и изменить ситуацию к лучшему. Для успешного реформирования данной сферы образования следовало изменить отношение к рабочим профессиям, систему профессиональной подготовки и систему подбора рабочих кадров, внедрив принцип «сначала обучаться, потом устраиваться на работу». В связи с этим были разработаны соответствующие нормативные акты, которыми внесены изменения в систему профессионально-технического образования. В результате реформирования системы профессионально-технической подготовки произошли положительные изменения на рынке труда. В частности, кандидаты на рабочее место, особенно в высокотехнологичных отраслях промышленности, теперь должны были предварительно пройти профессионально-техническое обучение и предъявить полученный по результатам экзаменов квалификационный аттестат.

В современном Китае сформирована развитая система высшего образования, которая включает три вида: курсы со специальными учебными программами, бакалавриат и магистратура. С 1981 года в Китае действует система дипломов,

которая делится на три уровня: степень бакалавра, степень магистра и степень доктора. Для отбора учащихся в высшие учебные заведения в стране введен единый государственный экзамен (高考 гаокао), сдав который, ученики считаются выпускниками средней школы старшей ступени. По результатам этого экзамена выпускники школы могут быть зачислены в любое высшее учебное заведение Китая.

В 90-е годы XX века в китайской образовательной системе начались серьезные и кардинальные реформы, цель которых состояла в приведении стандартов подготовки будущих специалистов в соответствии с международными стандартами при одновременном сохранении концептуальных основ религиозно-философского учения Конфуция. В условиях стремительного развития Китая опора на конфуцианские ценности позволяет сочетать в теории и практике приверженность традициям и стремление к инновациям, направляя общественный прогресс в нужное русло и способствуя таким образом стабилизации и гармонизации процесса развития современного китайского общества. Образовательная концепция Китая для данного этапа развития предусматривает, что обучаясь, школьник или студент должен не только освоить программу школы или университета, но и интериоризировать основные ценности китайской нации, заключающиеся в преданном служении отчизне, соблюдении законов справедливости, в постоянном самосовершенствовании и трудолюбии.

В 1993 году Китай реформировал плановую систему приема в университеты и систему распределения выпускников, при этом были использованы изложенные ниже три подхода: план приема учащихся в учебные заведения составляется на основании среднесрочного и долгосрочного прогнозов потребности в кадрах с тем, чтобы прием учащихся в учебные заведения соответствовал потребностям страны в краткосрочной и долгосрочной перспективе; внедрена практика подготовки специалистов по поручениям работодателей, которая стала важным дополнением к национальному плану приема учащихся (организация, которой требовались кадры определенной квалификации, на основании договора

выплачивает учебному заведению определенную сумму денежных средств за обучение студента, который по окончании учебного заведения обязан работать в организации на условиях, предусмотренных договором); небольшое количество учащихся может быть зачислено в учебное заведения на условиях оплаты обучения за свой счет.

Принятие в декабре 2002 года закона «О поощрении частного образования» способствовало быстрому развитию частных колледжей и университетов, в результате чего количество студентов в частных колледжах и университетах резко возросло. В некоторых провинциях число студентов в подобных учебных заведениях было равно числу студентов в государственных высших учебных заведениях, а в ряде случаев даже превышало его. Рассмотрим основные особенности и тенденции современного этапа развития высшего образования в Китае.

1. Высшее образование как инструмент универсального образования.

Как и многие другие страны, Китай рассматривает расширение образования как важный фактор экономического роста, поэтому правительство предприняло шаги по увеличению набора молодых людей в высшие учебные заведения. Американский исследователь высшего образования Мартин Трой [Martin электронный ресурс URL] в 1974 году предложил концепции элитного высшего образования, массового высшего образования и всеобщего высшего образования. Элитное образование связано прежде всего с исследовательской деятельностью, интеллектуальным трудом; оно является инструментом воспитания элит. Если высшее образование получает 15% той или иной возрастной группы, то элитное образование переходит в разряд массового высшего образования; в то же время сохраняется высшее образование элитного уровня, которое нацелено на избранных студентов, интересующихся научными исследованиями. В этом случае массовое высшее образование дополняет элитное образование, обеспечивая расширение функциональных возможностей высшего образования – ведь рост числа студентов неизбежно означает, что они будут все более мотивированными, одаренными и интеллектуально отличающимися. Вряд ли можно ожидать, что во

всё расширяющейся системе высшего образования все студенты будут интересоваться научными изысканиями. Если более половины выпускников школ поступят в вузы, то всеобщее высшее образование будет третьей составляющей экономического роста страны [Martin электронный ресурс URL; Тайхлер 2015]. Если эту теорию применить к Китаю, где уровень высшего образования достиг 19%, то можно считать, что Китай вступил в стадию массового высшего образования и имеет тенденцию перехода к всеобщему высшему образованию.

2. Высшему образованию придается непрерывный характер.

Международная комиссия ЮНЕСКО по проблемам образования в XXI веке под председательством Жака Делора в 1996 году выделила четыре основополагающие принципа образования, формирующих ключевые компетенции у обучаемого лица: 1) научиться познавать; 2) научиться работать; 3) научиться жить вместе; 4) учиться жить. «Научиться познавать» означает уметь самостоятельно добывать знания. Сегодня ученику школы и(или) студенту высшего учебного заведения недостаточно лишь разбираться в одном предмете; важно обладать обширными знаниями, что особенно ценно в современном глобализирующемся мире и при усилении межкультурных контактов. «Научиться работать» – это постоянно совершенствоваться в своей профессиональной деятельности путем приобретения компетентности, дающей возможность самостоятельно справляться с различными непредвиденными ситуациями, для чего необходимо обеспечивать практическое применение изученного посредством использования различных форм чередования учебы и работы. «Научиться жить вместе» – означает получение знаний о других лицах и сообществах (их истории, традициях и образе мышления), что обеспечивает разумное и мирное решение конфликтов, возникающих в процессе реализации совместных проектов. На практике это может выражаться в формировании компетенций, связанных с реализацией качеств, необходимых для работы в команде. «Научиться жить» – означает необходимость лучше познать самого себя с целью реализации своего природного потенциала [Делор 2007 электронный ресурс URL; Курбакова 2014].

Таким образом, в XXI веке одной из основных тенденций образования, в том числе в Китае, становится его непрерывный характер.

3. Высшее образование становится все более диверсифицированным.

По мере увеличения численности учащихся высших учебных заведений оказалось, что студенты все больше различаются по социальным, гендерным и другим показателям – ведь рост численности студентов неизбежно приводит к различиям между ними в способностях, наклонностях и мотивах обучения. В связи с этим возникает вопрос о диверсификации обучения по критериям продолжительности учебных программ, соотношения теоретических и практических аспектов программ, степени вовлеченности преподавателей и учащихся в исследовательскую деятельность [Тайхлер 2015]. Отвечая на вызовы времени, связанные с переходом к массовому высшему образованию, Китай ввел систему ранжирования высших учебных заведений, дифференциацию программ обучения, установил платность образования во всех высших учебных заведениях. В соответствии с системой ранжирования высшие учебные заведения разделены на категории по иерархии: учебные заведения высшей категории, провинциального уровня, городского уровня и т. д., а также по типам обучения разного уровня сложности: комплексные университеты, высшие учебные заведения с полным курсом обучения (бакалавриат), высшие учебные заведения с сокращенным курсом обучения, высшие профессионально-технические учебные заведения. Кроме того, в конце 1990-х гг. в рамках образовательных проектов Китай приступил к реализации программ «Проект 211» (название возникло из сочетания числительных 21 и 1, что означает «XXI век», согласно которому будет отобрано 100 ключевых вузов) и «Проект 985» (название возникло из сочетания числительных 98 и 5, что означает год – 1998, и месяц 5, то есть май), в соответствии с которым отобрано 39 лучших высших учебных заведений. Цель этих проектов заключается в отборе флагманов китайской системы высшего образования, которые достигли наилучшие показатели в деле подготовки высококвалифицированных специалистов, научной деятельности, разработке инновационных продуктов. Более глобальная цель этих программ видится в

приобщении Китая к мировому образовательному опыту. Указанные учебные заведения получили дополнительную государственную поддержку, позволяющую обеспечивать их приоритетное развитие [Гурулева 2017; Яньхуэй Ли]. Система ранжирования вузов органично связана с системой набора учащихся, которая предусматривает набор абитуриентов за счет селективности по баллам, полученным абитуриентами на едином государственном экзамене – гаокао (高考) [Ван Ян 2018: 62–71].

К началу прошлого столетия в Китае выработались строгие правила приемы в высшие учебные заведения. Еще до сдачи единого государственного экзамена будущий абитуриент может указать те университеты, где он хотел бы получить высшее образование (не более пяти). Соответствующее агентство затем соотносит баллы выпускника школы и рейтинг университетов, указанных в анкете, таким образом направляя бывшего школьника и будущего студента на обучение в вуз. Если выпускник школы набрал достаточно высокие баллы на выпускных экзаменах, но он направляется на обучение в высокорейтинговый вуз; те, кто не продемонстрировал достойные результаты, обучаются в общеобразовательных высших учебных заведениях классического типа. [Кузнецова 2018]. В соответствии с государственной образовательной политикой диверсификация коснулась и планов обучения в вузах. В высших учебных заведениях Китая в зависимости от целей обучения и требований к уровню подготовки обучаемых лиц введены разные по объему и продолжительности обучения учебные программы: краткий курс обучения сроком 2–3 года, бакалавриат со сроком обучения 4–5 лет, магистратура со сроком обучения 2–3 года, докторантура со сроком обучения 3–4 года. В рамках реформ принято решение о целесообразности взимания платы за обучение во всех высших учебных заведениях. С 1997 г. все высшее образование стало платным. Плата за обучение составляет примерно 20 % от его себестоимости, при этом государство в целях обеспечения доступности образования для всех развивает системы образовательных кредитов и различные формы поддержки талантливых студентов.

4. Автономия высших учебных заведений.

Организация образовательной деятельности в современных китайских университетах построена с акцентом на автономии высшего учебного заведения, которая проявляется в академической самостоятельности, то есть в сфере организации профессиональной среды, в выборе области научных исследований и т.д., а также в экономической автономии, которая дает возможность университету самостоятельно корректировать направление своего развития с учетом потребностей рынка трудовых ресурсов, добиваясь более тесного позитивного взаимодействия с обществом.

5. Интернационализация высшего образования.

Согласно плану модернизации образования КНР, до 2035 г., важнейшим принципом реализации указанного плана является сотрудничество со странами Востока и Запада, расширение международного сотрудничества и расширение обмена студентами и преподавателями. Активное использование международного опыта является – это действенный инструмент повышения качества высшего образования в Китае: обучение за рубежом; привлечение иностранных преподавателей для работы в вузах; активная научная деятельность и публикация статей в зарубежных журналах; реорганизация учебных планов и рабочих программ дисциплин по лучшим зарубежным моделям. На данный момент 18 китайских университетов вошли в число 200 лучших университетов мира. К концу 2020 года в Китае было зарегистрировано 500 000 иностранных студентов. Кроме того, Китай активно отбирает и отправляет своих лучших студентов на обучение в ведущие зарубежные университеты. С 1978 по 2018 год общее количество китайских студентов, обучающихся за рубежом, составило 5,86 миллиона человек, а в 2019 году число таких студентов превысило 700 тысяч. Китай придерживается выбранной стратегии по укреплению своих позиций на международном рынке образовательных услуг, в том числе за счет увеличения количества стипендий для иностранных студентов, расширения спектра англоязычных предметов и образовательных программ, развития кредитной системы зачетов и признания квалификации и степеней, развития программ

онлайн-обучения. Кроме того, планируется увеличить количество филиалов китайских университетов за рубежом. Автор настоящего исследования сам является примером реализации принципа интернационализации китайского высшего образования, так как ученая степень кандидата наук, полученная в России, – это синоним качества и высокого стандарта научных исследований, реализуемых российскими учеными как самостоятельно, так и в рамках российско-китайских академических проектов.

6. Высшие учебные заведения и другие социальные институты формируют более тесные отношения.

В отношении высших учебных заведений данное правило означает, что университеты должны установить более тесные отношения с местными органами власти и стать центром системы непрерывного образования для удовлетворения различных потребностей общества. Высшие учебные заведения также должны сотрудничать с промышленными предприятиями с целью получения студентами образования, приближенного к реальности, и обеспечения выпускников местом работы после получения диплома.

7. Акцент на развитие творческих способностей студентов.

До недавнего времени развитие личности студента не ставилось во главу угла системы образования в Китае. Возможно, это связано с характеристикой китайской культуры как высококонтекстуальной, когда приоритет отдается опыту и знаниям, а не прогрессу и инновациям. Учащиеся в таком случае лишены возможности быть равноправными членами образовательного процесса, не развивают своей творческий потенциал, между учителем и учеником отсутствуют доверительные отношения, недостаточно развивается критическое мышление студентов и их социальные компетенции. Однако здравый смысл подсказывает, что лишь общество с активными людьми, имеющими возможность раскрыть все свои способности, является самым динамичным, самым жизнеспособным и конкурентоспособным. Современные условия развития общества вызвали необходимость построения новой модели отношений между преподавателями и учащимися, которая бы обеспечивала студентам гармоничную, свободную,

либеральную атмосферу, способствующую раскрытию их творческого потенциала и приобретению ими социальных компетенций.

В наши дни предъявляемые к педагогам высших учебных заведений Китая требования таковы: «педагоги должны активно создавать новую модель отношений между преподавателями и учащимися, поощряя их к тому, чтобы задавать вопросы, больше размышлять, ставить факты под сомнение, свободно высказывать свои мнения; педагоги должны уделять пристальное внимание формированию творческих компетенций студентов» на основе индивидуального подхода, создавая условия для раскрытия потенциальных возможностей каждого учащегося [Чжу Фанчжуань 2018: 131–133].

Таким образом, начиная с 1978 года, когда стартовали реформы в сфере образования, и до настоящего времени Китай значительно продвинулся на пути преобразования структуры и сути образовательной системы. Горизонт планирование «Государственной программы среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010–2020 гг.» расширен до 2035 года. За это время Китай несомненно достигнет еще больше позитивных результатов в деле инновационного развития системы обучения и воспитания детей с опорой на лучшие китайские традиции и с привлечением достижений мирового опыта. Сегодняшний этап знаменуется переходом от количественного роста к качественным изменениям в сфере образования. В сентябре 2017 года «Проект 985» и «Проект 211» были объединены и трансформированы в новый проект, целью которого является создание университетов и дисциплин мирового класса «Университеты мирового класса и первоклассные специальности» (世界一流大学和一流学科建设, сокр.双一流 shuāng yī liú). К 2030 г. будут созданы университеты, отвечающие лучшим мировым стандартам.

Выводы по главе I

Проведенное исследование теоретических основ изучения предметной области образования в китайской лингвокультуре позволяет сделать следующие выводы. В когнитивной лингвистике выработан широкий спектр терминов для ментального и вербального представления явлений окружающей действительности: *концепт, понятие, значение, термин, предметная область, прототип, фрейм*. Ученые-лингвисты пока не пришли к единому мнению по поводу дефиниции и содержательного наполнения терминов *концепт, понятие, значение*. С одной стороны, номинации *концепт* и *понятие* считаются синонимичными, с другой стороны, концепт и понятия рассматриваются как взаимозаменяемые. Наконец, существует и третья точка зрения, согласно которой концепт мыслится более широким образованием, чем понятие. При рассмотрении соотношения номинация значение и понятие логичной представляется их отнесение к разным уровням языка – семантический и концептуальный. Термин, в свою очередь, также может функционировать в качестве механизма категоризации и концептуализации действительности.

Более широкой номинацией, способной преодолеть некоторые онтологические и терминологические ограничения рассмотренных терминов *концепт, понятие, значение, термин*, совмещающих в себе все категориальные, концептуальные и лингвокультурологические характеристики указанных номинаций, является *предметная область*. Такой выбор имеет серьезное методологическое обоснование, заложенное еще в работах М. Хайдеггера, который полагал, что каждая наука есть обоснование определенной предметной области, результатом которого становится образование понятий, составляющих данную предметную область [Хайдеггер 2003]. Данное утверждение вполне справедливо в отношении китайской системы образования, которая за многолетний опыт своего существования выработала систему терминов для номинации тех или иных реалий. Во-вторых, предметная область – это логико-понятийная модель объекта, которая включает в себя концептуально-

тематическую и лингвоаксиологическую составляющие. В концепте аксиологическая составляющая выражена максимально, но и предметная область не лишена ценностного фактора, так как, например, при изучении предметной области образования в той или иной культуре, лингвист стремится описать концептуально-тематическую, ценностную и метафорическую составляющие. Предметная область «образование» относится к числу ключевых компонентов, путем исследования которого можно составить представление о языковой картине мира носителей китайской лингвокультуры.

Еще одним адекватным инструментом описания и рассмотрения феноменов языка и речи является теория прототипов. Теория прототипов была предложена и разработана Э. Рош. Впоследствии данная теория была экстраполирована на механизмы концептуализации и категоризации мира, выработанные в рамках когнитивной лингвистики. С теорией прототипов тесным образом связана теория фреймов. Фреймы актуализируют в сознании людей имеющиеся у них когнитивные схемы, установки, стереотипы, представления об окружающей действительности в целом и(или) об отдельных ее фрагментах. При анализе предметной области образования в китайской лингвокультуре логичным представляется использование фреймовой методики, главное достоинство которой состоит в том, что она позволяет представить тот или иной феномен окружающей действительности в виде ментальных образований как культурных феноменов, не подверженных влиянию временных и географических факторов той страны, где возникла и продолжает существовать та или иная предметная область. Безусловно, мы осознаем тот факт, что по мере своего развития теория фреймов претерпела значительные изменения – от различных классификаций фреймов до существования диаметрально противоположных аналогов данной теории – но в своем анализе предметной области образования мы считаем целесообразным эксплуатацию именно структуры анализируемой теории в виде фреймов и микрофреймов, так как такое моделирование позволит выявить терминологические, когнитивные и лингвокультурологические особенности китайской системы образования. Именно фреймовая методика дает возможность

проследить и описать влияние конфуцианства на формирование ценностей и структуры китайской системы образования, описать историю и современное состояние системы подготовки учащихся и студентов в Китае.

Предметную область образования как лингвокультурный феномен можно представить в виде модели, включающей концептуально-тематическую и лингвоаксиологическую составляющие. При этом модель будет пониматься не как процесс, а как результат отражения экстралингвистической и экстрадискурсивной реальности, когда реализуется комплексный, системообразующий и интегративный подход к изучению феноменов языка и культуры. В определенном смысле модель предметной области образования коррелирует с постулатами фреймовой методики, так как и тот, и другой метод познания действительности дает возможность выделить четкие критерии лингвистического описания экстралингвистических явлений.

Особенностью современного китайского образования является преемственность многовековых традиций педагогики, при которой система школ и высших учебных заведений выступала одновременно педагогической платформой для развития страны и государственно-идеологической доктриной. Педагогическая культура Китая развивалась и развивается под влиянием идейно-философского учения Конфуция. История китайской педагогики начинается с деятельности Конфуция, а его учение, став духовным стержнем китайской культуры, приобрело статус официальной идеологии и играло ведущую роль в длительной истории развития китайского образования, сохранив при этом свою актуальность в современном социальном порядке. В конфуцианстве важнейшей частью системы мировоззрения выступает образование, воспринимаемое как основа справедливости и порядка.

Китайская система образования имеет долгую и богатую историю. За многовековую историю китайская образовательная система пережила много потрясений и реформ, подъем и стагнацию, борьбу с консерватизмом и расцвет прогрессивной мысли. В современном Китае сформирована развитая система высшего образования. Закон предусматривает три разновидности высшего

образования: курсы со специальными учебными программами, бакалавриат и магистратура. В 90-е гг. XX века китайская система образования начала масштабные реформы с целью соответствия мировым стандартам, но при этом идеология китайского образования опирается на основополагающие идеи конфуцианства, востребованные в современном китайском обществе.

ГЛАВА II. МОДЕЛЬ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В модели предметной области образования в китайском языке с точки зрения концептуально-тематических характеристик можно выделить большое количество реалий, являющихся уникальными для этой лингвокультуры. За основу анализа в нашем исследовании взята схема, разработанная Е. В. Алымовой [Алымова 2007], которая предложила классификацию лексики, относящейся к концептосфере образования, на основе общности предметов и явлений, которые выражают группируемые лексические единицы.

2.1. Тематические группы предметной области образования в китайском языке

В результате анализа лексических единиц китайского языка, содержащихся в словарях, учебных пособиях и средствах массовой информации, и с опорой на лингвокультурную модель концепта «образование», предложенную Е. В. Алымовой [Алымова 2007], мы посчитали возможным на основании критерия общности предметов и явлений, выражаемых исследуемой лексикой, распределить выбранные лексические единицы по следующим **тематическим группам**:

1. Государственные органы образования.

中华人民共和国教育部 – Министерство образования КНР, оно является департаментом Государственного совета КНР, отвечающим за образование и языковую работу. В состав Министерства образования КНР входит много структурных подразделений, содержание деятельности которых выражают приведенные ниже лексические единицы:

办公厅 – канцелярия; 政策法规司 – департамент законоположения и политики; 发展规划司 – департамент по планированию развития; 综合改革司 – департамент комплексной реформы; 人事司 – департамент кадров; 财务司 – финансовый отдел; 教材局 – управление учебных материалов; 基础教育司 –

департамент базового образования; 职业教育与成人教育司 – департамент профессионального образования и образования для взрослых; 高等教育司 – департамент высшего образования; 教育督导局 – управление по надзору в сфере образования; 民族教育司 – департамент национального образования; 教师工作司 – департамент по работе преподавателей; 体育卫生与艺术教育司 – департамент спортивного и художественного образования; 思想政治工作司 – департамент идеологической и политической работы; 社会科学司 – департамент общественных наук; 科学技术司 – департамент науки и техники; 高校学生司 – департамент по делам студентов вузов; 学位管理与研究生教育司 (国务院学位委员会办公室) – департамент по присуждению ученых степеней в магистратуре и докторантуре (комитет по присуждению ученых степеней); 语言文字应用管理司 – департамент по применению устной речи и письменного языка; 语言文字信息管理司 – департамент управления информацией об устной речи и письменном языке; 国际合作与交流司 – департамент международного сотрудничества и обмена; 巡视工作办公室 – кабинет инспекционного контроля; 直属机关党委 – непосредственно подчиненный партийный комитет учреждения; 离退休干部局 – управление по работе с пенсионерами; 中国联合国教科文组织全国委员会秘书处 – секретариат китайского комитета организации науки, образования и культуры ООН.

Лексические единицы, входящие в описанную выше группу, демонстрируют влияние экстралингвистических факторов на вербализацию структуры государственных органов образования в Китае. Большая часть номинаций (*департамент, управление*) отражают идеологические и общественно-политические установки современного Китая, что детерминирует функцию языка в таких условиях. С одной стороны, Китай стремится сохранить накопленные за несколько тысячелетий культурные и языковые традиции, с другой, в современном глобализирующемся мире невозможно избежать влияния западных традиций; вестернизация коснулась и восточной китайской культуры в плане наименования государственных органов образования. Лексические единицы в

данном случае выполняют не только номинативную, обобщающе-познавательную, информационно-накопительную, дейктическую, эмотивную, знаковую, коммуникативную, контактную, эстетическую, но хранительно-мемориальную функцию, когда язык одновременно пытается транслировать национально-культурную семантику (локализация) и развитие языка и культуры в соответствии с международными нормами, несмотря на изолированный характер китайского языка и китайской культуры (интернационализация).

2. Образовательные учреждения.

Как и в России, образовательные учреждения в Китае делятся на два типа: 私立学校 – частное образовательное учреждение, и 公立学校 – государственное образовательное учреждение. При этом отличительной характеристикой китайской системы образования является то, что официальные учебные заведения возникли раньше частных [Шэнь Чжэньхуэй 2019]. При анализе реалий данных типов образовательных учреждений мы по этапам образования выделили следующие номинации:

1) в системе дошкольного образования Китая: 幼儿园 – детский сад; 托儿所 – детские ясли; 学前班 – группа дошкольного воспитания.

2) в системе школьного образования Китая: 小学 – начальная школа; 初级中学 – средняя школа первой ступени; 高级中学 – средняя школа старшей ступени; 职业高级中学 – профессиональная высшая школа; 中等专业学校 – среднее специальное учебное заведение; 重点学校 – ведущая школа.

3) в системе высшего образования Китая: 高等学校 – высшее учебное заведение; 综合性大学 – многопрофильный университет; 文科院校 – гуманитарный университет; 理工科大学 – вузы с естественно-научным и техническим профилем; 师范大学 – педагогический университет; 师范学院 – педагогический институт; 工业大学 – политехнический университет; 工业学院 – политехнический институт; 农业大学 – аграрный университет; 农业学院 – аграрный институт; 林业大学 – лесной университет; 林业学院 – лесной институт;

医科大学 – медицинский университет; 医学院 – медицинский институт; 中医药大学 – университет китайской медицины; 中医学院 – институт традиционной китайской медицины; 音乐学院 – консерватория; 美术学院 – институт изобразительного искусства; 体育学院 – институт физической культуры; 军校 – военный университет; 重点大学 – ключевые университеты (университеты, получающие большую поддержку от правительства КНР); 业余职工大学 – вечерний институт для работающих; 电视广播大学 – высшее учебное заведение, в котором ведется дистанционное обучение; 函授学院 – институт заочного обучения; 教师进修学校 – институт для повышения квалификации учителей; 成人高校 – вуз для взрослых; 老年大学 – университет для людей пожилого возраста.

Наименования образовательных учреждений, равно как и названия государственных органов образования в КНР, отражают как культурно-специфические, так и универсальные особенности развития системы образования. К первым относим названия образовательных учреждений, связанных с традиционной китайской медициной, которая развивается в соответствии с догматами религиозно-философского учения Конфуция. Обращает на себя внимание и существование университета для людей пожилого возраста, что связано с социальной политикой, проводимой в Китае и направленной на сохранение физического и ментального здоровья пожилых людей. Китай считается страной долгожителей: данные, опубликованные Китайским обществом геронтологии, показывают, что в настоящее время в стране проживает 48921 человек старше 100 лет. В Китае существует и активно развивается такое направление лингвистических исследований, как геронтолингвистика, изучающая «специфику коммуникации людей пожилого возраста, в том числе проблемы языковых нарушений, которые у них возникают» [Го Лицзюнь 2022: 71]. С другой стороны, в системе высшего образования Китая присутствуют номинации, которые отражают конкретный профиль подготовки специалиста – педагогика, медицина, сельское хозяйство и т.д.

3. Учащиеся.

В китайском языке для обозначения учащихся используется лексическая единица 学生 xuésheng, где «学 xué» имеет значение «учение \учиться, обучаться», а «生 sheng» – «человек». Иными словами, учащиеся – это люди, которые одновременно обучаются чему-то (приобретают новые знания, умения и навыки), которых обучают новому, интересному и полезному. Слово 学生 xuésheng «учащиеся» обычно относятся к людям, которые учатся в учебном заведении или где-то еще (военные и др.). Лексическая единица 学生 xuésheng используется также для обозначения людей, которые продолжают свое обучение в различных образовательных учреждениях или в процессе трудовой деятельности.

В данной группе реалий можно выделить тематическую подгруппу лексических единиц, для которых смысловым критерием словообразования являлась стадия обучения, например, 学龄儿童 – ребенок школьного возраста; 小学生 – школьник, учащийся начальной школы; 低年级学生 – ученики младших классов; 高年级学生 – ученики старших классов; 初中生 – ученики младших классов средней школы; 高中生 – ученики старших классов средней школы; 大学生 – студент высшего учебного заведения.

大学生 dàxuéshēng – эта лексическая единица используется для обозначения студентов колледжей и университетов, то есть тех, кто получает основное высшее образование или высшее профессиональное образование, но еще не завершившие обучение, а также людей, уже имеющих высшее образование и занимающих соответствующие полученному образованию должность и положение в обществе. Такие люди обычно представляет собой молодой и энергичный класс общества, обладают высококлассными профессиональными талантами, являются основной движущей силой инновационного развития и социального прогресса. В рамках тематической подгруппы 大学生 – студенты высшего учебного заведения, можно выделить такие лексические единицы, как 本科生 běnkē shēng – студенты бакалавриата, а также и выпускники высших учебных заведений; 硕士研究生

shuòshì yánjiūshēng – студенты магистратуры; 博士生 bóshì yánjiūshēng – докторанты; 专科生 zhuānkē shēng – учащиеся учебного заведения высшего профессионального образования (с 2-годичным или 3-годичным сроком обучения); 自考生 zìkǎo shēng – учащиеся, обучающиеся самостоятельно, изучающие программу без посещения учебного заведения с целью сдачи единого экзамена, организованного комиссией по самообучению Министерства образования; 保送生 bǎosòng shēng – студенты, которые рекомендованы к поступлению в высшие учебные заведения отдельными средними школами Китая без сдачи единого государственного экзамена; 应届生 yīngjiè shēng – выпускники этого года, то есть выпускники университета, которые завершили обучение в данном календарном году; 往届生 wǎngjiè shēng – выпускники прошлых лет, то есть студенты, которые закончили учебу не в этом году, а в предыдущие годы, когда-то в прошлом; 留学生 liúxuéshēng – студент, обучающийся за границей; 海归 hǎiguī – вернувшиеся на Родину студенты, обучавшиеся за границей; 海待 hǎidài – выпускники университетов, вернувшиеся из-за рубежа и оставшиеся без работы.

Следует также выделить ряд лексических единиц, которые обозначают студентов, принимающих участие в деятельности общественных организаций вуза и органов самоуправления образовательных учреждений. Например, 学生干部 xuéshēng gǎnbù – это учащиеся, которые занимаются общественной деятельностью и имеют определенную должность в органах самоуправления университета.

Студенческие общественные организации и органы самоуправления (学生干部 xuéshēng gǎnbù) имеют в своем составе актив из числа учащихся, для обозначения которой используется соответствующая лексика: 班干部 bān gǎnbù – актив группы (класса), 学生会干部 xuéshēnghuì gǎnbù – актив студенческого союза, 学生科学技术协会干部 xuéshēng kēxué jìshù xiéhuì gǎnbù – актив студенческой научно-технической ассоциации, 学生自律委员会干部 xuéshēng zìlǜ wěiyuánhui gǎnbù – актив комитета учащихся по самодисциплине, 社团干部 shètuán gǎnbù – актив студенческих корпораций, и т.д.

班干部 bān gǎnbu, то есть актив **учебной группы (класса)** – это учащиеся, которые образуют классный (студенческий) комитет. В состав классного (студенческого) комитета, как правило, входят: 班长 bānzhǎng – староста группы (класса), 副班长 fù bānzhǎng – заместитель старосты группы (класса), 学习委员 xuéxí wěiyuán – член комитета, ответственный за учебу, 纪律委员 jìlǜ wěiyuán – член комитета, ответственный за дисциплину, 文艺委员 wényì wěiyuán – член комитета, ответственный за культуру и искусство, 体育委员 tǐyù wěiyuán – член комитета по физкультуре и спорту, 宣传委员 xuānchuán wěiyuán – ответственный за пропагандистскую работу, 生活委员 shēnghuó wěiyuán – ответственный по бытовой части, 劳动委员 láodòng wěiyuán – ответственный по физическому труду, 科代表 kē dàibiǎo – ответственный за учебные предметы, 值日生 – дежурный и т.д.

学生会 xuéshēnghuì – это **студенческий союз**, являющийся основной студенческой организацией, которая представляет интересы учащихся и выполняет роль связующего звена между учащимся и администрацией учебного заведения. Актив студенческого союза (学生会干部 xuéshēnghuì gǎnbu) – это учащиеся, занимающие определенные должности в студенческом союзе, например: 主席 zhǔxí – председатель, 副主席 fù zhǔxí – заместитель председателя, 秘书长 mìshū zhang – начальник секретариата, 部长 bùzhǎng – руководители разных отделов, 副部长 fù bùzhǎng – заместители руководителей разных отделов, 处长 chù zhang – руководители подразделений, 副处长 fù chù zhang – заместители руководителей подразделений, 干事 gànshi – инструктор, 预备干事 yùbèi gànshi – резервный инструктор, и т.д.

学生科学技术协会 xuéshēng kēxué jìshù xiéhuì – это **студенческая научно-техническая ассоциация**, которая занимается поддержкой талантливых студентов в части продвижения их инновационных, научных и исследовательских проектов. В актив студенческой научно-технической ассоциации входят: 学生科学技术协会干部 xuéshēng kēxué jìshù xiéhuì gǎnbu – учащиеся, занимающие определенные

должности в указанной общественной организации, например, 主席 zhǔxí – председатель, 副主席 fù zhǔxí – заместитель председателя, 秘书长 mìshū zhǎng – начальник секретариата, 部长 bùzhǎng – руководители разных отделов, 副部长 fù bùzhǎng – заместители руководителей разных отделов, 委员 wěiyuán – члены ассоциации, и.т.д.

学生自律委员会 xuéshēng zìlǜ wěiyuánhuì – это **комитет по самодисциплине студентов**, роль которого сводится к организации и реализации студенческого самоуправления в университет. В актив комитета по самодисциплине студентов 学生自律委员会干部 xuéshēng zìlǜ wěiyuánhuì gànbu входят учащиеся, которые были выбраны и(или) назначены на те или иные должности в указанной структуре. Комитет (学生自律委员会 xuéshēng zìlǜ wěiyuánhuì) обычно состоит из 10 отделов: 主席团 zhǔxítuán – президиум, 办公室 bàngōngshì – канцелярия, 宣传部 xuānchuán bù – отдел пропаганды и агитации, 组织部 zǔzhī bù – организационный отдел, 外联部 wàilián bù – отдел внешней связи, 校园文明督察部 xiàoyuán wénmíng dūchá bù – отдел культуры, 早操检查部 zǎocāo jiǎnchá bù – отдел по проверке утренней зарядки, 教室卫生检查部 jiàoshì wèishēng jiǎnchá bù – отдел по проверке гигиены аудиторий, 宿舍监察部 sùshè jiānchá bù – отдел контроля общежития, 伙食督导部 huǒshí dūdǎo bù – отдел надзора за столовой. В президиум входит председатель и три его заместителя, а отдел возглавляет заведующий и два заместителя.

Словосочетание 生社团 xuéshēng shètuán означает «**студенческие корпорации**», то есть структуры в рамках университетов, организующие культурно-массовые, спортивные и развлекательные мероприятия. В студенческие корпорации входят студенты, которые имеют общие интересы и в свободное от учебы время готовы заниматься спортом, творчеством, другими видами досуговой деятельности. Целью студенческих корпораций (学生社团 xuéshēng shètuán) является обмен опытом в указанных сферах внеклассной деятельности, установление дружеских отношений со студентами, обучающимися на других

факультетах, изучение чего-то нового и прекрасного, что может помочь в освоении образовательной программы и создании благоприятного впечатления от студенческих лет. Если словосочетание 生社团 xuéshēng shètuán обоозначает именно клубы по интересам, то выражение 社团干部 shètuán gǎnbu используется в отношении студентов, которые принимают участие в их деятельности.

Нами в рамках тематической группы «учащиеся» выделена также подгруппа лексических единиц, предназначенных для классификации учащихся **по критерию их академической успеваемости**, например: 高才生 gāocáishēng – талантливые, высокоодаренные учащиеся; 高材生 gāocáishēng – способные ученики, имеющие отличную успеваемость; 尖子生 jiān zǐ shēng – учащиеся с отличными оценками; 优等生 yōuděng shēng – выдающееся учащиеся со всесторонним развитием, которые не только имеют хорошую успеваемость, но и успехи во всех остальных аспектах; 三好学生 sān hǎo xuéshēng – примерные ученики (почетное звание, присваиваемое в китайских школах выдающимся ученикам); 差生 chāishēng – учащиеся с плохой успеваемостью; 后进生 hòujìn shēng – учащиеся, имеющие низкую успеваемость из-за неправильных методов учебы, и т.д.

Рассмотрим более подробно отдельные лексические единицы, выражающие классификацию учащихся по критерию их академической успеваемости.

Под 高才生 gāocáishēng – талантливыми, высокоодаренными учениками, понимаются студенты, которые от рождения наделены незаурядными способностями к какой-то деятельности. Выражение 高材生 gāocáishēng – способный ученик с отличной успеваемостью, обозначает способных студентов, которые имеют хорошую успеваемость. Между понятиями 高才生 gāocáishēng (способные ученики с отличной успеваемостью) и 高材生 gāocáishēng (талантливые, высокоодаренные ученики) имеются следующие отличия: учащиеся, характеризующиеся как 高才生 gāocáishēng (талантливые, высокоодаренные ученики), при наличии хороших природных способностей

могут плохо сдавать экзамены, тогда как 高材生 gāocáishēng (способные ученики с отличной успеваемостью) обязательно должны быть студентами с отличными оценками; 高材生 gāocáishēng (способные ученики с отличной успеваемостью) не обязательно обладают выдающимися талантами, но их успехи должны быть достигнуты благодаря упорному труду; 高才生 gāocáishēng (талантливые, высокоодаренные ученики) могут быть изобретательные и талантливы от природы, но при этом еще не достигли выдающихся результатов.

Выражение 三好学生 sān hǎo xuéshēng «примерный ученик» состоит из двух компонентов: слова 三好 sān hǎo, имеющего значение «три хороших качества», и слова 学生 (учащийся). Под тремя хорошими качествами понимаются хорошая успеваемость, хорошее поведение и хорошая физическая подготовка. «Примерный ученик» (三好学生 sān hǎo xuéshēng) – это почетное звание, присваиваемое китайскими школами выдающимся ученикам, которые прошли отбор. Присвоение такого почетного звания представляет собой стимулирующую меру, которая призвана побудить учащихся придерживаться всестороннего морального, интеллектуального и физического развития.

Следует отметить, что в рамках тематической группы «учащийся» (学生) можно выделить подгруппу лексических единиц, используемых в неформальном общении и относящихся к сленгу (俚语). В данном выражении иероглиф 俚 lǐ означает «грубый», «пошлый», а также «популярный», «народный»; иероглиф 语 yǔ означает «язык», «речь». В настоящее время в лингвистике сформулировано большое количество определений сленга. В качестве рабочего прием определений, предложенное в русском «Словаре лингвистических терминов» под редакцией О.С. Ахмановой. «Сленг – это: 1) разговорный вариант профессиональной речи; 2) элементы разговорного варианта той или другой профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску» [Ахманова 2004: 419]. Л.Л. Нелюбин подчеркивает, что

сленг – «это разговорные слова и выражения профессиональной речи (или социальной группы), которые приобретают в языке особую экспрессивно-эмоциональную окраску и употребляются в строго определенных ситуациях и сферах общения)» [Нелюбин 2009: 152]. На основе приведенных дефиниций можно сделать вывод о том, что «сленг представляет собой слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи» [Демина 2021: 119]. Сленговые слова и словосочетания были изначально ограничены употреблением только в рамках определенной социальной группы, выражая их ценности, оценку и эмоции. По мере длительного существования в языке сленг может входить в общеупотребительную лексику, но сохранять при этом эмоциональные и оценочные компоненты значения. Знакомство со сленгом того или иного языка – это изучение не только лексического фонда, но и культурных и исторических особенностей того или иного национально-лингвокультурного сообщества на фоне широкого экстралингвистического контекста. К данной подгруппе лексических единиц относятся, в частности, такие выражения, как 校花 – звезда школы, признанная в школе (университете) красавица; 校草 – самый красивый парень в школе (высшем учебном заведении); 学霸 – учащийся-отличник; 尖子生 – выдающийся студент; 学渣 – плохой ученик, студент-лентяй; 书呆子 shūdāizi – «ботаник» (разговорное выражение, обозначающее человека, который много учится, упорно занимается, зачастую в ущерб отдыху, общению и другим сферам реальной жизни).

Таким образом, тематическая группа «учащиеся» представляет наиболее разветвленную в лексическом наполнении страту концептуально-тематической составляющей предметной области образования в китайском языке и включает в себя номинации, описывающие учащихся на разных культурно-специфических и универсальных основаниях: стадия обучения, работа студенческих общественных организаций, критерий академической успеваемости, внешний вид.

4. Учителя, преподаватели.

В данную тематическую группу входят такие лексические единицы, как 老师 – учитель; 教师 – преподаватель; 教授 – профессор; 校长 – директор школы, ректор высшего учебного заведения; 系主任 – декан.

Данная тематическая группа имеет огромное значение для понимания национально-лингвокультурных особенностей системы китайского образования. В Китае, равно как и в других восточных культурах, учитель – это не просто и не только профессия, но и духовный наставник и авторитет. Так, в китайском языке (в отличие от русского, где принято обращение к педагогу по имени-отчеству) к учителям часто обращаются 老师 (lǎoshī), что детерминировано историческими и культурными факторами. Лексема 老师 имеет следующие значения: 1) уважительное наименование преподавателя; 2) в древности наименование человека, представителя старшего поколения, передающего знания; 3) человек, передающий культуру и искусство какого-либо дела [Соломатина 2020: 96]. В китайском обществе учителем могут называть того, кто сыграл большую роль в вашей личной и (или) профессиональной жизни; того, кто занимает высокое положение в обществе; того, кто является коллегой по работе, но его имени вы пока не знаете. Но при этом в китайском обществе наметилась тенденция произвольного использования номинации 老师 (lǎoshī) – учитель, что ведет к девальвации этого понятия, и многие китайские авторы предостерегают носителей языка и изучающих китайский язык от вольного обращения с этим словом.

5. Свидетельства, дипломы, сертификаты, подтверждающие полученное образование или квалификацию.

В подгруппе 毕业证 (свидетельство об окончании учебного заведения) можно выделить следующие категории по критерию этапов обучения: 幼儿园毕业证 – диплом об окончании детского сада; 小学毕业证 – диплом об окончании начальной школы; 初中毕业证 – диплом об окончании средней школы первой ступени; 高中毕业证 – диплом об окончании школы старшей ступени; 专科毕业

证 – диплом об окончании учебного заведения высшего профессионального образования; 本科毕业证 – диплом об окончании бакалавриата; 硕士毕业证 – диплом магистра; 博士毕业证 – диплом о присвоении ученой степени доктора наук. Нужно отметить, что в рамках китайской системы образования выпускники высших учебных заведений после их окончания могут получить два диплома, один из них 毕业证 – диплом об окончании учебного заведения, а другой – 学位证, то есть сертификат о получении ученой степени (бакалавр, магистр и доктор). Например, 学士学位证 – диплом бакалавра; 硕士学位证 – сертификат магистра; 博士学位证 – диплом доктора наук. Кроме приведенных выше свидетельств об образовании, существуют еще неакадемические сертификаты, такие как 学生证 – студенческий билет; 借书证 – читательский билет; 休学证 – свидетельство о перерыве в учебе; 奖励证书 – свидетельство о получении премии (награды); 饭卡 – карточка для питания в столовой; 职业技能培训证书 – свидетельство о профессиональной квалификации; 留学回国人员证明 – свидетельство об обучении иностранного студента; 在读证明 – справка с места учебы; 外语等级证 – сертификат об изучении иностранного языка; 职业资格证书 – свидетельство, удостоверяющее профессиональную квалификацию; 教师资格证 – свидетельство о квалификации педагога и т.д.

При анализе данной концептуально-тематической группы можно сделать вывод о том, что механизмы языковой номинации отражают исторические и культурные характеристики китайской системы образования, «в процессе номинации явлений одной тематической области задействованы как лингвистические, так и экстралингвистические факторы» [Медведева 2007: 105]; номинации в данной группе, равно как и в группе *государственные органы управления*, демонстрируют одновременные тенденции к локализации и интернационализации лингвистических и экстралингвистических особенностей китайской системы образования.

6. Инфраструктура школ и высших учебных заведений.

К данной тематической подгруппе относятся лексические единицы, обозначающие инфраструктуру школ и высших учебных заведений, которая обеспечивает условия для учебного процесса, например: 教学楼 – учебный корпус; 图书馆 – библиотека; 自习室 – комнаты для самоподготовки в учебных корпусах, 水房 – помещение, где можно бесплатно получить горячую воду (здесь следует отметить, что в Китае повсеместно легко достать горячую воду – горячая вода в свободном доступе всегда имеется в аэропорту, на вокзале, в поездах, в университетах, при этом у каждого студента есть свой термос для горячей воды или горячего чая); 校医院 – университетская больница; 操场 – спортивная площадка; 大学生宿舍楼 – студенческое общежитие; 食堂 – столовая; 饭卡 – карточка для оплаты питания в столовой. В эту категорию еще входят такие слова, как 教室 – аудитория, 实验室 – лаборатория, 游泳馆 – бассейн, 图书馆 – библиотека, 体育馆 – стадион, 家属楼 – дом для персонала.

Национально-культурная специфика данной группы проявляется скорее не в лексических единицах, используемых для номинации инфраструктуры школ и высших учебных заведений, а в самой концепции помещений. Как было указано выше, в китайских учебных заведениях есть помещение, где можно бесплатно получить горячую воду. Такое правило выработано в традиционной китайской медицине (ТКМ), демонстрирующей с аксиологической точки зрения тенденцию к локализации, когда устанавливается «принцип гетерогенности истины, который противостоит принципу универсальной и объективной истинности знаний» [Хайянь 2021: 136]. ТКМ при всем своем архаичном характере, будучи перемещенной в современные условия и обстоятельства, порождает новые смыслы и показывает свои неоспоримые преимущества.

7. Церемонии и мероприятия школ и высших учебных заведений.

К данной тематической подгруппе лексических единиц относятся следующие: 军训 – военная подготовка, в ходе которой учащиеся китайских высших учебных заведений и средних школ получают базовое теоретическое

военное образование и базовые навыки военной подготовки в соответствии с положениями Закона о национальной военной службе КНР; 开学典礼 – торжественное начало учебного года (в ходе данного мероприятия в присутствии всех учащихся и преподавателей учебного заведения производится поднятие государственного флага, после чего выступают руководители учебного заведения, учителя и учащиеся – отличники); 升旗仪式 – церемония поднятия государственного флага, которая согласно Закону о государственном флаге Китайской Народной Республики проводится в школах еженедельно [Закон о государственном флаге Китайской Народной Республики, 1990 // 中华人民共和国国旗法]; 迎新晚会 – вечер в честь вновь прибывших студентов; 毕业典礼 – церемония прощания учащихся с преподавателями, которая после окончания учебы проводится в учебных заведениях всех уровней, то есть в детских садах, начальных школах, средних школах и университетах (в высших учебных заведениях эта церемония сопровождается объявлением о присвоении ученых степеней и вручением дипломов); 学校运动会 – спортивные соревнования, проводимые в рамках данного учебного заведения; 课间操 – гимнастика (зарядка) между уроками (обычно проводятся в начальных и средних школах между вторым и третьим уроком каждое утро, время такой зарядки составляет 20 минут.); 眼保健操 – гимнастика для глаз (согласно Плану работы по профилактике и контролю близорукости у учащихся начальных и средних школ, разработанный Министерством образования Китая, в начальных и средних школах гимнастика для глаз должна быть включена в расписание занятий, и ею следует заниматься два раза в день [План работы по профилактике и контролю близорукости у учащихся начальных и средних школ, 2008. // 中小学学生近视眼防控工作方案.]; 勤工俭学 – совмещение обучения и работы (это оплачиваемый труд, организованный школой или самим учащимся, чтобы получить возможность самостоятельно оплатить учебу).

Представленная тематическая группа также обладает мощным аксиологическим потенциалом в силу целого ряда причин. Во-первых, церемонии

и мероприятия в школах и высших учебных заведениях способствуют воспитанию патриотизма и любви к Родине через участие в поднятии государственного флага, что содействует созданию чувства единства и причастности великому государству. Во-вторых, во время этих церемоний и мероприятий реализуется личностное начало, когда особое внимание уделяется отличникам и вновь прибывшим студентам, что стимулирует добиваться больших высот в учебе и помогает новичкам почувствовать себя частью большой и дружной школьной или вузовской семьи. В-третьих, китайская система образования доказывает постулат о том, что «в здоровом теле – здоровый дух», и что только школьник и (или) студент, заботящийся о своем здоровье, сможет показать отличные результаты в учебе.

8. Конфуцианство.

Многие исследователи отмечают, что в течение многих веков доминирующей платформой парадигмы образования в Китае являлось учение Конфуция (孔子), жившего в VI–V вв. до н.э. [Ван Ян 2018; Германович 2018]. Помимо слова «Конфуций» (孔子), к данной тематической группе можно отнести такие лексические единицы, как «конфуцианство» (儒学), «педагогические идеи Конфуция» (孔子教育思想), наименования классических произведений конфуцианской литературы, к числу которых относятся такие шедевры, как «Беседы и суждения» «论语» (Лунь Юй) и «Книга обрядов» 《礼记》 (Ли цзи), важной составной частью которой является трактат об образовании под названием «Записки об учении» 学记》 (Сюэ Цзи).

9. Символы школ и высших учебных заведений (эмблемы, девизы, форменная одежда).

К данной тематической подгруппе относятся такие лексические единицы, как 校徽 – эмблемы учебных заведений, 校歌 – гимны университетов, 校训 – девизы учебных заведений; 校服 – форменная одежда учебных заведений. Назначение эмблемы заключается в том, чтобы посредством условного изображения выразить абстрактное понятие, идею. Эмблема учебного заведения (

校徽) при помощи изображенных на ней графических элементов, наделенных символическим значением, выражает ценности и основные характеристики учебного заведения. В Китае свою символику имеют учебные заведения разного уровня, от начальных школ до высших учебных заведений.

Рассмотрим эмблему Пекинского университета (北京大学), который имеет также сокращенное наименование 北大 Běidà.

Рис. 1. Эмблема Пекинского университета

Эмблема данного учебного заведения имеет форму темного круга, внутри которого находится светлый круг. На внешнем круге размещена надпись, содержащая наименование университета на английском языке – «PEKING UNIVERSITY», а также дату его основания – «1898». Во внутреннем круге содержится краткое наименование университета – 北大, изображенное с использованием древнего начертания иероглифов, что символизирует восхищение традиционной китайской цивилизацией и приверженность традициям. Кроме того, такая графика создает зрительный образ учителя, сгибающего ноги и при этом напряженно, но твердо поддерживающего двух учеников на своих плечах. Данная эмблема призвана выразить представление о том, что Пекинский университет берет на себя ответственность за просвещение учащихся в надежде на то, что выпускники университета станут основой национального прогресса [электронная энциклопедия Baidu электронный ресурс URL].

Университетский гимн 校歌 – это признанная высшим учебным заведением песня, которая является концентрированным выражением философии образования, духа университета и его особенностей. Гимн – это особый жанр педагогического дискурса, когда «из пространства застольной песни остается

только самое главное и универсальное, подходящее любой культурно-исторической эпохе» [Найдён 2011: 153]. Гимн является символом университета, способствует мотивации и объединению всех преподавателей и студентов, а также продвижению культуры и духа университета. Как правило, все крупные университеты Китая имеют собственные гимны, которые являются важной составной частью культуры учебного заведения. Приведем текст и анализ гимна Пекинского университета.

礼贤德明，敬楷模范。 – Будем вежливы, добродетельны и уважительны, станем примером для подражания.

我爱北京大学校园， – Я люблю кампус Пекинского университета.

我爱北京大学精神。 – Я люблю дух Пекинского университета.

求实创新，知行合一。 – Стремимся к поиску истины и новаторству, интеграции знаний и действий.

我爱北京大学校风， – Я люблю традиции Пекинского университета,

我爱北京大学人文。 – Я люблю его гуманизм.

自强不息，厚德载物。 – Постоянно стремясь к самосовершенствованию, неустанно движемся вперед, к великим свершениям.

我爱北京大学学风， – Я люблю учебную атмосферу Пекинского университета,

我爱北京大学文明。 – Я люблю культуру Пекинского университета.

自强不息，厚德载物。 – Постоянно стремясь к самосовершенствованию, неустанно движемся вперед, к великим свершениям.

我爱北京大学学风， – Я люблю учебную атмосферу Пекинского университета,

我爱北京大学文明。 – Я люблю культуру Пекинского университета.

Гимн университета представляет собой поэтическое произведение, содержащее систему средств построения речи, придающих ей выразительность. В частности, выразительность данному произведению придает использование

экспрессивной лексики: 爱 «любить \ любимый», чэньюй 自强不息 «неустанно крепить свои силы, неуклонно стремиться вперед, постоянно совершенствоваться; самоотверженно», чэньюй 厚德载物 «добродетельный муж способен на великие свершения».

Синтаксические особенности указанного произведения выражаются в использовании такой фигуры речи, как повтор (反复). В частности, неоднократно повторяются в начале строк группы слов «我爱» – «я люблю» и «北京大学» – «Пекинский университет \ Пекинского университета»; также используется рефрен (重复句) в виде повторяющихся строк. Использование повторов оказывает эмоциональное воздействие на слушателя/читателя, способствует лучшему восприятию и запоминанию произведения.

Текст гимна Пекинского университета отражает ключевые ценности и духовные идеалы университета. Текст песни выражает следующие основные моменты: а) почитание высоких нравственных качеств и научных достижений. Текст песни гласит «Я люблю Пекинский университет, люблю дух Пекинского университета», подчеркивая уважение и восхищение к уникальным нравственным качествам и образцам поведения. б) Любовь к кампусу и университетскому духу: слова песни выражают глубокую любовь к кампусу Пекинского университета и его духовным ценностям, показывая привязанность к университетской обстановке и культуре. в) Стремление к новаторству, акцент на сочетании знаний и действий: гимн подчеркивает активное стремление Пекинского университета к практическим исследованиям и новаторству, а также сочетание знаний и практических действий, указывает на важность совмещения академических исследований с общественной практикой. г) Высокая самодисциплина и развитие добродетели. В тексте гимна часто упоминается высокая самодисциплина и добродетель – это выражение требований к качествам студентов, а также призыв к постоянному совершенствованию и принятию на себя обязанностей перед обществом и страной. д) Акцент на учебной атмосфере и культуре: гимн подчеркивает благоприятную учебную атмосферу и культуру Пекинского

университета, что показывает важность формирования студентами хороших учебных навыков и личных качеств.

Текст гимна Пекинского университета выражает требования к студентам и преподавателям развивать в себе превосходные качества, научное стремление и социальную ответственность. Такой гимн стимулирует студентов к самосовершенствованию, нацеливает их на передачу и продвижение традиций и ценностей университета. Текст гимна Пекинского университета отражает ключевые ценности и духовные идеалы университета: почитание высоких нравственных качеств и стремления к достижению высоких результатов в труде, учебе и научной деятельности.

Форменную одежду (校服) в Китае используют в основном начальные и средние школы, образец и цвет которой устанавливает администрация школ. Нередко школьная форма напоминает спортивный костюм, она также может отличаться в зависимости от времени года (зимний и летний варианты). Непременным атрибутом является красный галстук (红领) и (или) значок (校徽).

Девиз представляет собой слово или короткую фразу, которые выражают философию и дух учебного заведения. девиз школы или университета (校训) — это основной кодекс поведения и этики, которого придерживаются преподаватели и учащиеся. Каждый китайский университет имеет собственный девиз, целью которого является стремление указать учащимся и преподавателям ориентиры их деятельности. Таков, например, девиз Чжэцзянского университета (浙江大学): 求是, 创新. *Искать истину и приносить новое.* Девизы как лингвокультурный феномен будут рассмотрены в разделе 2.3.

10. Топонимы, относящиеся к территории высших учебных заведений.

Известные университеты Китая, такие, как Пекинский университет, университет Цинхуа (г. Пекин), Уханьский университет и многие другие осуществляют искусственную номинацию топонимов с использованием лексических единиц, тем или иным образом связанных с историей и культурой Китая. В кампусах университетов можно встретить здания, улицы, парки,

названные в честь выдающихся деятелей науки и культуры либо в честь выдающихся исторических и культурных событий прошлого. Например, в кампусе Пекинского университета есть улица 4 мая (五四路), которая получила свое название в честь народного движения, начавшегося 4 мая 1919 года и приведшего к прогрессивным реформам китайского общества. Лингвотопонимические характеристики предметной области образования будут рассмотрены в следующем разделе.

2.2. Лингвотопонимические характеристики предметной области образования в китайском языке¹

Концептуальные признаки предметной области могут быть выявлены путем анализа языковых средств ее репрезентации. Для исследования данного аспекта предметной области «образование» в китайском языке выбрана лексика, относящаяся к номинации топонимов, принадлежащих высшим учебным заведениям Китая. Рассмотрим лингвистические особенности топонимов, принадлежащих системе высшего образования Китая.

Анализ названий зданий, дорог и элементов ландшафта в лингвистическом ракурсе является частью топонимики как науки о наименовании географических объектов в совокупности лингвистических и экстралингвистических характеристик. Топонимика представляет собой гибридный формат научного знания, базирующийся на достижениях географии, истории, лингвистики как способов изучения и описания окружающего мира. При этом топонимы важно изучать в системе, на фоне широкого исторического и социально-политического контекста. Современные топонимические исследования – это не просто исследование структурно-семантических особенностей топонимов, а их изучение на фоне широкого экстралингвистического контекста и обобщение прикладного

¹ Материалы настоящего раздела были опубликованы в виде статьи Чу, Цзяньминь. Лингвистические особенности наименований зданий, дорог и ландшафтов в китайских учебных заведениях / Цзяньминь Чу // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 1(40). – С. 94–100.

аспекта подобного рода изысканий. Так, ученые-лингвисты обращаются к анализу роли топонимов в создании имиджа той или иной территории [Голомидова, 2020]. В топонимических исследованиях активно обсуждается зависимость переименования городских объектов от социально-идеологической повестки определенного времени [Голомидова 2017; Качалкова 2019; Мадиева 2017; Wójsik, 2015]. В настоящее время развитие топонимики идет по пути «от словаря к дискурсу», когда названия объектов изучаются на фоне широкого экстралингвистического контекста и выполняют важную лингвоаксиологическую функцию – отражать «национально культурную специфику того или иного лингвокультурного сообщества» [Кошкарова 2021: 378]. В этой связи важно различать процессы естественной и искусственной номинации. Если в первом случае языковой коллектив стихийно выбирает речевые единицы для обозначения тех или иных объектов (а названия затем закрепляются в ходе речевой коммуникации), то во втором случае осуществляется «преднамеренное словотворчество, направленное на пополнение лексического языкового фонда» [Голомидова 1998: 4]. Ярким примером искусственной номинации является, на наш взгляд, присвоение названий объектам кампусов китайских университетов, – процесс, который детерминирован аксиологическими и идеологическими установками номинаторов, культурной традицией, личностным фактором. Д. Ю. Ильин указывает на то, что искусственные номинации выполняют особые, присущие только им эстетические функции [Ильин 2008]. Проанализируем топонимы, функционирующие в рамках китайской системы образования с точки зрения их концептуально-тематических характеристик.

Любое образовательное учреждение – это не просто место, где обучающийся получает знания. Университетский дух, особая культура именно этого высшего учебного заведения – вот, что отличает один вуз от другого. В создании единого культурного пространства университета ведущая роль отводится наименованиям объектов кампуса – зданий, дорожек и элементов ландшафта. В «Мнениях Министерства образования КНР и Центрального комитета Коммунистической молодежной лиги по вопросам укрепления и

совершенствования строительства кампусной культуры в колледжах и университетах» (《教育部共青团中央关于加强和改进高等学校校园文化建设的意见》) говорится: «Сделайте так, чтобы горы, вода, сады, леса, дороги и т. д. на территории кампуса служили гармоничному единству функций: функции использования, эстетической функции, образовательной функции... Организуйте участие студентов колледжа в планировании, присвоении названий зданиям кампуса и его достопримечательности. Укрепляйте чувство идентичности студентов с культурной средой кампуса» [Министерство образования КНР электронный ресурс URL].

Названия объектов кампуса реализуют несколько функций: номинативная, культурно-философская, интеграционная, воспитательная, патриотическая. С их помощью создается общее культурное пространство университета, реализуется «мягкая сила» высшего учебного заведения, преподаватели и студенты знакомятся с национальной и региональной историей, выдающимися личностями, их вкладом в развитие системы образования, опосредованно представленными в названиях объектов кампуса. Присвоение имен указанным объектам – это часть стратегического плана развития каждого учебного заведения в КНР.

Названия объектов университетских кампусов (зданий, дорог и элементов ландшафта) – это одновременно и географические названия, и имена собственные с точки зрения их структурных характеристик. Хотя в прямом смысле слова анализируемые единицы по своим терминологическим особенностям различаются с географическими названиями, в целом они соответствуют «Правилам управления географическими названиями» (《地名管理条例》), опубликованным Государственным советом Китая 23 января 1986 г., и «Инструкции для исполнения правил управления географическими названиями» (《地名管理条例实施细则》), изданной китайским Министерством гражданских дел 18 июня 1996 г.

Важно понимать, что объекты университетского кампуса – это не только и не столько географические названия, сколько элементы единого культурного

пространства страны. Называя то или иное здание, дорогу, элемент ландшафта, анализируемые единицы реализуют мощный аксиологический потенциал, формируют ценности и идеалы подрастающего поколения. Как уже было отмечено выше, будучи единицами системы искусственной номинации, названия объектов университетского кампуса отражают объективные и субъективные факторы, сочетая в себе при этом географические особенности территории, на которой расположен университет, и особенности его духовной культуры.

Стоит отметить, что названия многих объектов университетских кампусов связаны с историей как Китая, так и определенного места, где находится университет. В процессе номинации объектов кампуса широко используется вэньянь (文言 wényán), который был официальным письменным языком в Китае до начала прошлого столетия. Несмотря на тот факт, что вэньянь больше не является официальным литературным языком в КНР, он находит отражение в китайской культуре, литературных произведениях, философских трактатах. Такая высокая культурная значимость вэньяня обусловлена его простотой, способностью выразить максимальное содержание минимальным количеством речевых средств, что объясняется «преобладанием в вэньяне односложных слов, которые написаны одним иероглифом» [Ким 2015: 488]. Одновременно с этим стоит указать на потерю некоторых слов вэньяня синтаксической самостоятельности и вхождения в состав словосочетаний при взаимодействии со словами современного китайского языка.

Более подробно эти языковые особенности будут раскрыты описаны ниже при анализе речевого материала согласно принятой в данной работе классификации топонимических объектов. Анализируя тематическую группу «наименования зданий, дорог и элементов ландшафта», мы считаем, что она может быть представлена следующими подгруппами в соответствии с принципом искусственной номинации, отражающем географию местности, на которой расположен университет, и его идейные, ценностные и духовные приоритеты: идентификационные слова, определяющие местоположение объектов и окружающую среду; воодушевляющие слова, выражающие стремление к

обучению людей и организации учебы; имена собственные, отражающие историческую эволюцию и создающие духовную атмосферу обучения; слова и выражения из старинных текстов.

Использование идентификационных слов, определяющих местоположение объектов и окружающую среду.

«В качестве общественных объектов здания, дороги и элементы ландшафта кампуса обеспечивают необходимую материальную поддержку учебной деятельности и повседневной жизни кампуса. При этом их расположение и конструкция ограничены естественными границами кампуса, что отражено в названиях этих мест. В процессе присвоения наименований зданиям, дорогам и элементам ландшафта кампуса обычно используются числительные или буквы, такие как 一、二、三; 甲、乙、丙; А、В、С (один, два и три, А, В, С) и т.д.; существительные-направления (директивы), такие как 东、西、南、北、中央 (восток, запад, юг, север и центр) и т.д.; функциональные слова, такие как 行政、总务、文科、理工 (администрация, общие вопросы, гуманитарные науки, наука и техника) и т. д. Данные слова в основном используются с целью указания местонахождения топонимического объекта и его положения относительно других объектов. При этом некоторые колледжи и университеты не уделяют достаточного внимания наименованиям зданий, дорог и элементам ландшафта кампусов. Они считают, что название является лишь признаком идентификации и используют удобный и общепринятый способ назвать их. В китайском языке используются следующие названия «一号楼» ‘корпус № 1’, «东门» ‘Восточные ворота’, «实验楼» ‘лабораторный корпус’, «生物楼» ‘биологический корпус’. Эти названия лишь подчеркивают идентифицирующие характеристики объекта, которые легко запомнить и локализовать, но не имеют характерных особенностей или культурного значения» [Чу Цзяньминь 2021].

Использование воодушевляющих слов, выражающих стремление к обучению людей и организации учебы.

Слова, которые чаще встречаются в названиях зданий, дорог и элементов ландшафта кампуса, выражают основную суть образования – воспитание достойных граждан китайского общества, которые будут строить светлое будущее. Например, «Пекинский университет дал семи зданиям имена, содержащие слова с иероглифом 斋 ‘студия [для занятий]’: 德斋、才斋、均斋、备斋、体斋、健斋、全斋. Соединенные вместе (без общего компонента 斋), иероглифы, используемые в именах зданий, образуют словосочетание «德才均备体健全», которое означает ‘воспитывать нравственных, талантливых и здоровых людей’» [Чу Цзяньминь 2021]. Основу данного выражения составляет известный с древности и широко используемый в Китае для характеристики деловых и моральных качеств людей (особенно при подборе кадров) фразеологизм «德才兼备» ‘иметь природные способности, быть умным, честным и справедливым’. Это демонстрирует, что Пекинский университет всегда придерживался образовательной философии воспитания достойных граждан, которые будут обладать общечеловеческими качествами, преданно служить своей стране и партии, с честью нести гордое звание выпускника Пекинского университета.

В университете Цинхуа (г. Пекин) также есть восемь зданий, названия которых содержат иероглиф «斋» ‘студия [для занятий]’: «宁斋, 静斋, 明斋, 善斋, 强斋, 诚斋, 立斋, 新斋.» Соединенные вместе (без общего компонента 斋), иероглифы, используемые в именах зданий, образуют словосочетание «宁静明善, 强诚立新», ‘спокойный, ясный, добрый, искренний, новаторский’, которое по-новому излагает университетский девиз «自强不息, 厚德载物» ‘быть способным на добродетельное самосовершенствование’. Данный девиз, в свою очередь, основывается на известных с древности фразеологизмах, встречающихся еще в раннем китайском философском тексте «周易» ‘Чжоуи’ (известном также как «易经» ‘И цзин’ и ‘Книга Перемен’), который датируется ок. 700 г. до. н. э.)

« 自强不息 » ‘постоянно самосовершенствоваться’; б) « 厚德载物 » ‘добродетельный муж способен на великие свершения’ (часто используется как пожелание успехов в учебе). Таким образом, вышеуказанные топонимы прививают жителям кампуса традиционные культурные ценности, а также отражают идеи и стремления преподавателей и студентов университета Цинхуа.

Уханьский университет (г. Ухань, административный центр провинции Хубэй) является крупным учебным заведением с богатой историей, в котором готовят специалистов по широкому спектру профессий. В кампусе есть «文体路» ‘ул. Культуры и спорта’, «人文路» ‘ул. Гуманитарная’, «科技路» ‘ул. Научно-техническая’. Эти названия отражают решимость Уханьского университета всесторонне развиваться и подчеркивают тот факт, что в вузе сочетается преподавание гуманитарных и инженерных наук.

Харбинский инженерный университет (г. Харбин, административный центр провинция Хэйлуцзян) известен в Китае как центр кораблестроения и исследования океана. Названия четырех дорог, проходящих вокруг военного полигона, отражают философию учебного заведения и морскую специфику научной школы Харбинского инженерного университета: «东海路» улица *Дунхай* – ‘Восточная морская’), «南海路» (улица *Наньхай*–‘Южная морская’), «西海路» (улица *Сихай* – ‘Западная морская’) и 北海路 (улица *Бэйхай*–‘Северная морская’).

В кампусе Пекинского педагогического университета (г. Пекин), одного из старейших университетов Китая, есть улицы «乐育路» «*Лейю*», «励耘路» «*Лиюнь*» и «立身路» «*Лишен*». «乐育» значит ‘с любовью учить (наставлять, воспитывать)’, «励耘» имеет значение ‘целеустремленно и упорно трудиться’ (соединен смысл слов « 励志 » ‘вдохновлять; закалять волю, воспитывать стойкость (целеустремленность) характера’ и 耕耘 ‘пахать и полоть’, переносный смысл – ‘упорно трудиться’; 立身 значит ‘становиться самостоятельным; обеспечивать свое существование; находить свое место в жизни; вырабатывать личный характер’. Название выражает идейно-философские устремления школы, которая

предъявляет высокие требования к учителям как трансляторам знаний и высоких нравственных ориентиров.

В кампусе Северо-Восточного педагогического университета (г. Чанчунь, административный центр провинции Цзилинь), известного своей историей, мощной научной базой и современными образовательными программами, встречаем следующие названия: «园丁路» ‘улица Учителей’, «学思路» ‘улица Учебы и размышлений’, «行知路» ‘улица Практических знаний’ (知 – ‘научные знания’, 行 – ‘человеческая практика’, 行知 – ‘получение знаний через практику’). С помощью данных названий номинатор стремился передать мысль о том, что Северо-Восточный педагогический университет ценит знания, их практическую направленность, мощную теоретическую базу.

В кампусе Юньнаньского педагогического университета (г. Куньмин, административный центр провинции Юньнань) есть «红烛路» ‘улица Красная свеча’. Слово «红» ‘красный (цвет)’ в китайском языке – это синоним радости, благополучия и счастья, а «в соответствии с ментальностью китайского народа, служащей основой его древнейшей философской традиции, красный цвет, традиционно любимый и почитаемый жителями этой страны, выражает их любовь к жизни и символизирует удачу, тепло, силу» [Самохина 2018: 104]. Символическое значение словосочетания «红烛» ‘красная свеча’ в китайском языке уходит корнями в китайскую мифологию, когда церемония «встреча дракона свечой» была мольбой о ниспослании сына бездетной семье, а сейчас применительно к образованию красная свеча метафорически представляет учителя, который горит и освещает путь к знаниям.

В Северо-Восточном сельскохозяйственном университете (г. Харбин, административный центр провинции Хэйлуунцзян) есть улицы «劝耕路» и «劝学路», которые переводятся как ‘убеждать студентов старательно учиться’. В основу названных имен улиц положены известные с древности выражения «劝耕» ‘убеждать, поощрять усердно трудиться’ и «劝学» ‘убеждать, поощрять учиться’ (последнее использовалось китайским мыслителем конфуцианской традиции 荀子

Сюнь-цзы (313 до н.э. – 238 до н.э.) в философском трактате о пользе обучения). Названия улиц кампуса в данном случае выражают мысль о том, что главная цель любого университета – развитие талантов студентов, воспитание обучающихся в строгости и прилежании, побуждение их к овладению научными и культурными знаниями, воспитание в них чувства гордости за свою страну и свою альма-матер.

Использование имен собственных для отражения исторической эволюции и создания духовной атмосферы обучения.

Некоторые университеты были основаны давно и имеют богатую историю, другие являются достаточно молодыми и не могут похвастаться такими масштабными историческими событиями. Но те и другие в любом случае имеют в анналах истории даты и людей, сохранение памяти о которых важно с точки зрения обучения и воспитания подрастающего поколения. Следование принципу «тот, кто не помнит своей истории, не имеет будущего», анализ событий университетской жизни в ретроспективе, дань уважения выдающимся личностям и преподавателям высшего учебного заведения – лучшее доказательство того, что система образования реализует мощный аксиологический потенциал.

Например, «先驎楼» ‘здание «Сяньсу» в кампусе «Яоху» в педагогическом университете Цзянси (г. Наньчан, административный центр провинции Цзянси) названо в честь доктора Ху Сяньсу, всемирно известного основателя современной таксономии растений. «方荫楼» ‘здание Фаньинь’ было названо в честь профессора Цай Фаньинь (方荫), известного механика-строителя и члена Академии наук Китая. В кампусе Пекинского университета есть дорога «五四路» ‘ул. 4 мая’, названная так в честь Движения 4 мая – массового антиимпериалистического движения, родиной которого в 1919 году стал Пекинский университет, в результате чего китайское образование было коренным образом реформировано. Чтобы почтить память Чжу Цзыцина (朱自清), известного китайского эссеиста, поэта и литературоведа, в университете Цинхуа установлена статуя Чжу Цзыцина в «近春园» ‘сад Цзиньчуньюань’. Чжуншань (中山) – один из псевдонимов, которые использовал основатель

Китайской Республики Сунь Исянь (孙逸仙), в большей мере известный в остальном мире как Сунь Ятсен, англ. *SunYat-sen* (так звучит его имя на кантонском диалекте). В его честь назван «中山大学» 'Университет Чжуншань', расположенный в провинции Гуандун в городах Гуанчжоу и Чжухай. В память о нем как основателе этого учебного заведения в Университете Чжуншань также названы «逸仙路» 'улица «Исянь» и «中山楼» здание «Чжуншань». Чтобы увековечить память о ректоре Университета Фудань (г. Шанхай) Чэнь Вандао, в его честь была названа одна из улиц кампуса – «望道路» 'улица Вандао'. Университет Гуанси (г. Наньнин, административный центр Гуанси-Чжуанского автономного района) чтит память первого ректора, Ма Цзюньву, и в кампусе есть названная в его честь «君武路» 'улица Цзюньву'. Нанькайский университет (г. Тяньцзинь) увековечил память основателя университета Чжан Болина и известного математика Черн Шиинг-Шен, поэтому в кампусе есть «伯苓楼» 'здание «Болин» и «省身楼» 'здание «Шиинг-Шен». В Шанхайском транспортном университете (г. Шанхай) есть «钱学森图书馆» 'библиотека Цянь Сюэсэнь', названная в честь выдающегося выпускника – отца китайской космонавтики Цянь Сюэсэня (钱学森). Предшественником Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай) является «大夏大学» – «Великий китайский университет» (основан в 1924 году, в 1951 году стал частью Восточно-китайского педагогического университета), поэтому в кампусе есть «大夏路» «Великая китайская улица». До основания Тяньцзиньского университета (г. Тяньцзинь) существовал Бэйянский университет, основанный в 1895 году. С целью сохранения исторической памяти в Тяньцзиньском университете есть 'площадь Бэйян'. Наименования «京师路» 'Столичная учительская улица' и «辅仁路» 'ул. Фужень' Пекинского педагогического университета отражают богатую историю университета, поскольку 'Столичные учительские палаты' были переименованы в Пекинском педагогический университет после Синьхайской революции 1911 года. Наименования улиц кампуса Нанкинского университета

(г. Нанкин) «三江路» ‘ул. Саньцзянская’, «两江路» ‘ул. Лянцзянская’, «南高路» ‘ул. Нангао’, «东南路» ‘ул. Юго-восточная’ и 中大路 ‘ул. Чжунда’ отражают предыдущие исторические этапы школы, а именно: «三江师范学堂» ‘Саньцзянское педагогическое училище’, «两江师范学堂» ‘Лянцзянское педагогическое училище’, «南京高等师范学校» ‘Нанкинское педагогическое высшее учебное заведение’, «国立东南大学» ‘Государственный юго-восточный университет’ и «国立中央大学» ‘Государственный центральный университет’» [Чу Цзяньминь 2021].

Использование в качестве номинаций объектов кампуса имен людей, памятных дат, страниц из истории университета дает возможность не забывать прошлое высшего учебного заведения, прививать студентам и преподавателям чувство гордости за богатое прошлое вуза и страны, усиливать мотивацию студентов к учебе, повышать общий культурный уровень обучающихся.

Использование слов и выражений из старинных текстов с целью обращения к культурным истокам и повышения культурного уровня.

Китайские университеты были основаны в разные периоды, развивались неравномерно, в результате чего искусственная номинация объектов кампуса, основанная на исторических событиях, не может быть применена в каждом высшем учебном заведении. Вместе с тем использование слов и выражений из старинных текстов может быть использовано в любом вузе независимо от его возраста и традиций. Такая топонимическая политика одновременно решает несколько задач: дает название объекту, создает возвышенную атмосферу в кампусе, демонстрирует богатое прошлое школы. Наименования 青蓝亭 «беседка «Цинлань» и 青蓝湖 «озеро Цинлань» в педагогическом университете Цзянси (г. Наньчан, административный центр провинции Цзянси.) происходят от фразеологизма «青出于蓝而胜于蓝» ‘синяя краска добывается из индиго, но она ярче, чем индиго’. Переносный смысл этого выражения: превзойти своих учителей (предшественников); ученик воспитывается своим учителем и его превосходит. Данный фразеологизм встречается еще в философском трактате

Сюнь-цзы (荀子) (313 до н. э. – 238 до н. э.), китайского мыслителя конфуцианской традиции, утверждавшего, что возможности человеческого познания безграничны.

Цзянсиский Университет финансов и экономики (г. Наньчан, административный центр провинции Цзянси) был вдохновлен произведением Ван Бо 王勃 (649 г. – 676 г.), поэта начала «золотого века» китайской поэзии – эпохи Тан (VII – X вв.). Данное произведение имеет название 《滕王阁序》 «Тэн ван гэ сюй» ‘Предисловие к стихам «Во дворце Тэнского князя»’. 《滕王阁序》 «Тэн ван гэ сюй» считается образцом гувэнь (古文 ‘древнее письмо’) – традиционной литературы несюжетных форм, написанной на письменном языке вэньянь, и входит во все хрестоматии. Оно содержит следующие фразеологизмы: «物华天宝» ‘лучшая вещь, неземная ценность, дар небес’; «人杰地灵» ‘люди исключительные, и земля чудесная; человек прославляет землю, на которую ступает’; 俊采星驰 ‘таланты в мире сияют как звезды’. В результате, улицы кампуса получили следующие имена, напоминающие о литературном шедевре: «天宝路» «улица Тяньбао», «人杰路» «улица Жэньцзу», «俊彩路» «улица Цзюньцай» и «星驰路» «улица Синчи», «人杰路» «улица Жэньцзу». Из приведенных примеров видно, что использование старинных слов и выражений в качестве инструмента номинации – отличная возможность создать неповторимый и уникальный образ высшего учебного заведения.

В Китайском народном университете (г. Пекин) есть здание, которое называется «明德» ‘высшая (идеальная) добродетель’, что связано с «大学» «Да сюэ» – конфуцианским каноном, созданным в V–III вв. до н.э., в котором используется слово «明德», которое переводится как ‘высшая (идеальная) добродетель’: «大学之道，在明明德，在亲民，在止于至善» – ‘Путь университета заключается в том, чтобы быть добродетельным, быть близким к людям и стремиться к совершенству’. Использование слова 明德 ‘высшая (идеальная) добродетель’ из классического китайского философского

произведения «Да сюэ» отражает стремление современного университета к духовному развитию подрастающего поколения.

В кампусе 复旦大学 «Университета Фудань» (г. Шанхай) есть дорога, идущая с востока на запад. Эта дорога называется 光华大道 (Проспект Гуанхуа). Название этого университета и название проспекта в кампусе университета обязаны своим происхождением классическому произведению китайской поэзии 《尚书大传》 («ШаншуДачуань»), в котором есть такие строки: 日月光华，旦复旦兮 ‘Солнце и луна льют свой свет; после ночи вновь приходит рассвет. [Университет Фудань, URL]. Эта фраза имеет глубокий смысл, вызывает ассоциации с процессом возрождения, подчеркивает, что Фуданьский университет, даже если он проходит через какие-то тернии, словно птица Феникс возродится из пепла и с течением времени будет только укреплять свои позиции на национальном и мировом образовательном рынке.

Таким образом, искусственная номинация объектов кампуса (улиц, дорог, зданий) – это часть образовательной политики высших учебных заведений. Если история университетов может различаться, а обращение к прошлому вузу не является универсальным методом номинации, то использование слов и выражений из древних китайских текстов может применяться в любом высшем учебном заведении, независимо от года его основания и масштабов произошедших событий. Такая топонимическая политика в китайской высшей системе образования реализует и мощный аксиологический потенциал, так как приобщает преподавателей и студентов к культуре, высоким духовным ценностям, создает атмосферу единения и опоры на лучшие традиции. Все это способствует повышению престижа вуза, его развитию и процветанию.

2.3. Девизы университетов как отражение лингвокультурологических особенностей предметной области образования в китайском языке

Девиз представляет собой короткую фразу, определяющую поведение и устремления группы людей или организации. Такие фразы имеют, как правило, глубокий смысл, в связи с чем девизы учебных заведений представляют интерес для исследования метафорических признаков предметной области образования в китайском языке. В современном обществе девиз рассматривается чаще всего в рамках маркетинговой коммуникации, когда он используется для привлечения внимания к рекламируемому продукту. Девиз часто эксплуатируется политиками, так как он предоставляет адресанту в краткой и сжатой форме выразить глобальные социально-политические идеи. Нам представляется важной мысль о том, что девиз – это не только и не столько средство репрезентации важного содержания при минимуме языковых средств, сколько лингвокультурологический феномен, который хранит в себе и передает из поколения в поколение аксиологические ценности того или иного народа.

В лингвистике не утихают споры по поводу разграничения понятий, которые, с одной стороны, синонимичны, а с другой стороны, различаются по своему содержанию и объему: *девиз, лозунг, призыв, слоган*. И. А. Тортунова отмечает, что в «современной научно-практической лингвистике нет единой терминосистемы» для обозначения зачастую тождественных феноменов [Тортунова 2015: 102]. Автор приводит различные классификации, построенные в зависимости от временного и (или) языкового фактора. Мы будем придерживаться термина *девиз*, а причины такого выбора приведем ниже.

У каждого китайского университета есть свой девиз, который является символическим представлением абстрактных и коллективных гуманистических традиций, духа и академического стиля университета. Девиз университета может продемонстрировать академическую философию, направленную на обучение и воспитание талантливых студентов и поддержание уникального духа университета. Девиз передается преподавателями и учащимися из поколения в поколение, так как он имеет как предысторию, так и практические результаты.

Слово «校训 – «девиз школы, университета» пришло в китайский язык из Японии после китайско-японской войны 1894 года. Самая ранняя дефиниция слова «校训» в современном Китае была дана в «中华百科辞典» – «Китайский энциклопедический словарь», опубликованном 中华书局 – Китайским книгоиздательством в 1930 году. Дефиниция понятия «девиз университета» такова: «学校为训育之便利, 选若干德育条目制成匾额, 悬见于校中公见之地, 目的在于使个人随时注意而实践之». – *«Для удобства воспитания учебное заведение выбирает ряд тезисов, касающихся нравственного воспитания, заносит их на мемориальную доску, которую вывешивает в учебном заведении на видном месте; цель состоит в том, чтобы люди обращали внимание на эти тезисы и практиковали их в любое время»* [Китайский энциклопедический словарь]. «汉语大词典» – «Китайский словарь» объясняет «девиз университета» следующим образом: «校训, 即学校为了进行道德教育的方便, 选择若干符合本校办学宗旨的醒目词语, 作为学校全体人员的奋斗目标». – *«Девиз университета создается для того, чтобы способствовать нравственному воспитанию, при этом учебное заведение выбирает ряд привлекательных слов, которые соответствуют миссии школы как цели всего школьного персонала»* [Китайский словарь 1994: 525]. Из толкования слова можно увидеть, что девиз учебного заведения содержит требования, которые обращены к руководству учебного заведения, а также ко всем преподавателям и учащимся с целью формирования у них нравственных начал [Чжоу Цзе 2014: 131].

Мы собрали девизы 200 университетов Китая и проанализировали языковые характеристики путем сравнения.

Лексические особенности девизов.

Девиз университета, как зеркало, отражает воспитательные идеи учебного заведения. Такая цель должна быть отражена в памяти учащихся через короткие и лаконичные формы девизов. Девиз Пекинского университета транспорта (北京交通大学): 知行«Знания и действия» – вероятно, самый лаконичный среди девизов китайских университетов. Он содержит всего два китайских иероглифа, но его

смысл очень глубокий. 知 означает 知民族大义, 知国家急需. – *Знай праведность нации, знай насущную нужду страны.* Кроме того, 知 еще обозначает 努力学习知识理论. – *Усердно изучайте теорию познания.* А 行 означает 脚踏实地, 勇于担当. – *Стойте на прочной основе и не бойтесь брать на себя ответственность.* 行 также имеет значение: 在实践中运用所学的知识. – *Применить полученные знания на практике.*

Отличается лаконичностью также девиз Чжэцзянского университета (浙江大学): 求是, 创新, состоящий из двух слов: 求是 «искать правду» и 创新 «создавать, приносить новое, выступать с новыми идеями, прокладывать новые пути». Смысл данного девиза: *искать истину и приносить новое.*

Девиз Китайского народного университета (中国人民大学) — 实事求是, представляет собой чэньюй (фразеологизм, чаще всего состоящий из четырех иероглифов), имеющий значение «оценивать реалистично, основываясь на реальных фактах» [электронный словарь БКРС <https://bkrs.info/slovo.php?ch=实事求是>]. Фразеологизм 实事求是 часто используется при оценке действий учащихся. Данная идиома впервые встречается в «Ханьшу» (汉书), исторической хронике династии Хань с 260 г. до н. э. по 20 г. н. э., составленной в 82 году нашей эры и включенной в состав серии хроник «Эршисы ши» (二十四史) [китайская электронная энциклопедия Baidubaike, <https://baike.baidu.com/item/实事求是/36312>].

Девиз большинства китайских университетов состоит из восьми китайских иероглифов. Таков, например, девиз университета Цинхуа (清华大学): 自强不息, 厚德载物 – *Неустанно стремитесь вперед, добродетельный муж способен на великие свершения.* Первая часть приведенного выше девиза состоит из четырех иероглифов и представляет собой фразеологизм 自强不息, имеющий значение «неустанно крепить свои силы, неуклонно стремиться вперед, постоянно совершенствоваться; самоотверженно» [электронный словарь БКРС <https://bkrs.info/slovo.php?ch=自强不息>]. Эта идиома впервые упоминается в

«Книге перемен» (易经«И цзин»), созданной еще в доциньский период истории Китая и признанной во II веке до н.э. в качестве одного из канонов конфуцианского Пятикнижия [китайская электронная энциклопедия 百度百科 baidubaikе<https://baike.baidu.com/item/自强不息/1508146>]. Вторая часть данного девиза – 厚德载物, представляет собой чэньюй, имеющий значение «добродетельный муж способен на великие свершения». Аналогично фразеологизму из первой части девиза, первое упоминание чэньюй 厚德载物 «добродетельный муж способен на великие свершения» имело место в «Книге перемен» (易经«И цзин») [китайская электронная энциклопедия 百度百科 baidubaikе<https://baike.baidu.com/item/厚德载物/792765>]. В настоящее время данное выражение, пришедшее к нам из древности, зачастую используется в качестве пожелания успехов в учебе [электронный словарь БКРС <https://bkrs.info/slovo.php?ch=厚德载物>].

Как следует из приведенных примеров, к особенностям лексики девизов китайских университетов следует отнести использование устойчивых словосочетаний (в частности, таких специфических китайских фразеологизмов, как чэньюй), а также использование прецедентных текстов, основу которых составляют классические произведения конфуцианства. В результате анализа лексических особенностей университетов можно прийти к выводу, что девизы университетов отличаются изысканностью и лаконичностью, что позволяет в полной мере реализовать аксиологический потенциал девизов – воспитывать молодежь в соответствии с общекультурными и национальными принципами морали.

Синтаксические особенности девизов.

По критерию структуры предложения можно разделить на простые предложения (单句) и сложные предложения (复句), а простые предложения (单句) можно разделить на субъектно-предикативные предложения (主谓句) и несубъектно-предикативные предложения (非主谓句) [Чжу Дэси, 2005].

Анализируя собранный материал, мы обнаружили, что девизы китайских университетов в основном представляют собой 非主谓句 (несубъектно-предикативные предложения)

非主谓句 (несубъектно-предикативные предложения) – это разновидность простого предложения, в которых не выделяются подлежащее и сказуемое, и которые часто передают информацию об явлениях природы, описывают реальное состояние дел, побуждают к действию. Последнее будет справедливым в отношении девизо китайских университетов.

Приведем примеры:

Девиз Хуачжунского университета науки и технологии (华中科技大学): 明德, 厚学, 求是, 创新. Данный девиз университета состоит из четырех глаголов. 明德 – раскрывать (показывать) врожденные добродетели, 厚学 – изучать разносторонность знаний, 求是 – искать правду, 创新 – создавать, привносить новое. Девиз университета Тунцзи (同济大学): 同舟共济. Это чэньюй, буквально: *плыть в одной лодке*. В данном девизе этот чэньюй имеет смысл: действовать в одном направлении, объединить усилия. Девиз университет Цзинань (暨南大学): 忠, 信, 笃, 敬. Хотя в данном девизе всего четыре китайских иероглифа, каждый символ имеет глубокое значение. 忠 – верность, преданность; 信 – честно, правдиво, честность; 笃 – Глубокий и добросовестный, искренний, чистосердечный; 敬 – строгий, суровый; серьезный, уважаемый, почитаемый.

Девизы китайских университетов в основном ведут свое происхождение из древней конфуцианской литературы, воплощая в текстах принцип золотой середины. Университеты, имеющие более позднее происхождение, стали создавать девизы, содержащие простые и легко запоминающиеся тексты, которые при этом сохраняли параллелизм как синтаксическую особенность предложения. Глядя на современные девизы китайских университетов, можно отметить, что структура содержащихся в них предложений в основном представляет собой

сбалансированную симметрию «二言八字 – «двухстопное и восьмисловное» и «четырёхстопное и восьмисловное».

Приведем примеры:

Девиз университета Цинхуа (清华大学): 自强不息, 厚德载物 – *Неустанно стремитесь вперед, добродетельный муж способен на великие свершения.* Девиз Сычуаньского университета (四川大学): 海纳百川, 有容乃大 – *Иметь широкую душу, быть терпимым в отношениях, снисходительно относиться к людям.* Девиз Уханьского университета (武汉大学): 自强, 弘毅, 求是, 拓新 – *Быть сильным, иметь далекие устремления и непоколебимую волю, искать истину, открывать новое.* Девиз Юньнаньского университета (云南大学): 自尊, 致知, 正义, 力行. – *Уважать самого себя; добиться хорошего понимания; добиваться справедливости; энергично действовать, твердо вести дела.*

В приведенных выше предложениях используется небольшое количество слов, но они имеют глубокий смысл, их легко понять и использовать в качестве эффективного механизма обучения и воспитания молодежи.

Стилистические особенности девизов.

Функция использования стилистических приемов заключается в том, чтобы привлечь внимание аудитории, сделать высказывание более изысканным и легко запоминающимся. Проанализировав собранный материал, мы обнаружили, что авторы девизов используют следующие стилистические приемы:

对偶 – парное построение

对偶 представляет собой сочетание двух синтаксических единиц, соотносительных по смыслу и симметричных по своей структуре. Применительно к фигурам речи, бытующим в стилистике русского языка, 对偶 можно квалифицировать как одну из разновидностей параллелизма [Горелов 1979: 104; Чен Цзюнь, 2001].

Приведем примеры: Девиз Пекинского промышленного университета (北京工业大学): 不息为体, 日新为道. *Совершенствуй свое тело, познавай новое*

каждый день. Девиз Сучжоуского университета (苏州大学): 养天地正气, 法古今完人. – Развивать праведность и здоровый дух справедливости между небом и землей, учиться у благородных людей древних и современных времен. Девиз Китайского сельскохозяйственного университета (中国农业大学): 解民生之多艰, 育天下之英才. – Решить все виды трудностей в жизни людей, развивать поднебесные таланты.

排比 – последовательное построение

排比 представляет собой «сочетание трех и более синтаксических единиц, близких по смысловому содержанию и сходных по своей формальной, синтаксической организации; это одна из важнейших фигур стилистического синтаксиса китайского языка, обладающая широкими экспрессивными возможностями» [Горелов 1979: 106]. В некоторых девизах университетов для того чтобы усилить эффект выражения, используется последовательное построение. Последовательное построение характеризуется наличием в девизе университета трех или более слов, или словосочетаний со связанным содержанием, одинаковой структурой и одним тоном. Последовательное построение является разновидностью параллельных конструкций и обладает широкими экспрессивными возможностями. Приведем примеры:

Девиз Шаньтоуского университета (汕头大学): 有志, 有识, 有恒, 有为. – *Иметь четкие амбиции и сильную волю, приобретать знания и мудрость, проявлять настойчивость и быть подающими надежды людьми. Девиз Сычуанского аграрного университета (四川农业大学): 追求真理, 造福社会, 自强不息. – Стремиться к истине, приносить пользу обществу и стремиться к самосовершенствованию.*

比喻 – иносказание, основанное на сравнении

В современной китайской публицистике «иногда можно наблюдать случаи употребления изобразительно-выразительных средств, представляющих собой разновидности категории 比喻 (иносказание, основанное на сравнении), таких,

как 明喻 и 隐喻 образное сравнение (явное и скрытое), 借喻 метафора, а также эпитет» [Горелов, 1979: 127]. 比喻 – иносказание, основанное на сравнении, в девизе университета часто появляются в форме «隐喻 – скрытое сравнение», что делает девиз живым. Приведем примеры:

Девиз Харбинского медицинского университета (哈尔滨医科大学): 木直中绳, 博学载医. 木直中绳 буквально означает: «Кусок древесины прямой, если отмерен плотником», а 博学载医 означает «Медицину, которая лечит, дают глубокие знания». Переносный смысл данного девиза заключается в том, что только прилежная учеба даст возможность стать настоящим врачом.

Девиз Шанхайского транспортного университета (上海交通大学): 饮水思源、爱国荣校. 饮水思源 – это фразеологизм, который буквально переводится так: «когда пьешь воду, думай об источнике», а в данном девизе он означает «помнить добро, быть благодарным». Выражение 爱国荣校 означает: «любить Родину, отдать честь своему университету». В данном девизе подчеркивается мысль о том, что ученик, каких бы высот он не добился, должен всегда помнить о своих корнях и тех, благодаря кому он стал высококвалифицированным специалистом и уважаемым в жизни человеком. Благодарность своей альма-матер – то чувство, которое ученик должен пронести через всю свою жизнь.

对联 – парные надписи

Парные надписи – это феномен, который существует только в китайском языке и имеет глубокий лингвокультурологический смысл. О.Г. Кобжицкая отмечает, что «парные надписи состоят из двух частей: 上联 – первая половина парной надписи и 下联 – вторая половина» [Кобжицкая 2017: 148]. Как показывают результаты нашего исследования, парные надписи могут использоваться не только как украшение жилища, но и быть текстуально представлены в девизах университетов. Приведем примеры:

Девиз университета Тунцзи (同济大学): 同舟共济. Это чэньюй, буквально означающий «плыть в одной лодке». Переносное значение указанного

фразеологизма: «действовать в одном направлении, объединить усилия». Чэньюй – «это устойчивое фразеологическое словосочетание, которое построено по нормам древнекитайского языка вэньяня, семантически монолитное, имеющее обобщенное переносное значение» [Браташова 2016: 430]. Слова из данного выражения также содержит иероглифы 同 и 济, которые вместе образуют название данного университета Тунцзи (同济).

Девиз Сычуаньского университета (四川大学): 海纳百川, 有容乃大 – *Иметь широкую душу, быть терпимым в отношениях, снисходительно относиться к людям.* Слова из данного выражения также содержит иероглифы 川 и 大, которые вместе образуют название учебного заведения – Сычуаньский университет (川大). Девиз учит студентов и работников университета прежде всего воспитывать в себе моральные качества, которые могут стать прочной основой получения фундаментальных знаний.

Симметричная структура парных надписей отражает гармоничную красоту китайской культуры; стилистика, характеризующаяся повторами, отражает желание китайцев стремиться к красоте; парные надписи представляют собой выражение как литературного творчества Китая, так и морально-этических представлений китайского народа.

Отражение традиционных культурных ценностей в девизах китайских университетов.

Культура – это отражение жизни человека, запись его деятельности, накопление и погружение истории. Это потребности и требования людей, их идеалы и устремления к жизни, и это их высшая духовная жизнь. Девиз университета – сублимация духа и души университета, которая отражает традиции и особенности школы и представляет общие ценности и убеждения преподавателей и студентов [Дон Шаофэн 2016: 78]. Как культурный феномен девиз университета является важной частью университетской культуры. Она воплощает в себе наследие традиционной китайской культуры, философии, духа и ценностей университета и оказывает колоссальное влияние на работу

университета. Девиз университета выполняет функцию положительного воспитания как с помощью явных, так и скрытых (или неявных) средств [Се Сяоган 2006: 42]. В то же время девиз университета как часть университетской культуры выступает в качестве инструмента отражения и передачи культурных ценностей. Современные китайские университеты играют роль, которую нельзя игнорировать при передаче культуры. Анализируя собранные девизы 200 китайских университетов, мы классифицируем традиционные культурные ценности, отраженные в девизах китайских университетов, по следующим категориям.

Наследование и продвижение конфуцианской и даосской культуры

Конфуцианство – самая влиятельная школа мысли в древнем Китае. Как проявление присущей Китаю системы ценностей конфуцианство оказало глубокое влияние на гуманистическое мышление в китайских университетах. Многие университеты, созданные в современную эпоху, по стечению обстоятельств использовали традиционные конфуцианские классические произведения и некоторые знакомые классические афоризмы. Например, «论语 (Лунь Юй)», «周易 (Чжоу И)», «孟子 Мэн-цзы» и «Книгу обрядов» (礼记).

Первое предложение в «Книге обрядов» (礼记·大学): «大学之道, 在明明德, 在亲民, 在止于至善. *Целью Университета является проявление добродетелей света; размышление и совершенствование собственной морали и продвижение морали других, чтобы каждый человек мог превратиться из зла в добро; а также дать возможность обществу в целом достичь и поддерживать совершенную мораль.*» Это программное выражение конфуцианства о цели образования, цели обучения и стремления каждого человека быть Личностью с большой буквы. Во-первых, это «明明德 (проявление солнечных добродетелей)», а затем «亲民 (размышление и совершенствование собственной морали и продвижение морали других, чтобы каждый человек мог превратиться из зла в добро)», а конечная цель – «止于至善 (утвердиться в совершенном добре.)»

厦門大学的校训：自强不息，止于至善。（Девиз Сямэньского университета: *Постоянно самосовершенствоваться, утвердиться в совершенном добре.*）. Этот девиз был установлен господином Чэнь Цзянэнем, когда был основан Сямьньский университет в 1921 г. Девиз заключался в том, чтобы вдохновлять студентов и профессорско-преподавательский состав быть активными, стремиться к совершенству, чтобы вместе реализовывать цели, которые ставит перед собой университет.

东南大学的校训：止于至善（Девиз Юго-восточного университета: *Утвердиться в совершенном добре.*） По словам Дон Чуня (董群), профессора Гуманитарного колледжа Юго-восточного университета, «каждый должен стремиться быть нравственно здоровым человеком, человеком, стремящимся к высшим нравственным ценностям, и человеком с высокими намерениями. Нравственность является основой существования человека, независимо от того, занимается ли он естественными, социальными или гуманитарными науками, исследованиями и преподаванием, человек должен быть глубоко нравственен» [Утвердиться в совершенном добре, электронный ресурс URL].

Девиз «*Утвердиться в совершенном добре*» (止于至善) призывает к соблюдению морали, которая является ядром гуманизма.

河南大学的校训：明德，新民，止于至善（Девиз Хэнаньского университета: *Раскрывать врожденные добродетели, развивать умение правильно и творчески мыслить, утвердиться в совершенном добре.*）. Хэнаньский университет использует этот университетский девиз на протяжении более ста лет своей истории. На новостном сайте Хэнаньского университета есть такое объяснение: фрагмент девиза «明德» – это пропаганда и культивирование высокой морали, культивирование и продвижение добродетели через обучение и практику; фрагмент девиза «新民» означает: развивать умение правильно и творчески мыслить, использовать то, чему они научились, чтобы вдохновлять людей и брать на себя социальную ответственность; содержащееся в девизе выражение «止于至善» означает достижение всестороннего и здорового развития и достижение

наивысшего состояния совершенства [Девиз Хэнаньского университета электронный ресурс URL]. Этот девиз Хэнаньского университета не только является проявлением традиций университета, но также выражает философию данного учебного заведения, подчеркивая функцию университета по распространению культуры и обучению нужных обществу специалистов. В разделе «Книги обрядов», называемом «Учение о срединном и неизменном» (礼记·中庸) излагается процесс обучения в виде пяти последовательных шагов: «博学之, 审问之, 慎思之, 明辨之, 笃行之».

«博学» означает изучение широкого круга предметов. «审问» означает задавать целенаправленные вопросы для получения совета. «慎思» означает научиться мыслить. «明辨» означает формирование ясного суждения. «笃行» означает использовать знания и идеи, полученные в процессе обучения, в качестве руководства к действию. 学, 问, 思, 辨, 行 – это пять последовательных шагов. Такой взгляд отражает серьезное отношение китайских ученых к процессу обучения во все времена. Многие университеты приняли это в качестве своего девиза. Приведем примеры:

中山大学的校训: 博学, 审问, 慎思, 明辨, 笃行 (Девиз университета Чжуншань: *Получать обширные знания, подробно расспрашивать, тщательно размышлять, достигать ясного понимания, честно и достойно себя вести*). Сунь Ятсен придает большое значение образованию. В 1924 году он основал Гуандунский университет в Гуанчжоу, Китай, и установил девиз школы «博学, 审问, 慎思, 明辨, 笃行». Позже университет был переименован в Университет Чжуншань (имени Сунь Ятсена). Этот девиз университета, состоящий из десяти иероглифов, символизирует унаследованную от Сунь Ятсена традиционную форму обучения и олицетворяет эпоху новой революционной образовательной политики. Сунь Ятсен подчеркивал диалектическую взаимосвязь обучения, постановки вопросов, мышления, различения и действия, исходя из предпосылки установления великих амбиций, выражающих рациональность законов образования.

华南理工大学的校训：博学慎思，明辨笃行 (Девиз Южно-Китайского технологического университета: *Получать обширные знания, тщательно размышлять, достойно себя вести*). На официальном сайте Южно-Китайского технологического университета размещена такая интерпретация девиза университета: «博学慎思» означает учиться с открытым видением и сознанием, глубоко думать о недостатках и сильных сторонах каждой школы, чтобы сформировать свое собственный план действий для достижения успеха. «明辨笃行» означает, что для того чтобы управлять, нужно быть любознательным и критичным, искать истину и быть прагматичным, различать истину и ложь, а затем находить истину; в то время как пустые разговоры ведут к заблуждению нации, практическая работа ведет к процветанию нации, а путь к обучению состоит в том, чтобы использовать то, что изучил и применять на практике, интегрируя личностное совершенствование и развитие университета с историческим процессом великого возрождения китайской нации, чтобы стать благородным гражданином для строительства лучшего общества.

В трактате «И цзин» есть такое выражение: 天行健, 君子以自强不息, 地势坤, 君子以厚德载物. Это означает, что движение небес (т.е. природы) сильное и энергичное, а добродетельный муж, подобно небесам, должен стремиться вперед, неустанно укреплять свои силы, должен постоянно совершенствоваться, быть самоотверженным и способным на большие дела. Известный философ Чжан Дай Ниан считает, что «自强不息» в высшей степени обобщает основной дух китайской культуры, указывая на то, что выражение «自强不息» означает всегда стремиться вперед и никогда не останавливаться, а выражение «厚德载物» отражает деятельную натуру человека [Девиз Цинхуа, URL]. Многие университеты в качестве своих девизов принимают выражения «自强不息 (неустанно крепить свои силы, неуклонно стремиться вперед, постоянно самосовершенствоваться)» и «厚德载物 (добродетельный муж способен на великие свершения)».

Приведем примеры:

清华大学校训：自强不息，厚德载物 (Девиз Университета Цинхуа: *Беспрестанно совершенствоваться, добродетельный муж способен на великие свершения.*) Более ста лет этот девиз Университета Цинхуа вдохновлял его студентов и преподавателей на великие дела, давал уверенность в том, что в жизни важны самосовершенствование, толерантность, патриотизм, преданность делу и социальное благополучие.

厦門大学的校训：自强不息，止于至善. (Девиз Сямэньского университета: *Постоянно самосовершенствоваться, утвердиться в совершенном добре.*)

上海大学的校训：自强不息，先天下之忧而忧，后天下之乐而乐 Девиз Шанхайского университета: *Неуклонно стремиться вперед, раньше всех горевать над горем Поднебесной и после всех наслаждаться ее радостями.* Эссе Фань Чжунъяня (范仲淹) 1046 года содержит строки: «先天下之忧而忧, 后天下之乐而乐. Они означают «первым печалься о горестях Поднебесной и последним думай о радостях для себя» и имеют переносный смысл «первым встречать трудности и последним получать блага». Девиз Шанхайского университета выражает стремление наставлять студентов таким образом, чтобы они стали ответственными людьми. Хочется надеяться, что учащиеся смогут научиться делу благодаря собственным усилиям и возьмут на себя ответственность за служение Родине и делу возрождения нации. Если каждый учащийся будет иметь в себе дух самосовершенствования (自强不息), стремление первым встречать трудности и последним получать блага (自强不息, 先天下之忧而忧, 后天下之乐而乐), то это, несомненно, сыграет важную роль в развитии страны.

В книге «Ханьшу» (историческая хроника династии Хань с 260 г. до н. э. по 20 г. н. э., входящей в состав серии хроник «Эршисы ши» (二十四史), есть такое выражение: 修学好古, 实事求是. Это означает, что «*исследование学问 и钻研古典务必得到事实, 依据事实从中得出真义.* (При изучении знаний и изучении классической литературы необходимо получать факты и извлекать из них истинное значение.) Позднее выражение «по-деловому; основываясь на реальных фактах» (实事求是) стало одной из наиболее часто используемых идиом в современном

китайском языке. «现代汉语词典 (Современный китайский словарь)» дает следующее объяснение: «实事求是» означает правильно воспринимать и решать проблемы из реальной ситуации, без преувеличения и преуменьшения [Китайский словарь]. Известный китайский лингвист Се Чжибинь дает по этому поводу следующий комментарий: 实事求是原指治学的态度和方法, 验明核实现物的真相, 探求正确的结论。后多指从实际出发, 按客观规律办事, 正确对待和处理问题。Выражение 实事求是 изначально относилось к методу учебы, к проверке истины вещей и поиску правильных выводов. Позднее речь стала идти о практическом подходе, о работе в соответствии с объективными законами, о правильном подходе к проблемам и их правильном решении [Се Чжибинь 2007: 42].) Многие китайские университеты используют выражение "实事求是" в качестве девиза своего университета.

Приведем примеры:

天津大学的校训: 实事求是 (Девиз Тяньцзиньского университета: *Раскрывать в реальных фактах подлинную сущность.*) Этот девиз Тяньцзиньского университета был определен ректором Чжао Тяньлинь (赵天麟) более века назад. Он надеялся использовать дух девиза «实事求是», чтобы управлять университетом, корректировать университетскую культуру и давать советы учителям и студентам по поводу организации образовательного процесса. Ректор Тяньцзиньского университета 李家俊 Ли Цзяцзюнь в 2015 году, к 120-летию основания Тяньцзиньского университета и столетию со дня установления девиза университета «实事求是» сказал, что правило поиска истины из фактов – это профессиональное отношение, выражающееся в безразличии к славе и удаче, в усердии и трудолюбии, в приверженности будничной работе; в прагматичном духе уважения к фактам, в стремлении к истине, в смелых инновациях; в наличии смелости взять на себя ответственность [Газета Тяньцзиньского университета электронный ресурс URL].

中国人民大学的校训: 实事求是 (Девиз Китайского народного университета: *Раскрывать в реальных фактах подлинную сущность*). «实事求是» – это звено, связывающее славное прошлое китайского народа, при помощи которого преподаватели и студенты могут не только изучить предшествующий опыт, но и выстроить четкий ориентир для того, чтобы смело шагать в будущее. Данный девиз указывает студентам и преподавателям Китайского народного университета, что основным принципом их деятельности должно быть стремление к истине.

Зhejiang大学的校训: 求是创新 (*Искать правду и привносить новое*). В 1938 году ректор Чжэцзянского университета Чжу Кэчжэнь (竺可桢) (1890-1974), китайский метеоролог и геолог, предложил в качестве девиза университета использовать выражение «*Искать правду*» (求是), чтобы воплотить в жизнь реалистичный подход к делам. Через полвека, 5 мая 1988 года ректор Лу Юнсян (路甬祥), который председательствовал на собрании университета, предложил изменить девиз с тем, чтобы он соответствовал вызовам современности. На собрании было принято решение сделать девизом Чжэцзянского университета фразу «*Искать правду и привносить новое*» (求是创新). Это разумное решение принято Чжэцзянским университетом с целью адаптации к стремительному развитию современной науки и техники и к потребностям общества [Чжэцзянский университет электронный ресурс URL].

Отражение современного китайского национального духа и духа времени.

Национальный дух формируется и развивается на основе многолетней совместной жизни нации и общей социальной практики, признается и принимается большинством членов нации в качестве идеологического характера, ценностной ориентации и морального кодекса, а также всестороннего отражения психологических особенностей нации, ее культурных традиций, мыслей и эмоций. Национальный дух является наиболее важным и концентрированным проявлением национальной культуры. За тысячи лет исторической эволюции китайский народ сформировал великий национальный дух патриотизма как ядро

единства нации. Национальный дух отражает основные тенденции развития общества, идеологические концепции, общепризнанные ценностные ориентиры и нравственные нормы [[https://baike.baidu.com/item 中国精神](https://baike.baidu.com/item/中国精神)]. Профессор Чжоу Гупин отмечает, что основными характеристиками университетского девиза современных китайских университетов являются следующие: от классики унаследовать традицию; следовать тренду, соответствовать времени; сочетать китайские и западные элементы, дополнять друг друга [Чжоу Гупин 2005: 96].

Приведем примеры:

大连理工大学的校训：团结进取求实创新 (Девиз Даляньского технологического университета: *Единство, предприимчивость, деловитость и новаторство*). 团结 (единство) требует чувства сотрудничества и командной работы и не ориентировано на эгоизм. 进取 (предприимчивость) означает стремиться к прогрессу и изменять ситуацию к лучшему; 求实 (искать истину) означает придерживаться принципа искать истину из фактов, искать истинное знание; 创新 (инновация) означает быть смелым в исследовании, в постоянном стремлении вносить новые идеи и прокладывать новые пути.

中国矿业大学的校训：开拓创新，严谨治学 (Девиз Китайского горного университета: *Быть первопроходцем и новатором, скрупулезно заниматься наукой*). В 1999 году товарищ Цзян Цзэминь, являвшийся в тот период генеральным секретарем ЦК Компартии Китая и председателем Китайской народной республики, написал в адрес Китайского горного университета следующее пожелание: «быть первопроходцем и новатором, скрупулезно заниматься наукой, сделать Китайский горный университет первоклассным университетом энергетической науки и технологий». Основываясь на пожелании товарища Цзян Цзэминя, университет по случаю 90-летия основания учебного заведения принял фразу «开拓创新，严谨治学 *быть первопроходцем и новатором, скрупулезно заниматься наукой* в качестве девиза Китайского горного университета, и потребовал от всех учителей и учеников помнить девиз и следовать ему.

华南师范大学的校训: 艰苦奋斗, 严谨治学, 求实创新, 为人师表 Девиз Южно-Китайского педагогического университета: *Упорно бороться, скрупулезно заниматься наукой, стремиться к реальности и приносить новое, быть примером для людей.* Этот девиз, состоящий из 16 символов, суммирует стиль усердной работы школы, строгое академическое отношение и новаторство в научных исследованиях и академических требованиях.

Таким образом, ценностная ориентация девизов китайских университетов по-прежнему основана на этических идеалах, при этом упор делается на прилежание, поиск истины и новаторство, стремление к моральной целостности и корпоративному единству. Большинство источников девизов китайских университетов – это цитаты из конфуцианской классики, идиомы и лексика, воплощающие национальный дух. Девизы китайских университетов отражают общую ценностную ориентацию учебных заведений, концентрируя в себе философию, цели, характеристики и задачи каждого из учебных заведений.

Выводы по главе II

В результате анализа модели предметной области образования в китайском языке с точки зрения концептуально-тематических особенностей мы приходим к следующим выводам. Лексические единицы, обозначающие реалии китайской системы образования, можно разделить на следующие тематические группы:

1. Государственные органы образования.
2. Образовательные учреждения.
3. Учащиеся.
4. Учителя, преподаватели.
5. Свидетельства, дипломы, сертификаты, подтверждающие полученное образование или квалификацию.
6. Инфраструктура школ и высших учебных заведений.
7. Церемонии и мероприятия школ и высших учебных заведений.
8. Конфуцианство.
9. Символы школ и высших учебных заведений (эмблемы, девизы, форменная одежда).
10. Топонимы, относящиеся к территории высших учебных заведений.

Каждая из этих тематических групп отражает как культурно-специфические, так и универсальные особенности развития китайской системы образования. Лексические единицы в данном случае выполняют не только номинативную, обобщающе-познавательную, информационно-накопительную, дейктическую, эмотивную, знаковую, коммуникативную, контактную, эстетическую, но и хранительно-мемориальную функцию, когда язык одновременно пытается транслировать национально-культурную семантику (локализация) и развитие языка и культуры в соответствии с международными нормами, несмотря на изолированный характер китайского языка и китайской культуры (интернационализация). Огромное значение для понимания национально-лингвокультурных особенностей системы китайского образования играет тематическая группа «учителя, преподаватели», так как в Китае, равно как и в других восточных культурах, учитель – это не просто и не только профессия, но и духовный наставник и авторитет. В целом необходимо сказать, что концептуально-тематическое наполнение предметной области образования в китайском языке обладает мощным аксиологическим потенциалом, так как

построено на принципах гуманизма и морали с опорой на идейно-философское учение Конфуция.

Номинация объектов кампуса университетов Китая – это не только и не столько топонимический, сколько важный лингвокультурный процесс, реализующий мощный аксиологический потенциал. В процессе искусственной номинации объектов возможно обращение к истории страны и(или) конкретного места, а также использование слов и выражений из древнекитайских трактатов и поэзии. В любом случае названия зданий, дорог, улиц и элементов ландшафтов выполняют функцию объединения преподавателей и студентов, создания общей духовной атмосферы высшего учебного заведения, повышения престижа вуза, что в конечном счете содействует его процветанию и развитию.

Девизы китайских университетов обладают своими лексическими особенностями, особыми синтаксическими характеристиками, характерологическими стилистическими признаками. С лексической точки зрения девизы университетов отличаются изысканностью и лаконичностью. Девиз школы, как зеркало, отражает воспитательные идеи университета. Такая цель должна быть отражена в памяти учащихся через короткие и лаконичные формы девизов. К особенностям лексики девизов китайских университетов следует отнести использование устойчивых словосочетаний (в частности, таких специфических китайских фразеологизмов, как чэньюй), а также использование прецедентных текстов, основу которых составляют классические произведения конфуцианства. С синтаксической точки зрения девизы китайских университетов представляют собой предложения со сбалансированной симметрией «二言八字 – «двухстопные и восьмисловные» и «четырёхстопные и восьмисловные» структуры. Со стилистической точки зрения в девизах китайских университетов используются следующие приемы: 对偶 – парное построение; 排比 – последовательное построение; 比喻 – иносказание, основанное на сравнении; 对联 – парные надписи.

На этических идеалах китайской культуры основана и ценностная ориентация девизов китайских университетов. С лингвокультурологической точки зрения в девизах китайских университетов транслируются следующие ценности: наследование и продвижение конфуцианской и даосской культуры; постоянное совершенствование и самосовершенствование; сохранение китайского национального духа с одновременным следованием духу времени.

При этом упор делается на прилежание, поиск истины и новаторство, стремление к моральной целостности и корпоративному единству. Большинство источников девизов китайских университетов – это цитаты из конфуцианской классики, идиомы и лексика, воплощающие национальный дух. Девизы китайских университетов отражают общую ценностную ориентацию учебных заведений, концентрируя в себе философию, цели, характеристики и задачи каждого из учебных заведений.

Глава III. МОДЕЛЬ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

3.1. Аксиологическая составляющая предметной области образования в китайском языке²

Лингвокультурологический подход предполагает «изучение языка в тесной связи с культурой, что позволяет установить взаимосвязь семантических и когнитивных процессов, релевантных для культурной парадигмы исследуемого периода» [Комкова 2017: 106-108]. Важнейшей характеристикой любой культуры, цивилизации, по справедливому замечанию Н. А. Красавского, являются ценности [Красавский 2012]. Ценности эксплицируют то, какие ориентиры выбирают в качестве приоритетных члены того или иного национально-лингвокультурного сообщества. При этом необходимо отметить, что ценности существуют в обществе на протяжении не одного десятилетия. Аксиологические доминанты формируются в процессе многовековой истории, что особенно будет справедливо в отношении китайской культуры, одной из самых древних и самобытных на мировой арене. В этой связи представляется продуктивным рассмотрение аксиологических признаков предметной области образования в китайском языке через призму истории развития конфуцианства, которое на протяжении многих веков доминировало в образовании Китая. Такой подход представляется вполне оправданным, если принимать во внимание факт, на который указывает Шэнь Чжэньхуэй, подчеркивая, что китайская культура «принадлежит не одному Китаю, это драгоценное достояние всего человечества» [Шэнь Чжэньхуэй 2019: 3]. Религиозно-философское учение Конфуция всегда определяло нормы и правила жизни китайского общества в различных сферах

² Материалы настоящего раздела были опубликованы в виде статьи Чу, Цзяньминь. Реализация идей конфуцианства в педагогическом дискурсе: лингвокультурный комментарий / Цзяньминь Чу, Н. Н. Кошкарлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – № 11. – С. 272–276.

деятельности: политика, экономика, культура, образование. Конфуций – это не просто философ и ученый, а Учитель, наследие которого изучалось и изучается не только его последователями, но и всеми заинтересованными в процветании страны. Вполне справедливым будет сказать, что в трудах Конфуция во всей совокупности лингвоаксиологических и лингвопрагматических характеристик репрезентирован педагогический дискурс, который «характеризуется стандартизацией и стереотипизацией коммуникативного поведения его участников, высокой степенью социального контроля, стандартными, предписанными, устоявшимися сценариями» [Олешков 2012: 9].

В предисловии к «Ли цзи» (опубликованном в 1973 году в собрании текстов «Древнекитайская философия») И. С. Лисевич, выдающийся исследователь китайской литературы и переводчик, поясняет, что «Ли цзи» («Книга обрядов») «является одним из основных произведений конфуцианского канона. «Ли цзи» («Книга обрядов») излагает взгляды Конфуция по вопросам ритуала, морали, философии. Она писалась разными авторами и в разное время (в основном с IV по I в. до н. э.). Уже в Ханьскую эпоху (I в. до н. э.) книга «Ли цзи» была включена в состав конфуцианского «Пятикнижия» («У цзин»), которое стало тогда основой образования. Без знания «Ли цзи», равно как и других книг «Пятикнижия», невозможно было ни получить какую-либо должность, ни претендовать на звание культурного человека» [Записки об учении 1973: 99–100]. В «Ли цзи» находим предписания по поводу религиозной, обрядовой и социальной жизни китайского общества [см., например, Кейдун, 2014, 2015; Лукьянов, 2015].

«Ли цзи» («Книга обрядов») содержит 49 глав, а «Записки об учении» являются главой № 36 книги «Ли цзи». «Записки об учении» представляют собой самое древнее в Китае и в мире произведение, посвященное образованию. Полный текст «Записок об учении» содержит только 1229 китайских иероглифов, но он богат по содержанию. Проблемы, находящиеся в фокусе внимания указанного произведения, имеют вневременной и вненациональный характер. В «Записках об учении» нивелирована дихотомия Восток/Запад [Гуторов 2015], что говорит в пользу рассмотрения культурно-философского наследия Конфуция в

лингвокультурологическом аспекте. Лингвокультурологический ракурс исследования конфуцианских идей об образовании неразрывно связан с ценностной парадигмой в социальной практике, которая реализуется через «возрождение традиционной китайской культуры» [Ци 2000: 51].

«Записки об учении» – это квинтэссенция конфуцианской образовательной политики периода Весен и Осеней («Чуньцю») (770-476/403 гг. до н.э.) и периода Сражающихся царств (476/403-221 гг. до н.э.). «Записки об учении» написаны на древнекитайском языке, письменной формой которого является вэньянь (文言). Как уже было отмечено в разделах 1.2. и 2.2., для вэньяня характерна лаконичность, простота языковой формы, использование его элементов с лексикой современного китайского языка, что является источником фразеологизмов и крылатых выражений. В связи с существенным отличием древнекитайского языка от языка, используемого в наши дни, «цитаты из литературных произведений древности зачастую сопровождаются пересказом текста на современном литературном языке (白话译文) и комментариями» [Ким 2015: 487–489].

Вместе с тем «философско-антропологические идеи традиционной культуры Китая выступают как мировоззренческая основа инновационного образования, которое определяет его дальнейшее развитие» [Константинова 2011: 74]. В качестве такой основы выступают следующие положения образовательной доктрины Конфуция, представленные в настоящем исследовании в виде фреймов. Считаем возможным выделить в учении Конфуция следующие фреймы, представляющие образовательный аспект его доктрины: о пользе учения; о соблюдении справедливости в образовании; о высоких требованиях к личности учителя; о методике образовательного процесса; о роли образования; об образовательной системе и управлении; о принципах образования; о методах обучения. Полагаем, что релевантность фреймового подхода к анализу конфуцианской образовательной концепции обоснована тем, что такой способ дает возможность проанализировать исследуемый материал во всей совокупности лингвоаксиологических, культурных и исторических характеристик. Именно

такой ракурс лингвистического анализа предоставляет ученому возможность поместить теоретические изыскания в более широкий экстралингвистический и экстрадискурсивный контекст.

Фрейм «О пользе учения».

Для китайцев «характерно исторически сложившееся уважение к образованию» [Сюй Ли 2014: 179]. Именно конфуцианство поставило образование в число важнейших приоритетов жизни китайского общества. Конфуций полагал, что образование – это не только заучивание какого-то материала, а скорее освоение морально-этических законов, которым человек будет следовать на протяжении всей жизни, которые помогут ему самосовершенствоваться и стать достойным гражданином китайского общества.

Эти взгляды Конфуция нашли отражение в дошедших до нас высказываниях мыслителя, в творчестве его учеников и последователей. В частности, учеными не раз отмечалась особая важность первого суждения трактата «Лунь Юй» («Беседы и суждения») Конфуция, в котором заключена самая главная мысль – доминанта учения Конфуция [Конфуций. Беседы и суждения, URL]. Данный трактат открывает фраза, начинающаяся со слова 学 «учиться»: 学而时习之，不亦说乎？有朋自远方来，不亦乐乎？人不知而不愠，不亦君子乎？ [Там же]./ *«Не приятно ли учиться и постоянно упражняться? Не приятно ли встретиться с другом, возвратившимся из далеких стран? Не тот ли благородный муж, кто не гневается, что он не известен другим?»* [Конфуций, URL] (здесь и далее приведены цитаты из «Бесед и суждений» Конфуция на китайском языке, взятые из китайской электронной энциклопедии baike.baidu [Конфуций. Беседы и суждения, URL]. Цитаты на русском языке, за исключением отдельно оговоренных случаев, даны по книге «Беседы и суждения» Конфуция, содержащейся в электронной библиотеке libma.ru [Конфуций. Беседы и суждения, URL]. Центральная мысль этого высказывания заключается именно в слове 学 (учиться), что в данном контексте означает «много работать, добывать знания, получая радость и удовольствие от этого процесса». Конфуций полагал, что

именно образование, а не пустые размышления, поможет человеку развить в себе добродетели, которые в последующем смогут принести плоды как для него самого, так и для общества в целом. Эта мысль выражается в изречении Конфуция: 吾尝终日不食，终夜不寝，以思，无益，不如学也 [Конфуций. Беседы и суждения, URL]. / *«Я целые дни проводил без пищи и целые ночи без сна, но нашел, что одни размышления бесполезны и что лучше учиться»* [Конфуций, URL]. Согласно учению Конфуция, образование играет важную роль в жизни всего общества: 建国君民，教学力先 *Строительство страны, управление общественными делами, образование – высшие приоритеты общества.* Данное изречение содержится в «Ли цзи» (礼记), «Книге обрядов», являющейся одним из главных канонов конфуцианства. «Книга обрядов» составлена учениками и последователями Конфуция в IV-I вв. до н.э. и включена в состав конфуцианского «Пятикнижия».

Фрейм «О соблюдении справедливости в образовании».

Конфуций полагал, что образование должно быть доступным для людей из разных слоев общества, независимо от их происхождения, статуса и ранга его семьи, материального достатка. В свою школу Конфуций принимал учеников, будь они выходцами из богатого и знатного общества или представителями низшего класса. Взгляды Конфуция о справедливости в вопросе образования выражены в изречении 有教无类 [Конфуций. Беседы и суждения электронный ресурс URL]. / *«Для Учения нет категорий»* [Конфуций электронный ресурс URL]. Смысл данного высказывания заключается в том, что образование должно быть равным для всех, предоставлять равные возможности в обучении для разных сословий, не делать различий по материальному и(или) социальному статусу учеников.

Суждение 自行束修以上，吾未尝无悔焉 [Конфуций. Беседы и суждения электронный ресурс URL]. / *«Я никому не отказывал в наставлении, начиная с тех, которые приносили гонорар, состоявший из связки сушеного мяса»* [Конфуций электронный ресурс URL] также выражает идею Конфуция

преподавать для всех, без учета социальных различий и материального положения учащихся. Фразеологизм 学而优则仕 [Конфуций. Беседы и суждения электронный ресурс URL]. / *«Те, кто прилежно учатся, станут чиновниками»* [Конфуций электронный ресурс URL] выражает конфуцианские представления о том, что элиту общества должны составлять энергичные образованные люди, добившиеся своего положения упорным трудом и непрестанной учебой.

Сюй Ли отмечает, что «идеи конфуцианства повлияли на изменение подхода к образованию в Древнем Китае на государственном уровне» [Сюй Ли 2014: 179]. В феодальном обществе идея справедливости и беспристрастности в образовании была реализована, в частности, посредством императорской экзаменационной системы кэцзюй, о которой мы уже упоминали в разделе 1.3. С внедрением указанной системы главенствующая роль в образовательном процессе стала отводиться не высокому происхождению, а реальным знаниям и умению «на практике претворять конфуцианские нравственные принципы, контролируемых экзаменационной системой» [Виноградов 2008: 49]. В современном Китае идея о справедливости образовательных возможностей реализуется во всей полноте через получение образование независимо от происхождения, материальных возможностей, а также через государственные субсидии, кредиты и другие формы социальной помощи.

Фрейм «О высоких требованиях к личности учителя».

По мнению Конфуция, учителем может стать только человек с высокими моральными принципами, хорошим образованием, стремлением к постоянному самосовершенствованию. Невозможно научить детей чему-то, если ты (учитель) сам не подаешь пример им своей жизнью и своими поступками. Образование – это не только школьные уроки, а каждодневное общение с Учителем, жизнь и поступки которого должны быть идеалом и образцом для подражания. Конфуций говорил о себе: 我非生而知之者，好古，敏以求之者也 [Конфуций. Беседы и суждения электронный ресурс URL]. / *«Я не тот, который обладает Знанием от рождения, а тот, который, любя древность, усердно ищет ее»* [Конфуций электронный ресурс URL]. Смысл данного высказывания мыслителя в том, что

обширные познания получены им только благодаря старательному изучению исторического наследия. Эту мысль продолжает фраза 三人行，必有吾师焉。择其善者而从之，其不善者而改之 [Конфуций. Беседы и суждения, URL]. / *«Если идут вместе три человека, то между ними непременно есть мой учитель, я избираю из них хорошего и следую за ним, а дурной побуждает меня к исправлению»* [Конфуций электронный ресурс URL]. В данном суждении Конфуций указывает на то, что в процессе общения с людьми надо стремиться к получению полезных знаний и самосовершенствованию.

Постоянное самосовершенствованию – это стремление задавать вопросы, не считать зазорным обратиться за разъяснением к тому, кто младше тебя. Обучение – это двусторонний процесс: учитель не только дает знания ученикам, но и сам узнает что-то новое от них. Конфуций говорил о том, что не следует стесняться обращаться за разъяснением и помощью к человеку, менее тебя образованному (ниже тебя по положению). Фрагмент этого суждения превратился во фразеологизм 不耻下问 (*«не стыдиться обращаться с вопросами к низшим»*). По мнению Конфуция, процесс познания бесконечен, поэтому не только учащиеся, но и учителя должны много учиться, только тогда учащиеся будут подражать своим учителям. Эти идеи выражаются, в частности, в изречении Конфуция 学而不厌，诲人不倦 [Конфуций. Беседы и суждения электронный ресурс URL]. / *«Учиться с ненасытной жаждой и просвещать людей, не зная усталости»* [Конфуций электронный ресурс URL]. Он однажды сказал: 学不厌，智也；教不倦，仁也 [Китайский электронный литературный справочник электронный ресурс URL]. / *«Учиться без пресыщения – это разумно, обучать всех без усталости – это нелицеприятно»* [Конфуций электронный ресурс URL]. Смысл данного высказывания, содержащегося в конфуцианском трактате 《孟子》 «Мэн-цзы», заключается в том, что мудрый человек, стремящийся к знаниям, никогда не будет удовлетворен и пресыщен учебой, а человек, обладающий высшими моральными качествами, и имеющий к этому призвание, не будет утомлен обучением других.

У Конфуция есть знаменитое изречение: 其身正，不令而行。其身不正，虽令不从 [Конфуций. Беседы и суждения электронный ресурс URL]. / «Если сам правитель корректен, то народ без приказаний будет исполнять, что нужно; если же правитель сам некорректен, то, его не слушают, несмотря на приказ» [Конфуций электронный ресурс URL]. Данное суждение, высказанное в контексте взаимоотношений между правителем и народом, имеет более широкое значение. Его смысл состоит в том, что если вышестоящие лица не работают над собой, не совершенствуются, не исправляют ошибки, то нижестоящие могут перестать выполнять их приказы. В рамках иерархии взаимоотношений между преподавателем и его учениками это означает, что преподаватель постоянно должен учиться и заниматься самосовершенствованием, являя собой нравственный образец личности, иначе будет нарушена атмосфера доверия между учителем и учениками, которая служит неременным условием успешного учебного процесса. Конфуцианские представления об образе учителя нашли свое дальнейшее отражение в лексике китайского языка. Так, фразеологизмы 为人师表 («быть примером для людей; служить образцом учителя»), 言传身教 («наставлять [учить] и словом и делом») [БКРС электронный ресурс URL] содержатся еще в письменных источниках, которые датируются V–VII веками нашей эры. Однако эти выражения, дошедшие до нас из глубины веков, донныне используются в современном Китае, когда речь идет о профессиональном долге учителя, об отношении учителя к своему делу.

Фрейм «О методике образовательного процесса».

Большинство китайских ученых выделяют в учении Конфуция четыре важных аспекта методики обучения, которые можно представить в виде микрофреймов указанного фрейма: а) обучение учащихся в соответствии с их индивидуальными особенностями; б) эвристический метод преподавания; в) сочетание обучения и мышления; г) обучение должно быть глубоким, но в конечном итоге простым.

Рассмотрим эти аспекты более подробно.

а) Микрофрейм «Обучение учащихся в соответствии с их индивидуальными особенностями» 因材施教.

Конфуций одним из первых обратил внимание на необходимость дифференцированного подхода к учащимся со стороны педагога. Он был убежден, что люди от рождения имеют разные способности. Имея это в виду, Конфуций говорил: 中人以上，可以语上也；中人以下，不可以语上也 [Конфуций. Беседы и суждения электронный ресурс URL]. / *«С человеком, способности которого выше посредственных, можно говорить и о высоких предметах, а с тем, у которого они ниже посредственных, нельзя»* [Конфуций электронный ресурс URL]. Конфуций считал, что успехи в обучении зависят не только от способностей, но и от характера ученика. Так, описывается случай, когда один из учеников спросил Учителя, почему тот по-разному отвечает на их вопросы, на что Конфуций ответил: если ты не уверен в себе, действуй смело, а если ты самоуверен, то действуй осторожно и обдуманно.

Учитывая различия между людьми в их способностях и характере, Конфуций предложил использовать в процессе преподавания метод 因材施教 («обучение учащихся в соответствии с их индивидуальными особенностями»). В соответствии с этим методом учителя выбирают индивидуальный подход к каждому ученику, обращая внимание на его интеллектуальные способности, характер, способности к обучению. Стоит при этом сказать, что иногда применение индивидуального подхода в образовании было ограничено большим количеством учащихся в классе, кадровым голодом, направленностью китайской системы образования не на получение знаний, а на сдачу экзаменов. Однако в последнее время ситуация изменилась к лучшему. В частности, Л.А. Новикова отмечает, что «современная образовательная парадигма, осуществляемая в Китае в наше время, характеризуется отказом от масштабно внедренной ранее концепции “образование ради подготовки учащихся к экзамену” и переходом к новому ориентиру – “образованию для развития личности учащихся”» [Новикова 2017: 225].

б) Микрофрейм «Эвристический метод преподавания» 启发诱导.

В современной педагогике и лингводидактике эвристический метод понимается как такой способ обучения, при котором активизируются мышление ученика, развиваются продуктивные умения обучающихся, а основным критерием истинности знания становится практика. В настоящее время в разных странах мира активно используются «метод коллективного поиска оригинальных идей, метод эвристических вопросов, метод многомерных матриц и другие эвристические методы» [Залесова электронный ресурс URL].

Конфуций, будучи новатором в деле обучения детей и пропагандистом смелых и оригинальных идей, считал, что механическое заучивание каких-либо текстов не принесет никакой пользы ученику; важно находиться в постоянном диалоге между учителем и учеником, получать реакцию на преподаваемую дисциплину, вызвать заинтересованность и отклик в душе у обучающегося. Конфуций говорил: 不愤)不启，不悱不发。举一隅不以三隅反，则不复也 [Конфуций. Беседы и суждения электронный ресурс URL]. / *«Неретивых я не просвещаю; не сгорающим от нетерпения получить разъяснения – не объясняю; своих уроков не повторяю тем, которые по одному открытому углу не отгадывают трех остальных»* [Конфуций электронный ресурс URL]. Но при этом ученик сам должен проявлять интерес к учебе, не быть лишь пассивным слушателем, а быть взыскательным и требовательным партнером педагога в образовательном процессе.

Конфуций проводил свои занятия не в форме нравоучений и скучного объяснения материала, а старался вступать в диалог с учениками, что способствовало развитию их творческих способностей, эвристическому подходу к анализу и синтезу полученных в ходе уроков знаний, получению опыта как обучающимися, так и самим Учителем.

в) Микрофрейм «Сочетание обучения и мышления» 学思并重.

Конфуций полагал, что только сочетание обучения и активного мышления позволит ученикам освоить предмет во всей полноте, использовать полученные знания на практике, избежать опасности прийти к ложным и неправильным

выводам. Конфуций говорил: 学而不思则罔，思而不学则殆 («Учение без размышления бесполезно, но и размышление без учения опасно»). Важно правильно интерпретировать смысл этого лаконичного высказывания: только глубокие рассуждения и критический подход дадут тебе возможность получить твердые знания, сделать корректные выводы, использовать приобретенные знания в своей практической деятельности.

г) Микрофрейм «Обучение должно быть глубоким, но в конечном итоге простым» 由博反约.

Конфуций предложил способ, как научить студентов самостоятельно размышлять и делать выводы. Название данного метода – 由博反约 («обучение должно быть глубоким, но в конечном итоге простым») ведет свое происхождение от изречения, содержащегося в конфуцианском трактате 孟子 «Мэн-цзы»: 博学而详说之，将以反说约也 [Мэн-цзы электронный ресурс URL]. / Тщательно изучить и обдумать, и снова к этому вернуться (*собственный перевод автора.* – Чу Цзяньминь). Важно несколько раз возвращаться к изученному материалу: сначала новые знания преподносит учитель, а затем ученик, вооружившись полученной информацией, должен вернуться к материалу и составить собственное представление об изученном предмете, но уже в более простых и ясных формулировках.

Фрейм «О роли образования».

В «Записках об учении» образование рассматривается как лучшая основа для управления государством: «君子如欲化民成俗，其必由学乎!». «Если благородный муж желает исправления народных нравов и обычаев, он обязательно должен начинать с просвещения» [Записки об учении 1973. 99–100]. <...> «古之王者建国君民，教学为先.» «Древние государи в построении государства и в управлении народом ставили просвещение на первое место» [Записки об учении 1973: 99–100]. На основании этих суждений можно сделать вывод о том, что адепты конфуцианства полагали, что лучший способ управления государством – умелое сочетание образования и политики.

Содержащиеся в приведенных фразах выражения «化民成俗» и «建国君民，教学为先» дают обобщенное представление о роли образования в жизни общества. Первое из них, «化民成俗», означает «просвещать народ, прививая понятия о нравственности, добродетели». Второе, «建国君民，教学力先» «*в построении государства и в управлении народом просвещение – на первом месте*» [Записки об учении 1973: 99–100], подчеркивает главенствующую роль просвещения народа в устройстве и функционирования государства. Оба эти выражения, пришедшие к нам из древней книги, стали в современном китайском языке крылатыми фразами и используются в печати и в устной речи, например, при обсуждении проблем образования на современном этапе развития китайского общества.

Фрейм «Об образовательной системе и управлении».

В «Записках об учении» излагается идеальная, по мнению просвещенных людей Древнего Китая, система образования разных уровней, а сама структура системы учебных заведений Древнего Китая излагается следующим образом: «古之教者，家有塾，党有庠，术有序，国有学。」 – «*В древности обучали так: в кланах были школы шу, в данах – школы ян, в областях – школы сюй, в столицах – школы сюэ*» [Записки об учении 1973: 99–100]. «家(Цзя), 党(дан), 术(шу) и 国(го)» – это административно-территориальные единицы Древнего Китая, а «塾 (шу), 庠 (ян), 序(сюй) и 学(сюэ)» – это созданные в них учебные заведения.

«Записки об учении» также содержат сведения о продолжительности обучения, о периодах обучения, об организации учебного процесса, об оценке успеваемости учащихся в учебных заведениях Древнего Китая. «Записки об учении» следующим образом описывают организацию учебы в Древнем Китае: «一年视离经辨志；三年视敬业乐群；五年视博习亲师；七年视论学取友，谓之小成。九年知类通达，强立而不反，谓之大成。」 «*Поступали в учение каждый год, через год держали экзамен. В первый год проверяли умение читать извлечения из классиков и волю к учению. Через три года проверяли, питает ли ученик почтение к науке, наслаждается ли обществом [своих товарищей]. Через*

пять лет проверяли широту знаний и близость к наставнику; через семь лет проверяли способность рассуждать о науках и выбирать друзей. Это называлось малым становлением. Через девять лет учащийся уже мог делать умозаключения, твердо стоять [в науке] и не изменять [учению]. Это называлось великим становлением» [Записки об учении 1973: 99–100].

Как следует из приведенного выше фрагмента «Записок об учении», продолжительность обучения в университете составляла девять лет. Этот срок делился на две ступени: первые семь лет, именуемые 小成 «малое становление», и последующие два года, которые назывались 大成 «великое становление», а «подобная организация обучения способствовала становлению в системе образования Древнего Китая учебных заведений разного уровня» [Гао, Янькуй, 2003. С. 44–45].

В трактате особое внимание уделяется прежде всего поступлению в учебные заведения и повседневному поведению студентов. В «Записках об учении» об этом написано следующее: «大学始教，皮弁祭菜，示敬道也。《宵雅》肄三，官其始也。入学鼓箠，孙其业也。夏楚二物，收其威也。未卜禘不视学，游其志也。时观而弗语，存其心也。幼者听而弗问，学不躐等也。此七者，教之大伦也.» *«Начиная великое учение, в парадных меховых одеждах совершали жертвоприношения плодами земли, высказывая тем свое преклонение перед истиной. Затем читали нараспев три первые оды из числа «Малых», начиная тем свое служение. Войдя в школу, с ударом барабана открывали котомки с книгами, являя свое прилежание к наукам. Два дерева –сяи чу – служили для того, чтобы внушать трепет. До летних жертвоприношений знаний не проверяли, чтобы ученики были вольны в своих помыслах. За ними постоянно наблюдали, но ничего не говорили, чтобы те работали спокойно. Младшие лишь внимали, но не смели спрашивать, дабы в учении соблюдалась постепенность. Вот каковы были семь великих принципов обучения» [Записки об учении 1973: 99–100]. «Записки об учении» рассматривают поступление в школу как начало многолетней напряженной учебы. Существовал обычай, согласно которому в день открытия*

школы император приводил чиновников на церемонию открытия школы, которые приносили в жертву предкам свежие овощи и фрукты, тем самым показывая уважение к учителям. После церемонии открытия учащиеся заучивали первые три стихотворения из сборника «诗经. 小雅» (Ши цзин, Малые оды): «鹿鸣» («Крики оленей»), «四牡» («Четверка коней») и «皇皇者华» («Великолепие цветов»), в которых выражалось покорность родителям и верность стране, любовь к Родине, забота чиновников о судьбах государства и его граждан. Квинтэссенция этих трех стихотворений – учеба и получение образования являются первым шагом на пути к чиновничьей службе, которая связана с думами о судьбах страны, со служением императору, с прилежанием, с любовью к народу. Здесь следует упомянуть, что система оценки знаний в древнем Китае (равно как и современной китайской образовательной системе) связана со сравнительной характеристикой прогресса студента с момента начала обучения и на сегодняшний день. Другим важным моментом образования является нравственное воспитание, которое подразумевает уважительное отношение к учителю, престиж которого всегда был и остается высоким в китайской образовательной традиции, о чем мы говорили в разделе 2.1.

Фрейм «О принципах образования».

В «Записках об учении» впервые сформулированы принципы единства и дидактики педагогических противоречий [Ли Хун 2011: 51-52]. В тексте трактата об этом сказано следующее: «是故学然后知不足，教然后知困。知不足然后能自反也，知困然后能自强也。故曰：教学相长也» *«По этой-то причине, только начав учиться, узнаешь о собственном несовершенстве; только начав обучать, узнаешь, что такое трудности. Но, познав свое несовершенство, можно заняться собой; познав трудности, можно себя укрепить. Поэтому-то и говорят, что учитель и ученик растут вместе»* [Записки об учении 1973: 99–100]. В данном случае слово «困» «трудности» используется в значении «испытывать недоумение», а слово «长» «расти» значит «способствовать». То есть преодоление любых трудностей – это не преграда в обучении, а шаг на пути к самосовершенствованию. Смысл выражения «教学相长» «обучение и

восприятие дополняют друг друга» заключается в том, что обучение – это двусторонний процесс (о чем Конфуций говорил, рассуждая о требованиях к личности учителя). Только обучая детей, в реальной педагогической практике учитель может научиться чему-то новому сам. Чтение книг в совокупности с тестированием прочитанного на практике – вот лучший способ самосовершенствования учителя, что в конечном счете будет способствовать прогрессу в образовании. Учителя не должны стыдиться и того, что они могут не знать чего-то в своем предмете; устранять эти пробелы необходимо во время обучения – уча других, учитель учится сам – именно к этому и призывал Конфуций. Таким образом, можно сказать, что тезис о принципах образования, выраженным фразой «*教学相长*» «*обучение и восприятие дополняют друг друга*» – это большой вклад «Записок об учении» в историю мирового образования.

В «Записках об учении» утверждалось, что нужно использовать обучение как на уроках, так и вне класса: «*大学之教也，时教必有正业，退息必有居学。不学操缦，不能安弦；不学博依，不能安诗；不学杂服，不能安礼。不兴其艺，不能乐学。故君子之于学也，藏焉修焉，息焉游焉。*» «*Принципы великого учения таковы: в учебное время должны идти нормальные занятия, в каникулы же следует обучаться по жизни. Ведь, не умея играть, не сможешь настроить струну; не зная простых напевов, не сможешь взять правильный тон и в стихе, а не научившись различать одежды, не сможешь соблюдать церемониал. Если не вдохновиться этим умением, не сможешь насладиться и своими науками. Поэтому благородный муж, в учении накапливая, совершенствуется, а отдыхая, приобретает знания в развлечениях*» [Записки об учении 1973: 99–100]. Это предложение означает, что «*居学*», «обучение по жизни», то есть самостоятельная работа ученика дома как по предмету, так и его любимым занятием, не связанным со школой, может помочь ему изучить основной курс: навык игры на музыкальном инструменте приобретается и сохраняется только при регулярных занятиях; сочинение собственного стихотворения возможно только при заучивании стихов, написанных другими поэтами; грамотность в письме

достигается только посредством выполнения большого количества упражнений – иными словами, только работа в классе, без самостоятельной работы дома, не позволит ученику сдать лидером в учебе. В «Записках об учении» поддерживается и развивается идея Конфуция о вдохновляющем учении, которая заключается в том, что учителя должны добиваться от учащихся полной мобилизации сил для успешной учебы. «道而弗牵；强而弗抑；开而弗达。道而弗牵则和；强而弗抑则易；开而弗达则思。」 *«Поскольку же благородный муж ведет, а не тянет, между ним и учеником царит согласие; поскольку побуждает, а не заставляет, учиться легко; поскольку лишь открывает путь, но не доводит до конца, ученик думает»* [Записки об учении 1973: 99–100]. Здесь «道» означает «руководить, показывать путь». Смысл этого предложения заключается в том, что преподаватель должен увлекать учащихся следовать за собой, а не принуждать их; должен поощрять учащихся, а не подавлять их, должен побуждать учащихся самостоятельно размышлять, а не делать выводы вместо них. При соблюдении этих требований отношения между учителями и учениками будут гармоничными.

В «Записках об учении» написано: «学者有四失，教者必知之。人之学也，或失则多，或失则寡，或失则易，或失则止。此四者，心之莫同也。知其心，然后能救其失也，教也者，长善而救其失者也。」 *«Ученикам бывают свойственны четыре недостатка, которые должны быть известны учителям. В науках люди либо алчут многого, либо довольствуются слишком малым, либо относятся к ним несерьезно, либо останавливаются на полпути. Недостатков этих четыре, ибо люди различны в сердце своем, и, лишь познав их сердца, можно избавить их от недостатков. Просвещение — это развитие достоинств и избавление от недостатков»* [Записки об учении 1973: 99–100]. Смысл этого предложения состоит в том, что учащиеся имеют четыре вида недостатков, и для того, чтобы обучать других людей, учителя должны знать о них. Эти недостатки в основном касаются отношения людей к обучению. Некоторые люди ненасытно гонятся за количеством знаний, в результате чего их познания становятся поверхностными. Другие, подобно стрекозе, слегка касающейся поверхности воды, только скользят

по верхам, не проявляют должного интереса к учебе и имеют ограниченный кругозор. Есть еще категория людей, которые небрежно относятся к учебе, ищут легкие пути. Встречаются и такие учащиеся, которые всего боятся и, сталкиваясь с трудностями, останавливаются в своем развитии. Эти четыре типа недостатков вызваны различиями в психологии учащихся. Понимание их психологии может помочь исправить эти недостатки.

Фрейм «О методах обучения».

«Записки об учении» следующим образом рассказывают о том, как правильно задавать вопросы и о том, как правильно получать на них ответы: «善问者，如攻坚木，先其易者，后其节目。及其久也，相说以解» *«Умеющий спрашивать словно обтесывает крепкое дерево: сначала выбирает, где полегче, а потом принимается и за сучки; пусть пройдет немало времени, но он все поймет из бесед с учителем»* [Записки об учении 1973: 99–100]. «善待问者如撞钟：叩之以小者小鸣，叩之以大则大鸣» *«Умеющий отвечать на вопросы подобен колоколу: коснутся его тихо – прозвучит едва слышно, ударят сильнее – зазвучит громче и умолкнет лишь тогда, когда его перестанут спрашивать»* [Записки об учении 1973: 99–100]. Смысл первой из приведенных фраз заключается в том, что люди, которые хотят задать вопрос, делают это аккуратно и деликатно, подобно тому, как плотник начинает обтесывать дерево с места, которое легко поддается обработке, а уже потом обрабатывает твердую часть дерева. Следовательно, люди, которые занимаются преподаванием, должны задавать учащимся сначала легкие вопросы, а потом сложные; в результате, учащийся легче сможет понять предмет обучения. Кроме того, ученики должны хорошо уметь отвечать на вопросы. Умение отвечать на вопросы в «Записках об учении» сравнивается со звучанием колокола, который, в зависимости от приложенной при ударах силы, звучит то тихо, то громко. Аналогичным образом, в зависимости от того, как поставлен вопрос, умеющий правильно отвечать даст короткий, лаконичный ответ либо же даст пространный, подробный ответ. Учителя также должны давать учащимся возможность подумать. Если ученики не

думают, то, какие бы вопросы ни задавали учителя, прогресса не будет, и со временем учащиеся перестают вникать в суть проблем. Таким образом, в процессе обучения вопросы и ответы неразделимы и тесно связаны. Объектами расспросов могут быть учителя, одноклассники, друзья и т.д. Только больше думая и спрашивая, можно добиться прогресса в учебе [Хун Мэй 2010: 159–161].

В «Записках об учении» сказано: «必也听其语乎» *«непрерменно надо прислушиваться к тому, что они спрашивают»* [Записки об учении 1973: 99–100]. Преподаватели не должны только читать по учебнику, а должны объяснять материал, исходя из потребностей, нужд и настроения аудитории. Кроме того, учителя должны в процессе объяснения урока добиваться состояния, о котором в трактате говорится следующее: «约而达，微而藏，罕譬而喻。」 *«речь сжата и доходчива, глубока и содержательна, скупа на примеры, но понятна»* [Записки об учении 1973: 99–100]. Смысл данного высказывания заключается в том, что язык образования должен быть лаконичным и понятным, учителя должны полностью понимать суть учебных материалов, выделять ключевые моменты и объяснять их учащимся; учителя также должны понимать причины возникающих затруднений и объяснять учащимся трудные места. Примеров не должно быть много, чтобы дать учащимся возможность самостоятельно в них разобраться. Примеры, приводимые учителем, должны быть репрезентативными и типичными. Примеры уместны только тогда, когда с их помощью можно визуализировать сложные вопросы, чтобы сделать их простыми и понятными. Только так можно решить проблемы учеников и вдохновить их на размышления [Чжан Шуай 2011: 93–95].

«Записки об учении» указывают на необходимость практического опыта для получения полноценных знаний: «良冶之子，必学为裘；良弓之子，必学为箕；始驾马者反之，车在马前。君子察于此三者，可以有志于学矣。」 *«Ведь сын хорошего кузнеца должен сначала постоять за мехами, сын хорошего мастера-лучника — потрудиться над колчанами, а если лошадь, которую приучают ходить в оглоблях, упирается, пусть побегает сначала за повозкой! Из этих трех примеров благородный муж может черпать свою волю к учению»* [Записки об

учении 1973: 99–100]. Смысл данной фразы заключается в необходимости практики в избранной учащимся сфере деятельности. Здесь в качестве наглядных примеров приведены 3 вида деятельности: по мнению автора трактата, сын искусного кузнеца должен сначала поработать в качестве помощника («*постоять за мехами*»), усваивая мастерство в процессе работы; сын искусного лучника должен сначала научиться делать относительно простую работу, изготавливая колчаны для стрел; человек, который обучает лошадь тянуть телегу, прежде, чем запрячь лошадь, сначала позволит ей некоторое время просто следовать за телегой, которую тянет другая лошадь. Эти примеры убеждают в том, что практическая деятельность должна начинаться с самых простых вещей, затем навыки должны постепенно развиваться и совершенствоваться, для чего необходимо постоянно учиться. Автор трактата выражает мнение, что благородный муж, который понимает смысл приведенных трех примеров, может достичь успехов в учебе.

В «Записках об учении» об использовании аналогии сказано следующее: «古之学者，比物丑类，鼓无当于五声，五声弗得不和；水无当于五色，五色弗得不章；学无当于五官，五官弗得不治；师无当于五服，五服弗得不亲。」
«Ученые древности, сопоставляя вещи и явления, делали умозаключения. Они видели, что барабан не то же, что пять звуков, но без него пять звуков не приходят в согласие; вода не то же, что пять цветов, но без нее пять цветов не образуют узора; учеба не то же, что пять министров, но без нее нельзя ими повелевать; учитель не то же, что пять одеяний, но без него не понять, что их роднит между собой» [Записки об учении 1973: 99–100].

Приступая к анализу приведенного высказывания, следует отметить, что «китайская культура насыщена символами; для духовной культуры традиционного Китая характерна пятеричная (связанная с цифрой «5») система символов, а одной из самых древних систем символов является учение о пяти первых элементах (пять первоэлементов – это вода, огонь, дерево, металл и земля, им соответствуют пять цветов» [Дегтярников 2014: 26–29]. С помощью пяти цветов – белого, синего, черного, красного и желтого, связанных с пятью

элементами – металлом, деревом, водой, огнем и землей, выражалось восприятие природы человеком, поэтому в традиционной культуре Китая именно эти цвета стали основными [Лю Ян 2013: 82–90].

Китайская традиционная музыка основана на пентатонике (пятиступенчатом звукоряде) [Агеева 2007: 193–199]. В соответствии с традициями китайской культуры в «Записках об учении» использована пятеричная символика и значимые в китайской культуре лингвокультурные концепты. Так, в первом примере, содержащемся в анализируемой фразе, в качестве объектов для сопоставления указаны «барабан» и «пять тонов», то есть конкретный предмет и абстрактное понятие, имеющее пятеричную символику. Указав, что сравниваются разнородные понятия, автор трактата доказывает, что между ними есть связь, которая заключается в том, что барабан является необходимым условием для достижения гармонии звуков. Во втором примере сопоставляются образы воды, как одного из основных природных элементов, и пяти основных цветов, при этом утверждается, что при всем отличии этих природных явлений пять цветов не могут быть яркими и приятными, если они не сочетаются с водной стихией. Относительно третьего примера следует отметить, что в анализируемой фразе иероглифы «五官» переведены И.С. Лисевичем как «пять министров» («五» – «пять», «官» – «чиновник, официальное лицо»). При том, что такой перевод не искажает общего смысла анализируемого предложения, нам представляется, что можно более точно передать на русском языке смысл данного примера, если учесть, что в китайском языке имеется также выражение «五官», означающее «пять органов чувств» (то есть уши, глаза, губы, нос и язык, используя которые, мы получаем информацию о нашем окружении). В таком случае, данный фрагмент предложения в переводе приобретает следующий вид: *«Учеба не то же, что пять органов чувств, но без нее нельзя ими повелевать»*. В результате, в данном примере сопоставляются понятия «учеба» и «пять органов чувств», при этом утверждается, что существенная связь между этими разными по смыслу понятиями заключается в том, что человек не может использовать свои пять органов чувств без обучения и тренировки.

В последнем примере анализируемой фразы, отмечая различие понятий «учитель» и «пять одеяний», автор трактата, тем не менее, указывает, что между ними имеется глубокая связь, поскольку без обучения, которое дает учитель, люди не смогут понять свойства ритуальных одежд. Таким образом, сопоставляя попарно такие понятия, как «барабан» и «пять тонов», «вода» и «пять цветов», «учеба» и «пять органов чувств», «учитель» и «пять одеяний», мы можем не только проанализировать их различия, но и выяснить их связи, чтобы ученики могли понять, что эти, на первый взгляд, совершенно разные и никак не связанные между собой предметы и явления имеют много общего. В результате, учащиеся смогут получить опыт суждений по аналогии. Приведенные примеры показывают, что древние ученые могли сравнивать предметы и явления и делать из этого выводы. Отсюда следует, что мы должны хорошо осознавать взаимосвязь предметов и явлений, используя аналогию с другими предметами и явлениями, чтобы понимать закономерности их существования и развития.

Таким образом, «Записки об учении», являясь памятником истории и культуры, представляют не только научный, но практический интерес, потому что изложенные в них взгляды по вопросам образования и методике обучения могут быть адаптированы к реалиям нашего времени, а творческое использование конфуцианских этических принципов даст возможность положительно повлиять на различные стороны жизни современного общества, в том числе на систему образования. Проведенный лингвокультурологический анализ культурно-философского наследия Конфуция позволяет нам прийти к выводу, что идеи, высказанные много веков назад указанным представителем восточной культуры, имеют национальную специфику, но при этом транслируют универсальные ценности, которые могут быть применены в любое время и в любом национально-культурном сообществе.

3.2. Метафорические признаки предметной области образования в китайском языке

Метафора является культурно-специфичным инструментом представления знаний того или иного национального сообщества о мире; позволяет соотнести реалии окружающего мира с уже известными и узнаваемыми образами; дает возможность интерпретировать феномены различных типов дискурса на фоне широкого экстралингвистического контекста. Вопросы метафорического моделирования действительности изучаются представителями лингвистической науки в аспекте синхронии и диахронии [Будаев 2006; Будаев 2007; Вершинина 2002; Веснина 2010; Зарипов 2016; Кабаченко 2007; Катермина 2023; Кондратьева 2011; Солопова 2013; Чудинов 2006]. Лингвисты отмечают повышенную метафорическую плотность китайского дискурса, что обусловлено типологическими особенностями языка [Фролова 2023]. Предметная область образования в китайском языке также представлена широким разнообразием метафорических моделей. Поскольку основными участниками педагогического процесса являются учителя (преподаватели), основополагающими для метафорического представления предметной области «образование» являются учитель и ученик [Алымова 2007: 6–18]. Нами для исследования метафорических признаков предметной области «образование» выбрана лексика, посредством которой в языковой картине мира носителей китайской лингвокультуры создаются образы учителя и учащегося.

Метафорические средства создания образа учителя в китайском языке.

Профессиональные исследователи педагогической профессии отмечали: «Учителя – это профессионалы, которые выполняют обязанности по обучению и воспитанию, и они берут на себя миссию просвещения людей, воспитания социальных строителей и улучшения национального качества» [Основа образования, 2008: 118]. В китайском языке широко используются метафорические средства при создании образа учителя.

人类灵魂的工程师 инженер человеческих душ

Выражение «инженер человеческой души» первоначально было использовано И. Сталиным, лидером Советского Союза середины XX века, для метафорической характеристики творческой деятельности писателей. Позже еще один из руководителей советского государства того же периода, М. И. Калинин процитировал данное выражение, иносказательно описывая педагогическую деятельность. Он сказал: «Многие учителя забывают, что они должны быть педагогами, а педагог – это инженер человеческих душ». С тех пор выражение «инженер человеческих душ» превратилось в метафору, передающую переносный смысл слова «учитель». В данной метафоре выражается общественное признание труда учителя [Лю Ян, 2012: 25].

Приведем примеры:

“教师是人类灵魂的工程师”这个比喻在我国家喻户晓，不仅为普通大众共识，而且也为官方所认可，经常被用于领导人的讲话和报告之中。《Учитель – инженер человеческих душ》– эта метафора известна в Китае каждому. Она не только признана широкой общественностью, но и признана государством. Она часто используется в выступлениях и отчетах лидеров [Юй Чжэнь 2009: 29–30].

教师是人类灵魂的工程师,教师的使命是教育、呵护学生,使他们成为人格完善的良好公民。Учителя – инженеры человеческих душ, и их миссия – обучать учеников, заботиться о них и воспитывать их хорошими гражданами, обладающими совершенными личными качествами [Шэнь Даньхуа 2020: 86–87].

Данная метафора сравнивает тяжелый и благородный труд учителя с высококвалифицированной деятельностью инженера, который работает на сложном производстве, и от знаний и умений которого зависит четкое и слаженное функционирование больших заводов, отдельных городов и даже целой страны. Так и учитель, имея в качестве инструмента своего труда тонкую и ранимую душу ребенка, должен обладать соответствующими человеческими качествами, знаниями и умениями, чтобы обогатить внутренний мир подопечного, открыть ему этот сложную и многогранную вселенную.

园丁 садовник

Первоначально слово «садовник» (园丁) обозначало только работника, занимающегося садоводством, но позже его стали использовать для сравнения с учителем. Люди обычно сравнивают детей с саженцами, цветами, маленькими деревьями и т.д., а учитель подобен трудолюбивому садовнику, который поливает саженцы, лелеет их и заботится о каждом растении в саду с мудростью и любовью, заставляя их расти и цвести. Поэтому сравнение учителя с садовником – это самая простая и вместе с тем яркая метафора [Шэ Чжан 2008: С. 55–56].

Приведем примеры:

老师不是魔术师，而是一个园丁。他会尽力哺育和培植我们，但成长全靠你们自己。*Учитель не волшебник, а садовник. Он будет изо всех сил заботиться о нас, но ваш личный рост зависит от вас самих* [Чжоу, 1999: С. 48].

正是一代代辛勤园丁的薪火相传,才使新中国的教育事业蓬勃发展,才使我们国家的科技文化力量遥遥领先。*Именно успех поколений трудолюбивых садоводов позволил развить образование в Китае и далеко продвинул технологическую и культурную мощь нашей страны* [Юй Хайся 2019: 73–74].

Данная метафора используется для указания на то, что учитель, равно как и садовник, бережно и трепетно относится к своим подопечным. Садовник никогда не обвиняет растения в том, что они медленно или плохо растут, а терпеливо ждет, когда они украсят мир своей красотой. Так и хороший учитель проявляет терпение к своим ученикам, давая им время для раскрытия своего потенциала. Еще одно сходство учителя и садовника заключается в том, что садовник не может получить благодарности от своих растений, так и учитель делает свою работу жертвенно и бескорыстно.

慈母 любящие родители

В древнем китайском языке есть такое выражение: «Учителя подобны родителям», что полностью воплощает традиционные добродетели китайской нации «уважающих и любящих учителей», а также воплощает в себе благородную мораль учителей «любить учащихся как детей». Люди сравнивают учителей с

«любящими матерями», главным образом, потому что это самые сердечные, искренние и трогательные сравнения, которые только можно использовать применительно к учителям [Шэ Чжан 2008: 55–56].

Приведем примеры:

Я всегда считал, как учитель, Вы должны относиться к ученикам с высокими стандартами и строгими требованиями, как строгий отец, но также должны ценить учеников и, подобно любящей матери, заботиться о них, не жалея усилий [Бао Янь 2015: 210].

提起鄱阳县湖城学校校长程幼娇,人们都会说:她不仅是位好校长,还是名师和慈母! Говоря о Чэн Юцзяо, директоре школы Лейк–Сити в уезде Поянху, люди скажут: «Она не только хороший директор, но также известный учитель, которая относится к ученикам, как любящая мать» [Фан Чанминь 2010: 53].

Данная метафора с особой силой реализует лингвокультурологический потенциал, так как именно в высококонтекстуальных культурах (Китай относится именно к таким) наиболее развито чувство привязанности к ближнему и к коллективу. В таком случае учитель становится не просто наставником, но доброй и любящей матерью. В исследованиях, посвященных типологическим характеристикам имиджа учителя [Сафронов 2002; Ткаченко 2019] подчеркивается тот факт, что в русскоязычной культуре миф об учителе как «второй матери» был создан и активно эксплуатировался в советский период, но в последнее время в связи с вестернизацией российских ценностей учителя в России предпочитают быть только профессионалами без реализации личностного начала.

春蚕 весенний шелкопряд

Самая ранняя запись, в которой использовано слово «весенний шелкопряд» (春蚕) может быть найдена в «Книге песен», а самое известное литературное произведение, в котором данное слово использовано в качестве метафоры – это стихотворение Ли Шаньинь (813—858), великого поэта эпохи династии Тан,

которое содержит следующее высказывание: «春蚕到死丝方尽 *Лишь когда шелкопряд умрет, нити [дум] прекратятся*». Образ весеннего шелкопряда стал символом упорства, стойкости и преданности, а в речи народа укоренилось сравнение учителей с весенними шелкопрядами, что свидетельствует о высокой оценке обществом самоотверженности и благородства учителей.

Приведем примеры:

老师是无私的春蚕，默默地编织着丝线。Учитель – самоотверженный весенний шелкопряд, бесшумно плетущий шелковые нити [Чжан Вэнь 2014: 18–19].

老师，您是吐丝的春蚕。从不在别人面前炫耀自己的伟大，但那缕缕银丝，却是对您最高的评价。Учитель, Вы – весенний шелкопряд. Вы никогда не хвастаетесь своим величием перед другими, но сплетенные Вами серебряные нити – высшая оценка для Вас [Ван Биюй 2014: 36–37].

Данная метафора используется для описания бескорыстного труда учителя, так как шелкопряды плетут свои нити ценой своей жизни. Метафора весеннего шелкопряда специфична именно для китайской культуры, так как именно здесь был обнаружен самый древний кокон этого насекомого и самые древние изделия из шелка. По легенде, технологию изготовления шелка и первые устройства для изготовления шелковых тканей изобрела Лэй Цзу, супруга императора Хуан-ди, в XXVII в до н.э.

蜡烛 восковая свеча

Свечи восхваляются в известном высказывании поэта династии Тан Ли Шаньинь (813–858): «蜡炬成灰泪始干 *Слезы воска на свече высыхают лишь после того, как свеча сгорит*». Люди прославляют свечи, потому что они, давая свет людям, молча сжигают себя пока не сгорят дотла. Говоря об этом свойстве свечей, люди вспоминают своих любимых учителей – ведь делясь своими знаниями с учениками, учителя фактически освещают учащимся путь в будущее. Использование слова «восковая свеча» (蜡烛) для описания деятельности учителя создает яркий метафорический образ педагога, который полностью отдается делу воспитания и обучения детей [Десять обращений к учителям 2006: 32–34].

Приведем примеры:

老师是点燃的蜡烛，燃烧了自己，照亮了别人。 *Учитель – это зажженная свеча, которая горит и дает свет другим людям* [Ху Сайфэн 2014: 51–52].

老师是蜡烛，给我光明。 *Учитель – свеча, дающая мне свет* [Донг Жунфэн 2019: 26–27].

Данная метафора используется для указания на то, что учитель – это свеча, которая горит и освещает путь ребенку, помогая ему не заблудиться в темноте жизненных бурь и отыскать правильную дорогу. При этом учитель сгорает сам, часто жертвуя своим здоровьем и личной жизнью ради общественного блага. Самоотверженность, самоотдача и самоотречение учителя помогают зажечь в ребенке любовь к знаниям.

孺子牛 буйвол, послушный даже перед ребенком

«*Буйвол, послушный даже перед ребенком*» – это аллюзия к истории о «Возлюбленном Сыне» периода Весен и Осеней, записанной в «Цзо Чжуань» (左傳), памятнике исторической прозы Древнего Китая. Созданный в этой истории образ отца на многие века стал эталоном добродетели. Используя слова из известной фразы китайского писателя XX века Лу Синя (鲁迅): «*橫眉冷对千夫指, 俯首甘为孺子牛*» «*Нахмутив брови, с холодным презрением взираю на осуждающий перст вельможи, но склонив голову, готов, как буйвол, служить ребенку*», народ стал применять выражение «буйвол, послушный даже перед ребенком» как метафору, обозначающую людей, которые готовы служить людям и бескорыстно жертвовать собой. В китайском культурном пространстве буйвол и его образ занимают особое место, а «их разведение тесно связано с культурной заливного риса Китая и имеет все преимущества с разведением других видов скота» [2021: 176]. Причина, по которой люди называют учителя «буйволом, послушным даже перед ребенком», является то, что буйвол – это дикое животное, но одомашненный буйвол настолько спокоен, что управлять им может даже ребенок.

Приведем примеры:

她是领导和同事心中的“孺子牛”,学生、家长眼里的良师益友。 Она – «буйвол, послушный даже перед ребенком» в представлении руководителей и коллег, а также хороший учитель и полезный друг в глазах учеников и родителей [Вэньцзю Хуан 2017: 23–24].

为了让每一位学生全面发展,我们的老师放弃了娱乐,也放弃了别人所拥有的花前月下、闲情逸致,甘为孺子牛,忘我地投入到教育教学中。 Чтобы позволить каждому ученику развиваться всесторонне, наш учитель отказался от развлечений и досуга, которые были у других, охотно превратившись в буйвола, послушного даже перед ребенком, и посвятил себя педагогической деятельности [Ао Синхуэй 2015: 12].

春雨 весенний дождь

Люди давно превозносят весенний дождь, сравнивают весенний дождь с благодатным дождем, своевременным дождем, а также считают, что «весенний дождь дороже масла». Люди сравнивают учителей с «весенним дождем», а учеников с «весенними всходами»: ведь весенним всходам нужны весенние дожди для полива, а работа учителя подобна нескончаемому весеннему дождю. Учителя используют свою щедрую душу, чтобы дарить учащимся свою любовь, используют свои богатые знания, чтобы развивать знания учеников, используют свои выдающиеся личные качества, чтобы культивировать нравственность учеников, при этом они проявляют беззаветную преданность в деле воспитания учащихся [Десять обращений к учителям 2006: 32–34].

Приведем примеры:

人们常把教师比做润物无声的春雨,这是因为教师的一言一行对学生有潜移默化影响的影响。 Люди часто сравнивают учителей с тихим весенним дождем, который приносит влагу, потому что слова и дела каждого учителя активно влияют на учеников. [Ван Мэй, 2011: 10–11].

确实,教师在日常生活中用自己的一言一行陶冶学生的情感,潜移默化,就像春雨滋润万物。 Действительно, учителя, подобно весеннему дождю, дающему

влагу всему живому, в повседневной жизни используют свои слова и поступки, чтобы искусно влиять на эмоции учеников [Цуй Сяоцинъ, Ву Цзяньфэнь, 2014: 24–25].

Таким образом, приведенные выше метафоры, обладающие культурно-специфическими характеристиками, дают высокую оценку моральным качествам учителей и служат верным ориентиром для лиц, вступающих на стезю педагогической деятельности. Все эти метафоры подчеркивают нравственность учителей. Например, метафора «свеча» имеет значение «самопожертвование учителя», метафора «садовник» имеет значение «учитель, проявляющий заботу об учениках», метафора «инженер человеческой души» имеет значение «учитель, формирующий духовный облик учащихся». Со сменой поколений смысл вышеупомянутых метафор репрезентации учителей в китайской лингвокультуре претерпевает определенные изменения, что может стать предметом самостоятельного исследования.

Метафорические средства создания образа учащегося в китайском языке.

В настоящее время сотрудничество между Китаем и Россией в области образования постепенно углубляется, и лингвисты уделяют все больше внимания изучению метафорических признаков предметной области образования в китайском языке. Однако исследований, посвященных именно метафорам, создающим образ учащихся, в китайском языке, очень мало. Так, ученые преимущественно обращаются к анализу метафорического образа ребенка в китайской лингвокультуре [Чжи Цзинь 2018], описывают метафорический образ учащегося через призму процессов эвфемизации [Чжан Чань 2013], исследуют метафорический аспект номинации возраста человека [Доу Чуньяо 2022]. При этом следует отметить, что метафоры, описывающие учеников в китайской образовательной традиции, имеют долгую историю и достаточно разнообразны. Проанализируем метафорические средства создания образа учащегося в китайском языке.

材 лесоматериал

В Древнем Китае с возникновением зачатков образования стали появляться метафоры, создающие образ учащегося. В период Весен и Осеней (770 – 476/403

гг. до н. э.) Конфуций призывал «因材施教 обучать в соответствии с индивидуальными особенностями». В китайском языке «材 цай» – это многозначное слово, которое, в частности, означает лесоматериал [Baidubaike электронный ресурс URL]. Конфуций образно сравнивал разных учеников с материалом разного качества, используя слово «лесоматериал» как метафору природных данных ученика, поэтому переносный смысл выражения «因材施教» следующий: «обучать и воспитывать, принимая во внимание то, что заложено природой в ученике». В этой метафоре мы можем проанализировать множество коннотаций. В первую очередь, это проявление точки зрения Конфуция о том, что в обучении не следует относиться к ученикам по-разному из-за их разного социального происхождения, так как каждый имеет право на образование. Во-вторых, это воплощение принципов обучения Конфуция. Сравнивая разных учеников с разными лесоматериалами (材), Конфуций признавал, что ученики отличаются между собой, поэтому образование должно обеспечивать каждому ученику подходящее ему образование. По сей день принцип преподавания «因材施教 «обучать в соответствии с индивидуальными особенностями» остается целью, к которой стремятся учителя в целом, а метафора часто используется для образной характеристики деятельности педагога. Приведем примеры:

面对问题,我尝试以学生为中心,实现因材施教。 Перед лицом проблемы я стараюсь поставить школьников в центр урока и реализовать принцип «обучать в соответствии с индивидуальными особенностями» [Гу Юечжэнь 2020: 17–18].

教育者应依据儿童自然本性和身心发展规律进行教育,研究儿童、了解儿童、掌握不同儿童的特点,从而因材施教。 Педагоги должны воспитывать детей в соответствии с их естественной природой и законами физического и умственного развития, изучать их, понимать их и понимать особенности различных детей, чтобы их можно было обучать в соответствии с их способностями [Лю Жуйин 2020: 183].

水 вода

В период Весен и Осеней (722 г. до н.э. – 481 г. до н.э.) и в период Сражающихся царств (403 г. до н.э. – 249 г. до н.э.) многие ученые обсуждали природу учащих с точки зрения человеческой природы. Например, Мэн-цзы (китайский философ, представитель конфуцианской традиции) считал, что «人无有不善，水无有不下。今夫水，搏而跃之，可使过颡；激而行之，可使在山。是岂水之性哉？其势则然也！人之可使为不善，其性亦犹是也». *Нет такого человека, который не был бы добрым, как и нет воды, которая не стекала бы ниже. Вода может быть тихой рекой или мощным горным потоком. Почему вода обретает такие причудливые формы в природе? Не результат ли это действия внешних сил?! Невозможно заставить человека делать что-то против его воли, как невозможно изменить превратить бурную горную реку в тихий ручей» [ТяньЧжэнпин, Сяо Лан, 2005: 21]. Мэн-цзы использовал метафору «вода» для описания естественной природы учеников. Естественная доброта человека так же естественна, как и вода, стекающая вниз, и причина, по которой среди них есть хорошие и плохие люди, связана с их естественной природой. Образование заключается в сохранении доброты природы учеников.*

玉石 самородок (драгоценный камень)

В Книге «Записки об учении» (学记) есть выражение «玉不琢，不成器 Не отшлифовав яшму, изделия не получишь (обр. человек без закалки и подготовки не станет толковым; человек становится благородным, только получив воспитание и образование)», которое иллюстрирует важность обучения по аналогии между человеком и нефритом. Если кусок нефрита не будет тщательно вырезан, он не станет ювелирным изделием, даже если он хорошего качества; аналогичным образом, если человек не учится усердно, он не добьется успеха, даже если он умный. Эта метафора в настоящее время часто применяется в целях подчеркивания значимости для людей обучения, без которого они не смогут стать полезными членами общества.

Приведем примеры:

古人云,玉不琢,不成器。作为一名初中班主任老师,学生在我面前就如同一块块的璞玉,需要我们精心的去设计和雕琢,方能成为价值连城的玉器。Как говорится в старой поговорке, не отшлифовав яшму, изделия не получишь. Являясь учителем младших классов средней школы, я работаю с учениками как с камнем, который мы должны тщательно обработать, чтобы превратить его в драгоценность [Ван Юйлун 2017: 100].

《礼记·学记》中写道“玉不琢，不成器；人不学，不知义”，若引申到我们的课堂可谓课不思不精彩。В книге «Записки об учении» (学记) написано, что «не отшлифовав яшму, изделия не получишь, без обучения невозможно стать порядочным, нравственно совершенным, добродетельным человеком, истину можно познать только в процессе обучения, который принесет плоды только тогда, когда ученик научится мыслить самостоятельно» [Фань, Хайхуэй 2012: 31].

桃李 растения и плоды

Выражение 桃李 táolǐ имеет буквальное значение «персики и сливы», однако с древних времен в Китае оно имеет также переносное значение, обозначая учащегося. Используя такое выражение, китайцы, сравнивают труд учителя с трудом садовода, которому требуется потратить много времени и приложить немало труда, прежде чем он соберет урожай сладких и ароматных плодов. Аналогичным образом учителю ценой многолетней работы и немалых усилий удастся обучать, воспитывать, направлять духовное и телесное развитие учащихся, воспита́в их как достойных граждан; соответственно, учащиеся, получающие от учителя его знания и опыт, уподобляются плодам кропотливого труда садовника. Метафора 桃李, обозначающая учащегося и содержащая сравнение учащегося со сладкими плодами – персиками и сливами, используется в устойчивом образном выражении 桃李满天下 táolǐ mǎn tiān xià, которое имеет значение «ученики и последователи имеются повсюду» \ во всех уголках

работают ученики и воспитанники» (такое выражение используют, когда деятельность того или иного педагога характеризуется с положительной стороны) [электронная энциклопедия Baidu: <https://baike.baidu.com/item/桃李/4430?fr=aladdin>].

В период Китайской Республики китайский педагог Цай Юаньпей (1868 – 1940) предложил, чтобы в образовании учитывалось физическое и умственное развитие учащихся, и с научной точки зрения выбирались методы обучения, основанные на характеристиках развития учащихся. он считал: 新的教育，应在深知儿童身心发展之程序，而择种以适当方法，以助之。如农学家之于植物焉，干则灌溉之，弱则支持之，畏寒则置温室，需食则资之肥料。Новое образование должно основываться на глубоком знании процесса физического и умственного развития ребенка, а также на выборе соответствующих методов, которые помогут ему в этом, подобно тому, как агроном делает это с растениями: он поливает их, когда они сухие, поддерживает их, когда они слабые, помещает их в теплицы, когда они боятся холода, и подкармливает их удобрениями, когда они нуждаются в питании [Шэнь Шаньхун 1993: 98]. Школа похожа на ферму, ученики как саженцы на ферме, а преподаватель как фермер, который много работает для получения качественного результата. Цай Юанпей использовал эту метафору, относящуюся к сфере образования, чтобы подчеркнуть статус учащегося, заявляя, что учащиеся должны пользоваться уважением в процессе обучения.

苗子 саженцы

После основания Нового Китая многие ученые также сознательно или бессознательно использовали метафоры в процессе разработки педагогических теорий. Профессор Е Лань, известный китайский педагог, считает, что у студентов разные «苗子 саженцы», то есть у каждого студента своя личность, и что такие «苗子 саженцы» должны вырасти в «大树 деревья» под присмотром опытного педагога [Е Лан 1998: 4–8].

Подобно метафоре «苗子 саженцы» существует еще одна, более интуитивная метафора «读书的料 интересный материал для познания». Раньше, когда взрослые говорили о непослушном ребенке, они отмечали: «他不是读书那块料 Он не представляет никакого интереса для изучения (познания)». Некоторые родители критикуют ребенка, говоря: «你可就是榆木疙瘩刻两个眼 Ты просто корень вяза с двумя глазами». Метафоры «读书的料 интересный материал для познания» и «榆木疙瘩 корень вяза» очень фаталистичны, одни люди рождаются «человеком, справляющимся с учебой», другие – «корнями вяза». Человек, справляющийся с учебой, – это обучаемый, умный, который может быть успешным и иметь светлое будущее. Выражение «корень вяза» обозначает человека недалекого ума, которого трудно учить, и у которого вряд ли будет светлое будущее.

Приведем примеры:

作为对天资的鉴别，“读书的料”为一群富有天资的农家子弟开启了一扇布满荆棘的通过教育向上流动之门。*Как способ доказательства таланта люди, способные к обучению, открыли тернистый путь к карьерному росту через образование для группы одаренных крестьянских детей.* [Чен Мэн 2018: 22–28]

他爸爸妈妈经常说他脑子笨，搞得他自己也觉得自己可能有些先天不足，不是读书的料。*Его родители часто говорили, что он глупый, из-за чего ему казалось, что у него есть врожденные недостатки, и он не представляет «интересный материал для познания».* [Чжан Цзяньхэ 2010: 27–28].

书架子 книжные полки и 字纸篓 корзины для слов

Китайский педагог Тао Синчжи (陶行知) (1881–1946) в своей критике традиционного педагогического мышления сказал: «拿一本书要儿童来读它、记它，把那活泼的小孩子做个书架子，字纸篓。先生好像是书架子字纸篓之制造家，学校好像是书架子字纸篓的制造厂。学生不是“书架子”、“字纸篓 – Берут книгу и просят детей прочитать ее и запомнить, и делают из живых маленьких детей книжную полку и корзинку для слов. Учитель как производитель книжных

полок и корзины для слов, а школа как фабрика книжных полок и корзины для слов. Учащиеся не являются 'книжными полками' или 'корзинами для слов'» [Фан Мин 2005: 175]. Тао Синчжи подверг критике традиционные методы образования и использовал метафоры «书架子 книжные полки» и «字纸篓 корзины для слов», чтобы подчеркнуть, что ученики имеют свой внутренний, хрупкий и ранимый мир, изменение которого в педагогическом процессе не может регламентироваться инструкциями и указаниями, а педагог должен искать решение ситуации, каждый раз исходя из потребностей учеников и их индивидуальных особенностей. Современная китайская образовательная метафора показывает, что китайская философская мысль в наше время подчеркивает автономию и индивидуальность обучения студентов, что является серьезным изменением в истории образования.

Таким образом, метафорическое представление учащихся находится в прямой зависимости от происхождения и культурного уровня студентов и школьников, при этом они оказывают двойное воздействие на поведение и нравственность; положительные аспекты следует подчеркивать и поощрять, в то время как отрицательные аспекты следует критиковать и устранять.

Выводы по главе III

Проведенное исследование модели предметной области «образование» в китайском языке с точки зрения лингвоаксиологических особенностей позволяет сделать следующие выводы. Религиозно-философское учение Конфуция пронизывает всю образовательную систему Китая, ее концептуально-тематические характеристики и лингвоаксиологические особенности. Такое влияние конфуцианства на выделенные аспекты модели предметной области образования связаны, прежде всего, с тем, что китайская культура как высококонтекстуальная форма человеческой деятельности с большим трепетом относится к своим традициям как способу сохранения истории, чтит слово как средство фиксации и трансляции народной мудрости, уделяет большое внимание образованию как инструменту воспитания достойных граждан общества. Аксиологические характеристики предметной области образования логично в таком случае изучать на материале философского наследия Конфуция как сочетания религиозных и лингвистических представлений о мире и человеке. В результате анализа конфуцианского учения относительно предметной области образования мы выделяем следующие фреймы: о пользе учения; о соблюдении справедливости в образовании; о высоких требованиях к личности учителя; о методике образовательного процесса; о роли образования; об образовательной системе и управлении; о принципах образования; о методах обучения. Данные фреймы как способы репрезентации знаний связаны не только с традициями и установками китайского общества, но имеют универсальный характер и могут быть применены для изучения образовательных систем на материале других языков и культур.

Еще одним культурно-специфичным инструментом представления знаний того или иного национального сообщества о мире является метафора, которая позволяет соотнести реалии окружающего мира с уже известными и узнаваемыми образами, а также дает возможность интерпретировать феномены различных типов дискурса на фоне широкого экстрадискурсивного и экстралингвистического контекста. Предметная область образования в китайском

языке также представлена широким разнообразием метафорических моделей. К метафорическим средствам создания образа учителя в китайском языке относятся следующие метафоры: инженер человеческих душ; садовник; любящие родители; весенний шелкопряд; восковая свеча; буйвол, послушный даже перед ребенком; весенний дождь. Выделенные метафоры, обладающие культурно-специфическими характеристиками, дают высокую оценку моральным качествам учителей и служат верным ориентиром для лиц, вступающих на стезю педагогической деятельности. Все эти метафоры подчеркивают нравственность учителей. Например, метафора «свеча» имеет значение «самопожертвование учителя», метафора «садовник» имеет значение «учитель, проявляющий заботу об учениках», метафора «инженер человеческой души» имеет значение «учитель, формирующий духовный облик учащихся». Со сменой поколений смысл вышеупомянутых метафор репрезентации учителей в китайской лингвокультуре претерпевает определенные изменения, что может стать предметом самостоятельного исследования.

Метафоры, описывающие учеников в китайской образовательной традиции, имеют долгую историю. Учеников сравнивают с лесоматериалом, с водой, с самородком (драгоценным камнем), с саженцами, с растениями и плодами, с книжными полками и корзинками для слов. Метафорические представления учащихся в значительной степени зависят от их (учащихся) происхождения и культурного уровня, при этом они оказывают как положительное, так и отрицательное воздействие на поведение и нравственность. Положительные аспекты следует подчеркивать и поощрять, в то время как отрицательные аспекты следует критиковать и устранять.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено анализу языковой репрезентации предметной области «образование» в китайском языке. Китайское образование является уникальным культурным явлением, история которого насчитывает около 5 000 лет. Оно оказало всестороннее влияние на развитие китайского общества и нашло глубокое отражение в языковой картине мира носителей китайской лингвокультуры. С учетом роли, которое образование на протяжении всей истории играло в жизни китайского общества, древняя китайская культура оказала серьезное влияние на предметную область «образование».

Когнитивная лингвистика имеет в своем репертуаре обширный арсенал терминов для изучения и описания феноменов окружающей действительности: *концепт, понятие, значение, термин, предметная область, прототип, фрейм, модель*. Более широкой номинацией, способной преодолеть некоторые онтологические и терминологические ограничения рассмотренных терминов *концепт, понятие, значение, термин*, совмещающих в себе все категориальные, концептуальные и лингвокультурологические характеристики указанных номинаций, является *предметная область*. Лингвистический анализ той или иной предметной области позволяет выявить и описать систему понятий, терминов, вербальных репрезентантов на языковом уровне. При этом языковое, лингвоаксиологическое, концептуально-тематическое наполнение разных предметных областей будет отличаться в зависимости от той культуры, в рамках которой функционирует эта предметная область. Сказанное будет вполне справедливым в отношении предметной области образования в китайской лингвокультуре как уникального явления в истории человечества, оказавшего влияние на развитие не только восточных, но и западных цивилизаций.

Предметная область – это номинация, которая редуцирует онтологические и терминологические ограничения, а также совмещает в себе категориальные, концептуальные и лингвокультурологические характеристики терминов *концепт, понятие, значение, термин*. Предметная область – это логико-понятийная модель объекта, которая включает в себя концептуально-тематическую и

лингвоаксиологическую составляющие. Предметная область «образование» относится к числу ключевых компонентов, путем исследования которого можно составить представление о языковой картине мира разных лингвокультур.

В когнитивной лингвистике представление о языковой картине мира того или иного народа получило название репрезентация, которая одновременно является ментальным представлением об объекте и вербальным способом воплощения этого представления. Язык в данном случае выступает как механизм, инструмент и основа формирования системы знаний о мире. Однако изучение репрезентации знаний о мире не может и не должно ограничиваться только описанием вербальной составляющей. Не менее актуальным представляется анализ концептуально-тематических и лингвоаксиологических характеристик отдельных предметных областей знания. Наиболее адекватным методом представления концептуально-тематических, аксиологических и метафорических характеристик предметной области образования является моделирование, когда, с одной стороны, лингвист исследует конкретно наблюдаемый объект, а с другой стороны, ученый должен выйти на высокий уровень абстракции, чтобы теоретический конструкт, построенный в результате применения указанного метода, мог быть наполнен лингвистическим содержанием и использоваться в прикладных целях для изучения аналогичных объектов на материале других языков и культур.

В результате анализа концептуально-тематических особенностей модели предметной области образования в китайском языке можно сделать следующие выводы. Лексические единицы, обозначающие реалии китайской системы образования, можно разделить на следующие тематические группы:

1. Государственные органы образования.
2. Образовательные учреждения.
3. Учащиеся.
4. Учителя, преподаватели.
5. Свидетельства, дипломы, сертификаты, подтверждающие полученное образование или квалификацию.
6. Инфраструктура школ и высших учебных заведений.
7. Церемонии и мероприятия школ и высших учебных заведений.
8. Конфуцианство.
9. Символы школ и высших учебных заведений (эмблемы, девизы, форменная одежда).

10. Топонимы, относящиеся к территории высших учебных заведений. Каждая из этих тематических групп отражает как культурно-специфические, так и универсальные особенности развития китайской системы образования. Лексические единицы в данном случае выполняют не только номинативную, обобщающе-познавательную, информационно-накопительную, дейктическую, эмотивную, знаковую, коммуникативную, контактную, эстетическую, но хранительно-мемориальную функцию. В случае реализации хранительно-мемориальной функции язык, с одной стороны, транслирует национально-культурную семантику, в таком случае речь идет о локализации языковых и культурных процессов. С другой стороны, происходит развитие языка и культуры в соответствии с международными нормами, несмотря на изолированный характер китайского языка и китайской культуры, в этом случае речь идет об интернационализации языка и культуры. Огромное значение для понимания национально-лингвокультурных особенностей системы китайского образования играет тематическая группа «учителя, преподаватели», так как в Китае, равно как и в других восточных культурах, учитель – это не просто и не только профессия, но и духовный наставник и авторитет. В целом необходимо сказать, что концептуально-тематическое наполнение предметной области образования в китайском языке обладает мощным аксиологическим потенциалом, так как построена на принципах гуманизма и морали с опорой на идейно-философское учение Конфуция.

Культурное наследие Китая проявляется в лингвотопонимической политике университетов, когда в процессе искусственной номинации объектов кампуса (здания, улицы, дороги, элементы ландшафта) опора может быть сделана на историческое прошлое страны и(или) университета, а также на китайские трактаты и поэзию. В любом случае формируется особая культура образовательного учреждения, способствующая воспитанию гражданственности и патриотизма, гордости за свою страну и свой университет, сопричастности к событиям далекого прошлого. Топонимы в данном случае функционируют не

просто как названия объектов, а как лингвокультурный и лингвоаксиологический феномен.

На этических идеалах китайской культуры основана и ценностная ориентация девизов китайских университетов. При этом упор делается на прилежание, поиск истины и новаторство, стремление к моральной целостности и корпоративному единству. Большинство источников девизов китайских университетов – это цитаты из конфуцианской классики, идиомы и лексика, воплощающие национальный дух. Девизы китайских университетов отражают общую ценностную ориентацию учебных заведений, концентрируя в себе философию, цели, характеристики и задачи каждого из учебных заведений.

В результате исследования модели предметной области «образование» в китайском языке с точки зрения лингвоаксиологических особенностей мы приходим к выводу о том, что, как и в случае с концептуально-тематической составляющей модели предметной области «образование», учение Конфуция детерминировало формирование и развитие аксиологических и метафорических характеристик объекта анализа. Аксиологическая составляющая предметной области образования в китайской лингвокультуре репрезентирована в текстах культурно-философского наследия Конфуция, представленного следующими фреймами: о пользе учения; о соблюдении справедливости в образовании; о высоких требованиях к личности учителя; о методике образовательного процесса; о роли образования; об образовательной системе и управлении; о принципах образования; о методах обучения. Выделенные фреймы отражают аксиологические установки и приоритеты китайского общества, но могут быть значимыми и для других лингвокультур.

Предметная область образования в китайском языке также представлена широким разнообразием метафорических моделей. К метафорическим средствам создания образа учителя в китайском языке относятся следующие метафоры: инженер человеческих душ; садовник; любящие родители; весенний шелкопряд; восковая свеча; буйвол, послушный даже перед ребенком; весенний дождь. К метафорическим средствам создания образ ученика в китайском языке относятся

следующие метафоры: лесоматериал; вода; самородок (драгоценный камень); саженьцы; растения и плоды; с книжные полки и корзинки для слов. Метафорические представления об учителях и учениках как главных участников системы образования испытывают на себе влияние богатого исторического прошлого народа КНР, современных представлениях о системе воспитания и обучения детей, отражают культурные и аксиологические особенности китайского народа.

Проведенное в данной работе исследование концептуально-тематических и лингвоаксиологических характеристик модели предметной области образования в китайской лингвокультуре создает научную базу для дальнейшего изучения лингвокультурных типажей, например, «китайский учитель / профессор» и «китайский учащийся (школьник, студент)». Результаты проведенной работы могут быть использованы в процессе изучения китайского языка иностранными учащимися, а также в курсе страноведения при знакомстве с историей и культурой Китая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абильдинова, Ж. Б. Концепт как лингвокогнитивное понятие / Ж. Б. Абильдинова, Б. Н. Карпец // Молодой ученый. – 2021. – № 12(354). – С. 272–276.
2. Авербух, К. Я. Стратификация терминологии в аспекте системных представлений / К. Я. Авербух // Научно-техническая терминология: Науч.-техн. реф. сб. М., 2001. – Вып. 2. – С. 6–8.
3. Агеева, Н. Ю. К вопросу об истории зарождения и развития традиционной китайской музыки / Н. Ю. Агеева // Общество и государство в Китае. – 2007. – Т. XXXVII. – С. 193–199.
4. Алымова, Е. В. Образование в зеркале лингвокультурологии / Е. В. Алымова // Лингвокультурология. – 2007. – № 1. – С. 6–18.
5. Ахметова, М. Э. Особенности формирования терминологии предметной области «антикризисное управление» : экстрлингвистические и когнитивно-деривационные аспекты (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ахметова Майнур Эревшаналиевна. – Майков, 2015. – 26 с.
6. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – М.: Просвещение, 1996. – 301 с.
7. Базарова, А. Н. Роль конфуцианства в развитии традиционного образования в Китае / Базарова А. Н. // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2010. – № 8. – с. 169–172.
8. Базарова, А. Н. Конфуцианство и культ грамотности в Древнем Китае / Базарова А. Н. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 6. – С. 36–38.
9. Беседина, Н. А. Языковое знание и морфология как способ его репрезентации / Н. А. Беседина // Типы знаний и их репрезентация в языке. –

Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. – 2007. – С. 28–37.

10. Болдырев, Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 4(13). – С. 17–27.

11. Болдырев, Н. Н. Когнитивная специфика языковой репрезентации знаний / Н. Н. Болдырев // Вестник Казанского национального университета. Серия филологическая. – № 3(133). – 2011. – С. 11–18.

12. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2014. – 236 с.

13. Бондаренко, Т. В. Лингвокультурный типаж «английский дворецкий»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Татьяна Владимировна Бондаренко. – Волгоград, 2009. – 202 с.

14. Бордонская, Л. А. Высшая средняя школа современного Китая / Л. А. Бордонская, Ч. Ч. Чэнь Чжаоин // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. – 2010. – № 5(34). – С. 10–22.

15. Боровская, Н. Е. Синьхайская революция и модернизация китайского образования в XXI веке / Н. Е. Боровская // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: К 100-летию Синьхайской революции: Доклады XIX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы», Москва, 19–21 октября 2011 года. – М., 2012. – С. 331–351.

16. Борисова, Т. Г. Терминология предметной области «высшее образование»: специфика категориально-понятийного структурирования / Т. Г. Борисова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 4. – С. 186–192.

17. Бровикова, Л. Н. Лингвокультурный типаж «английский викарий»: эмблематические характеристики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Бровикова Любовь Николаевна. – Волгоград, 2013. – 235 с.

18. Браташова, Э. В. Чэньюй и идиомы – один из видов фразеологии в китайском и английском языках / Э. В. Браташова, А. Н. Луханина // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2016. – С. 429–432.
19. Будаев Э. В. Зарубежная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – М.: Флинта, 2008. – 352 с.
20. Будаев, Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы / Будаев Э. В. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2007. – 149 с.
21. Бушуева, Л. А. Лингвокогнитивное моделирование поступков: эвристический потенциал теории фреймов и теории прототипов / Л. А. Бушуева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 2. – С. 10–19.
22. Буянова, Л. Ю. Предметная область «Информатика» как когнитивно-терминологическая суперсфера / Л. Ю. Буянова, Е. Г. Завалей // Известия Сочинского государственного университета. – 2013. – № 3 (26). – С. 182–184.
23. Бхатти Н. В. Лингвокультурные типажи образовательной сферы английской и русской лингвокультур: монография / Н. В. Бхатти. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – 88 с.
24. Ван, Хайянь. Социально-философский анализ традиционной китайской медицины / Хайянь Ван, Юнцзюань Лю // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2021. – № 2(40). – С. 134-140.
25. Ван, Ян. Генезис системы высшего образования в Китае: социальный аспект / Ян Ван // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – а–№ 1. – С. 22–30.
26. Ван, Ян. Реформирование системы высшего образования в Китае в XX – начале XXI в / Ян Ван // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – б – № 3. – С. 62–71.

27. Вершинина, Т. С. Метафорические модели с исходной биологической сферой в современном политическом дискурсе: дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / Вершинина Татьяна Станиславовна. – Екатеринбург, 2002. – 207 с.
28. Веснина, Л. Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента): дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / Веснина Людмила Евгеньевна. – Екатеринбург, 2010. – 250 с.
29. Вильмс, Л. Е. Любовь / Л. Е. Вильмс // Антология концептов. – Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 138–150.
30. Виноградов, А. В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности / А. В. Виноградов. – М.: НОМФО, 2008. – 358 с.
31. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
32. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: *conceptualia selecta*: монография / С.Г. Воркачев. –Волгоград: Парадигма, 2014. – 330 с.
33. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
34. Германович, А. А. Формирование педагогических идей конфуцианства в VI–III веках до н.э. / А. А. Германович // Психолого-педагогический поиск. – 2018. – а – № 1(45). – С. 145–154.
35. Германович, А. А. Взаимное влияние педагогических идей конфуцианства, даосизма, моизма и легизма в VI–III вв. до н.э. / А. А. Германович // Историко-педагогический журнал. – 2018. – б. – № 1. – С. 128–143.
36. Го Лицзюнь. Геронтолингвистика в Китае: зарождение, развитие, перспективы / Го Лицзюнь, Сюй Цзяци // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. – № 9. – С. 68–87.
37. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. – М.: Изд-во «Элпис», 2008. – 304 с.

38. Голомидова, М. В. Некоторые теоретические вопросы искусственной топонимической номинации / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 1991. – Вып. 19. – С. 5–13.
39. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1998. – 232 с.
40. Голомидова, М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 185–203.
41. Голомидова, М. В. Топонимическое имиджирование городских пространственных объектов / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – № 3. – С. 263–278.
42. Горелов, В. И. Стилистика современного китайского языка / Горелов В. И. – М.: Просвещение, 1979. – 192 с.
43. Гуляева, Е. В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Евгения Вячеславовна Гуляева. – Волгоград. 2009. – 176 с.
44. Гурулева, Т. Л. Система образования в Китайской народной республике: структура и основные направления развития / Т. Л. Гурулева // Высшее образование в России. – 2017. – № 7. – С. 152–164.
45. Гурулева, Т. Л. Университеты КНР: современное состояние и стратегия глобального развития до 2035 года / Т. Л. Гурулева // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25. – № 2. – С. 185–197.
46. Гуторов, В. А. Политика и образование: историческая традиция и современные трансформации / В. А. Гуторов // Polis. Political Studies. – 2015. – № 1. – С. 9–29.
47. Гусельникова, О. В. Возможности фреймового анализа / О. В. Гусельникова // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 5(17). – С. 29–32.

48. Гэн, Хайтянь. Конфуцианство и его влияние на социально-политическую жизнь современного Китая: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Хайтянь Гэн. – Владивосток, 2011. – 27 с.
49. Дегтярников, А. В. Значение цветов в традиционной китайской культуре / А. В. Дегтярников, А. В. Вертинский // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2014. – № 1. – С. 26–29.
50. Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
51. Делюсин, Л. П. Конфуцианство в Китае: проблемы и теории и практики / Л. П. Делюсин. – М.: Наука, 1982 – 264 с.
52. Демешкина, Т. А. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / Т. А. Демешкина, Н. А. Верхотурова, Л. Б. Крюкова, Н. В. Курикова. – Томск: Изд-во Томского университета, 2006. – 194 с.
53. Демина, Е. Д. Студенческий сленг в китайском языке / Е Д. Демина // Китайская цивилизация в диалоге культур: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 25 февраля 2021 года. – Москва: Московский государственный областной университет, 2021. – С. 119–123.
54. Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35–47.
55. Деревянская, В. В. Лингвокультурный типаж «британский колониальный служащий»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Деревянская Виктория Венедиктовна. – Волгоград, 2008. – 216 с.
56. Джигкаева, А. В. Языковая эволюция лингвокультурного типажа «бизнес-леди»: дис. ... канд. филол.: 10.02.19 / Джигкаева Алла Владимировна. – Владикавказ, 2020. – 173 с.
57. Доу, Чуньяо. Номинация возраста человека в лексике и фразеологии русского и китайского языков: сопоставительный аспект: автореф. дис. ... канд. филол.: 5.9.8. / Чуньяо Доу. – Москва, 2022. – 20 с.

58. Дубровская, Е. М. Лингвокультурный типаж «человек богемы»: динамический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Дубровская Елена Михайловна. – Новосибирск, 2017. – 230 с.
59. Ефименко, М. В. Изучение истории государства Западные Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.) в России / М. В. Ефименко // Востоковедение: история и методология. – 2021. – № 1. – С. 68–74.
60. Завьялова, Н. А. Культурная доминанта российской и китайской молодежи на занятиях по прикладной лингвокультурологии / Н. А. Завьялова // Знание. Понимание. Умение. – 2021. – № 1. – С. 181–189.
61. Записки об учении / пер. и примеч. И.С. Лисевича // Древнекитайская философия: собр. текстов: в 2 т. – М.: Академия наук СССР, Институт философии, 1972–1973. – Т. 2. – 1973. С. 110–115.
62. Зарипов, Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе / Р. И. Зарипов. – М.: Р. Валент, 2016. – 220 с.
63. Засорина, Л. Н. Введение в структурную лингвистику / Л. Н. Засорина. – М.: Высшая школа, 1974. – 319 с.
64. Зубов, А. В. Информационные технологии в лингвистике / А. В. Зубов. – М.: Академия, 2004. – 206 с.
65. Ильин, Д. Ю. Языковая картина мира и ее отражение в топонимике региона / Д. Ю. Ильин // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10. – № 5–6 (44–45). – С. 464–471.
66. Кабаченко, Е. Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса: дис... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кабаченко Екатерина Геннадьевна. – Екатеринбург, 2007. – 240 с.
67. Каморная, Ю. О. Политика цинских властей в сфере начального образования / Ю. О. Каморная // Россия и АТР. – 2015. – № 1(87). – С. 39–57.
68. Карасик, В. И. Жанровые типы аксиогенных ситуаций // Мир в языке и культуре. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 14–22.

69. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 75–80.
70. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
71. Карасик, В. И. Базовые характеристики концептов в лингвокультурной концептологии / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов. – Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 13-15.
72. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
73. Качалкова, Ю. А. «Идеологические» урбанонимы и переименование городских объектов / Ю. А. Качалкова, М. Э. Рут // Вопросы ономастики. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 179–192.
74. Катермина В. В. Лингвосемиотические характеристики метафоры в профессиональном дискурсе / В. В. Катермина, Т. А. Ширяева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 1. – С. 47–58.
75. Кейдун, И. Б. Ритуал метания стрел в кувшин (к характеристике содержания конфуцианского трактата «Ли Цзи») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13. – № 4. – С. 199–206.
76. Кейдун, И. Б. Ритуал надевания шапки: основные особенности и значимость (к характеристике содержания конфуцианского трактата «Ли Цзи») / И. Б. Кейдун // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14. – № 4. – С. 166–172.
77. Ким, Е. В. Китайский литературный язык «Вэньянь» / Е. В. Ким, Я. П. Сагеева // Молодой ученый. – 2015. – №16 (96). – С. 487–489.
78. Кожбицкая, О.Г. Китайские парные надписи в лингвокультурологическом аспекте / О.Г. Кожбицкая, Ю. С. Пешкова // Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального

развития : материалы Междунар. науч.- практ. конф. Иркутск, 18–20 окт. 2017 г. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – С. 148–153.

79. Колесов, В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ / В. В. Колесов // Вестник СПбГУ. – СПб., 1992. – Сер. 2. – Вып. 3 (№16). – С.30–40.

80. Комкова, А. С. Концепты и концептуализированные словесно-предметные области в языке и культуре / А. С. Комкова // Евразийское Научное Объединение. – 2017. – Т. 2. – № 7(29). – С. 106–108.

81. Кондорский, Б. М. Феодалная революция в Китае (к постановке вопроса) / Б. М. Кондорский // Общество и государство в Китае. – 2016. – Т. 46. – № 1. – С. 24–40.

82. Кондратьева О. Н. Метафорическая репрезентация религиозных концептов в литературе Древней Руси / О. Н. Кондратьева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – №4(29). – С. 36–47.

83. Кондратьева, Е. Б. Судьба вэньяня после Синьхайской революции / Е. Б. Кондратьева // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – № 2. – С. 176–182.

84. Константинова, М. А. Философские основы современного китайского образования / М. А. Константинова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 4 (10): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 72–74.

85. Корнетов, Г. Б. Конфуцианская педагогика Древнего и Средневекового Китая / Г. Б. Корнетов // Психолого-педагогический поиск. – 2016. – № 3(39). – С. 49–57.

86. Коровина, А. Ю. Лингвокультурный типаж «английский сноб»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Коровина Анна Юрьевна. – Волгоград, 2008. – 226 с.

87. Кошевой, С. А. Особенности развития Древнего Китая в период Чжаньго // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – № 11–12. – С. 34–40.

88. Кошкарова, Н. Н. Лингвоаксиологический вектор исследования топонимической системы Южного Урала / Н. Н. Кошкарова, О. А. Солопова // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3 (461). – С. 377–380.

89. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецких и русских лингвокультурах / Н.А. Красавски. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
90. Крюкова, Л. Б. Лингвистическое моделирование процессов восприятия в поэтическом тексте / Л. Б. Крюкова // Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе. – Томск: Изд-во Томского университета, 2006. – С. 141–187.
91. Кубатаева, П. А. Синьхайская революция / П. А. Кубатаева // Аллея науки. – 2021. – Т. 2. – № 1(52). – С. 182–184.
92. Кубрякова, Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем / Е. С. Кубрякова // Язык и структуры представления знаний. – М.: ИЯЗ РАН, 1992. – С. 4–38.
93. Кузнецова, В. В. Реформирование системы вступительных экзаменов в вузы КНР: традиции и инновации / В. В. Кузнецова, О. А. Машкина // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – № 71. – С. 307–328.
94. Курбакова, Е. В. Структура компетентностного подхода в журналистском образовании / Е. В. Курбакова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 2. – С. 448–451.
95. Курдюмов, В. А. Актуальные проблемы теории и типологии при обучении китайскому языку / В. А. Курдюмов // Современные востоковедческие исследования. – 2022. – Т. 4 – № 4. – С. 29–35.
96. Кушнерук, С. Л. Лингвистическое миромоделирование в рекламе: монография / С. Л. Кушнерук. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2013. – 295 с.
97. Левина, М. А. Термин, понятие, концепт / М. А. Левина // Приволжский научный вестник. – 2014. – № 6(34). – С. 106–108.
98. Ли цзи / в мир китайской мудрости. – М.: Мартин, 2007. – С. 213–247.
99. Ли, Сюй. Эволюция принципа справедливости и его реализация в государственной образовательной политике Китая: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Сюй Ли. – М., 2015. – 188 с.
100. Лисин, Чжан. Очерк истории дошкольного образования в Китае / Чжан Лисин // Преподаватель XXI век. – 2010. – № 4–1. – С. 127–132.

101. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества / Д. С. Лихачев. – СПб.: БЛИЦ, 1999. – 191 с.
102. Ли, Яньхуэй. Новая динамика высшего образования в Китае / Яньхуэй Ли // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 6(28). – С. 151–160.
103. Лукьянов, А. Е. Философские прообразы «китайской Мечты» / А. Е. Лукьянов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2015. – № 4. – С. 50–59.
104. Лукьянченко Е.А. К вопросу понимания ментальной репрезентации / Е.А. Лукьянченко // Вестник МГИМОУниверситета. – 2013. – № 2. – С. 167–169.
105. Лю, Ян. Концепция пяти цветов в традиционной китайской культуре / Ян Лю, Я. П. Сагеева // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. – 2013. – № 2. – С. 82–90.
106. Мадиева, Г. Б. Система современной русской урбанонимической терминологии / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 115–125.
107. Маленова Е. Д. Медиаобраз Сибирского региона (по материалам современных американских СМИ) / Е. Д. Маленова, М. В. Терских // Человек в мире культуры. – 2015. – № 3. – С. 19–30.
108. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
109. Медведева, О. А. Лингвистические и экстралингвистические аспекты наименования социальной значимых понятий / О. А. Медведева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2007. – № 532. – С. 101–105.
110. Мельчук, И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст» / И. А. Мельчук. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 368 с.
111. Моисеева, Ю. К. Основные концепты китайской культуры / Ю. К. Моисеева // Региональное измерение российско-китайского сотрудничества и взаимодействия в контексте Экономического пояса Шелкового пути: сборник

статей XIV Международной научно-практической конференции, Чита, 22 апреля 2016 года. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. – С. 173–178.

112. Мурзинова, И. А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Ирина Александровна Мурзинова. – Волгоград. 2009. – 194 с.

113. Нагибина, И. Г. Китайский культурологический дискурс-анализ: методология и параметры исследования / И. Г. Нагибина, Л. В. Куликова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2020. – Т. 19. – № 9: Филология. – С. 9–18.

114. Найдён, Е. В. «Гаудеамус»: жанровые границы варьирования концептов / Е. В. Найдён, В. В. Максимов, А. Н. Серебренникова // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 318. – № 6. – С. 151–155.

115. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект) / Л.Л. Нелюбин. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 216 с.

116. Новодранова, В.Ф. Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей (LSP) / В.Ф. Новодранова // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. – Вып. 5. – М., Рязань, 2007. – С. 136–140.

117. Новикова Л. А. Особенности среднего и высшего образования в Китае / Л. А. Новикова, Л. К. Ушакова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 5: в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 224–230.

118. Олешков М. Ю. Педагогический дискурс / М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2012. – 310 с.

119. Пищальникова, В. А. Концепт как инструмент диагностики этнической напряженности / В. А. Пищальникова, И. В. Рогозина // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 120–128.

120. Пищальникова, В. А. Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования / В. А. Пищальникова, О. В. Дубкова, Фэнлин Цун, Чжипэн Яо. – М.: Р. Валент, 2020. – 240 с.

121. Плотникова, Д. В. Сопоставительный анализ системы образования в Древнем Китае и современном Китае / Д. В. Плотникова // Восточный калейдоскоп: Материалы докладов и сообщений II Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Москва, 01 декабря 2021 года. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. – С. 236–241.

122. Подкопаева, О. И. Лингвокогнитивный подход к изучению концептов в отечественном языкознании / О. И. Подкопаева // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – Т. 12. – № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK321.pdf>. (дата обращения: 24.07.2023).

123. Попов, Л. В. История формирования модели высшей школы Китая (первая половина XX в.) / Л. В. Попов // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. – 2016. – № 3. – С. 29–44.

124. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

125. Попова, Л. В. Соотношение понятий «концепт», «понятие», «значение» в русле коммуникативно-когнитивной парадигмы / Л. В. Попова // Омский научный вестник. – 2013. – № 4(121). – С. 127–131.

126. Попова, С. В. Типаж «школьная учительница» в современном русском языковом сознании / С. В. Попова // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 4(36). – С. 119–125.

127. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М.: Флинта, 2016. – 176 с.

128. Радбиль, Т. Б. Язык и мир: Парадоксы взаимооращения / Т. Б. Радбиль. – М.: Языки славянской культуры, 2017. – 592 с.

129. Ремхе, И. Н.. Когнитивно-матричный аспект моделирования переводческого процесса: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.20 / Ремхе Ирина Николаевна. – Уфа, 2022. – 47 с.

130. Рощина, А. А. Эмблематические характеристики лингвокультурного типажа «Китайский врачеватель»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Рощина Анастасия Александровна. – Волгоград, 2012. – 214 с.

131. Салимова, К. Педагогика народов мира: История и современность / К. Салимова, Н. Додде. – М.: Педагогическое общество России, 2001. – 576 с.
132. Самохина, Л. А. Символика красного в русской и китайской лингвистических и культурных парадигмах / Н. А. Самохина, Л. А. Иванова, Хунхун Мэн // Вестник Башкирского университета. – 2018. – Т. 23. – №1. – С. 101–106.
133. Самситова, Л. Х. Понятие концепта в лингвокультурологии: история развития, структура, классификация / Л.Х. Самситова, Г. М. Байназарова // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19. – № 4. – С. 1373–1378.
134. Сафронов, И.П. Учитель как феномен культуры и социальной реальности дис. ... доктора социол. наук.: 22.00.06 / Сафронов Игорь Павлович. – Москва, 2002. – 315 с.
135. Селиверстова, Л. П. Лингвокультурный типаж «Звезда Голливуда»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Селиверстова Любовь Павловна. – Волгоград, 2007. – 186 с.
136. Семенова, С. С. Образование в Китае: история и современность / С. С. Семенова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 5(120). – С. 126-130. Сергеева, Е. Н. Понятие концепта и аспекты его изучения в современной лингвистике / Е. Н. Сергеева // Вестник ВЭГУ. – 2009. – № 3(41). – С. 72-85.
137. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 260 с.
138. Соломатина, М. Н. Больше чем учитель: особенности вербализации концепта *учитель* в китайской лингвокультуре / М. Н. Соломатина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – № 2. – С. 92–99.
139. Солопова О. А. Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе / О. А. Солопова. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2013. – 175 с.

140. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Издательство «Академический проект», 2004. – 992 с.
141. Стернин, И. А. Типы значений и концепт // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. / И. А. Стернин. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 257–282.
142. Стеценко, Н. М. Фрейминг как средство интерпретации печатных новостей / Н.М. Стеценко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2013. – № 2. – С. 38-45.
143. Суворов, В.В. Национально-культурные задачи в системе образования России и ценностные принципы конфуцианства (вторая половина XIX – начало XXI века) / В. В. Суворов, А. А. Живайкина, Э. Р. Фахурдинова // Современные проблемы науки и образования. 2017. – № 5. – С. 219–226.
144. Сыма, Цянь Исторические записки (Ши цзи). Т. 2 / Цянь Сыма; Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина; под общ. ред. Р.В. Вяткина. – М.: Вост. лит., 2003. – 567 с.
145. Сюй, Ли. Проблемы и перспективы реализации принципа справедливости в государственной образовательной политике КНР / Ли Сюй // Власть. – 2014. – № 8. – С. 179–184.
146. Тайхлер, У. Многообразие и диверсификация высшего образования: тенденции, вызовы и варианты политики / У. Тайхлер // Вопросы образования. – 2015. – № 1. – С. 14–38.
147. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
148. Терехов, М. Д. Фреймовый подход: философско-методологический аспект / М. Д. Терехов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2014. – № 6. – С. 53–71.

149. Ткаченко, Е.В. Типологические характеристики имиджа российского учителя: история и современность: автореф. дис. ... канд. культурологии: 10.02.19 / Ткаченко Елена Владимировна. – Владивосток, 2019. – 23 с.

150. Тлехатук, С. Р. Предметная область «экономика»: когнитивно-семиотический аспект: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / Тлехатук Сусанна Руслановна. – Майкоп, 2018. – 386 с.

151. Ульянов, М. Ю. «Дворцовая» школа в царствах Восточной Азии: к характеристике социальных и культурных процессов первой половины периода Чуньцю / М. Ю. Ульянов // Общество и государство в Китае. – 2019. – Т. 49-2. – № 30. – С. 28-62.

152. Фрумкина, Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р. М. Фрумкина // Научно-техническая информация. – 1992. – Сер. 2. – № 3. – С. 1–9.

153. Фролова А. В. Метафорическое моделирование образа будущего России в неинституциональном политическом интернет-дискурсе США и Китая: дис... канд. филол. наук: 5.9.8. / Фролова Алёна Викторовна. – Челябинск, 2023. – 197 с.

154. Фэн, Юйцюн. Мировые тенденции (предпосылки) развития системы образования, в том числе и в Китае как экономического региона в Восточной Азии в 20-х годах XXI века / Юйцюн Фэн, Линчжи Лай // Вестник педагогических наук. – 2021. – № 3. – С. 170–176.

155. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503 с.

156. Цзин, Шэнь. Кэцзюй – система государственных экзаменов в императорском Китае как фактор формирования национального характера и менталитета / Шэнь Цзин // Материалы докладов и сообщений VI Международной студенческой конференции (Санкт-Петербург). – СПб: Российский государственный гидрометеорологический университет. – 2018. – С.72–80.

157. Ци, Миньянь. Традиционная культура как ценностный фундамент образовательных идей в социокультурном пространстве КНР / Миньянь Ци, Н. А. Абрамова // Сборник Восточного центра. – 2011. – № 9. – С. 49–52.

158. Ци, Миньянь. Становление ценностной парадигмы образования в социокультурном пространстве современного Китая: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Ци Миньянь. – Чита, 2011. – 24 с.

159. Чжан, Тао. Функционально-стилистические и лингвоаксиологические характеристики рекламных текстов: на материале китайского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Тао Чжан. – Челябинск, 2021. – 252 с.

160. Чжан, Чань. Эвфемизация в русском и китайском языках: лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Чань Чжан. – Волгоград, 2013. – 23 с.

161. Чжаоин, Чэнь. Реформирование системы образования в Китае / Чэнь Чжаоин // Гуманитарный вектор. – 2010. – № 1. – С. 61–69.

162. Чжи, Цзинь. Метафорический образ ребенка в разных лингвокультурных / Цзинь Чжи // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2018. – Т. 28. – Вып. 6. – С. 980–985.

163. Чжоу, Ян. Русские устойчивые сравнения с компонентами корова, бык, вол и буйвол на фоне китайского языка / Ян Чжоу // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – № 2. – 2021. – С.172–179.

164. Чжу, Фанчжуань. Индивидуальное обучение, направленное на повышение социальных компетентностей студентов / Фанчжуань Чжу // Педагогическое образование: вызовы XXI века: Сборник научных статей IX международной научно-практической конференции, посвященной памяти академика РАО В.А. Сластенина, Самара, 04–05 октября 2018 года. – Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2018. – С. 131–133.

165. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М.: Изд-во «Флинта», «Наука». 2006. – 254 с.

166. Чу, Цзяньминь Реалии студенческой (школьной) жизни в китайском языке / Цзяньминь Чу, Н. Н. Кошкарлова // Молодой исследователь: Материалы 6-й научной выставки-конференции научно-технических и творческих работ студентов, Челябинск, 15–17 апреля 2019 года. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. – С. 412–415.

167. Чу, Цзяньминь. Лексика, обозначающая категории учащихся, в китайском языке / Чу Цзяньминь // Казанская наука. – 2020. – № 11. – С. 191–193.

168. Чу, Цзяньминь. Студенческие общественные организации в Китае: кто и как называется / Цзяньминь Чу // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 18 декабря 2020 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 119–122.

169. Чу, Цзяньминь. Реализация идей конфуцианства в педагогическом дискурсе: лингвокультурный комментарий / Цзяньминь Чу, Н. Н. Кошкарлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – № 11. – С. 272–276.

170. Чу, Цзяньминь. Лингвистические особенности наименований зданий, дорог и ландшафтов в китайских учебных заведениях / Цзяньминь Чу // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2021. – № 1(40). – С. 94–100.

171. Шилихина, К. М. Формальные модели в лингвистике / К. М. Шилихина. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. – 31 с.

172. Шэнь, Чжэньхуэй. Очерк китайской культуры / Чжэньхуэй Шэнь; пер. с кит. Фитуни О.Л. – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2019. – 319 с.

173. Ян, Фан. Концепт «семья» в русской и китайской языковых картинах мира / Фан Ян // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 323. – № 6. – С. 250–255.

174. Ярмахова, Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ярмахова Елена Анатольевна. – Волгоград, 2005. – 191 с.

175. Яо, Цзясюй. Метафора грязи в политическом дискурсе: фрейм-слотовая структура / Яо Цзясюй. // Политическая лингвистика. – 2022. – № 2 (92). – С. 212–218.

176. 敖行惠. 浅谈为学困生“开小灶”. 《科学咨询》 2015 年第 9 期 12–12, 共 1 页. / Ао, Синхуэй. Говоря об «открытии маленькой печки» для учащихся с трудностями в обучении / Синхуэй Ао // Научная консультация. – 2015. – № 9. – С. 12–22. (на кит. яз.).

177. 鲍艳 . “严父般教学子, 慈母般爱学子”–谈班主任工作体会 《课程教育研究: 学法教法研究》 2015 年第 32 期 210–215, 共 1 页. / Бао, Янь. Обучать детей, как строгий отец, любить учеников, как мать – рассказ об опыте работы ответственного учителя / Янь Бао // Исследование учебных программ: исследование методов обучения и преподавания. – 2015. – № 32. – С. 210–25. (на кит. яз.).

178. 陈炯. 中国文化修辞学. 南京: 江苏古籍出版社, 2001 / Чен, Цзюнь. Китайская культурная риторика / Цзюнь Чен, Сюйдун Ляо. – Нанкин: Издательство древних книг Цзянсу, 2001. – 181 с. (на кит. яз.).

179. 程猛. 陈娴. “读书的料”及其文化意蕴. 《基础教育》 2018 年第 4 期 22–28, 共 7 页 / Чен, Мэн Материал, справляющийся с учебой» и их культурное значение / Мэн Чен, Сянь Чень // Базовое образование. – 2018. – № 4. – С. 22–28. (на кит. яз.).

180. 崔晓琴. 吴建芬. 师爱是学生成长成才的润滑剂. 《成才之路》 2014 年第 29 期 24–25, 共 2 页. / Цуй, Сяоцинъ Любовь учителя – это смазка для учеников, чтобы они выросли и становились талантливыми / СяоцинъЦуй, Цзяньфэнь У // Дорога к успеху. – 2014. – № 29. – С. 24–25. (на кит. яз.).

181. 董润丰. 浓浓师生情. 《小学生必读(高年级版)》 2019 年第 9 期 26–27, 共 2 页. / Дун, Жунфэн. Сильное отношение учителя и ученика / Жунфэн Дун // Учащиеся начальной школы должны прочитать (выпуск для старших классов). – 2019. – № 9. – С. 26–27. (на кит. яз.).

182. 董召锋. 中西方大学校训对比研究及启示. 高教探索, 2016 (6): 76-79. / Дон, Шаофэн Сравнительное изучение и просвещение китайских и западных университетских девизов. / Чжаофэн Дон // Исследования в высшем образовании. – 2016. – № 6. – С. 76-79. (на кит. яз.).
183. 方明. 陶行知教育名篇. 北京:教育科学出版社, 2005. 393 页 / Фан, Мин. знаменитые образовательные статьи Дао Синчжи / Мин Фан. – Пекин: Educational Science Press, 2005. – 393 с. (на кит. яз.).
184. 方长敏. 校长 名师 慈母 – 记鄱阳县优秀共产党员程幼娇. 《当代江西》 2010 年第 8 期 53–53,共 1 页. / Фан, Чанминь. Директор, знаменитый учитель, любящая мать – отличный член коммунистической партии Чэн Юцзяо / Чанминь Фан // Современный Цзянси. – 2010. – № 8. – С. 53. (на кит. яз.).
185. 高艳魁. 谈《学记》中的教学方法 / 高艳魁 // 黑龙江教育学院学报. 2003 年 1 月第 22 卷第 1 期 / Гао Янькуй. О методах обучения в «СюэЦзи» // Журнал Хэйлунцзянского института образования. – 2003. – Т. 22. – № 1. – С. 44–45. (на кит. яз.)
186. 顾月珍. 小学语文因材施教的实施作者. 《新作文:教研》 2020 年第 1 期 0017-0018,共 2 页 / Гу, Юечжэнь. Осуществление преподавания китайского языка в начальной школе в соответствии со своими способностями / Юечжэнь Гу // Новое сочинение: обучение и исследования. – 2020. – № 1. – С. 17–18. (на кит. яз.).
187. 洪梅, 孙景龙. 《学记》教育思想解读. 文化研究. / Хун Мэй, Цзинлун Сунь. Интерпретация образовательных мыслей в «СюэЦзи» // Исследования культуры. – 2010. – № 2. – С. 159–161. (на кит. яз.).
188. 胡赛凤. 师德: 照亮前行的灯塔. 《教育论坛》 2014 年第 5 期 51–52, 共 2 页. / Ху, Сайфэн. Добродетель учителя: маяк, освещающий будущее / Сайфэн Ху // Образовательный форум. – 2014. – № 5. – С. 51–52. (на кит. яз.).
189. 黄伯荣, 廖序东. 现代汉语. 北京: 高等教育出版社, 2002 / Хуан, Божун. Современный китайский язык / Божун. Хуан, Сюйдун. Ляо. – Пекин: Издательство высшего образования, 2002. – 334 с. (на кит. яз.).

190. 李虹. 《学记》中的教学方法浅析 / 李虹 // 学术园地 2011 年第 11 期下半月总第 494 期 51 页-52 页 / Ли Хун. О методах обучения в «Сюэ Цзи» // Академическая область. – 2011. – № 11. – С. 51–52. (на кит. яз.)

191. 156.刘洋, 教师的“称谓”、“所谓”和“意谓”, 安徽师范大学, 2012 年, 70 页. / Лю, Ян «Обращение», «Так называемое» и «Значение» учителей: диссертация ... магис. педаг. наук / Ян Лю. – Аньхой, 2012. – 70 с. (на кит. яз.).

192. 罗瑞颖. 对“因材施教”的现实审视与发展完善. 《文教资料》2020 年第 14 期 183-185, 共 3 页 / Ло, Жуйин. Реалистичный экзамен и разработка «Обучающих студентов в соответствии с их способностями / Жуйин Лю // Культурные и образовательные материалы. – 2020. – № 14. – С. 183–185. (на кит. яз.).

193. 摄长. 教师的十个称谓. 劳动保障世界, 2008, No.228(10): 55-56. / Шэ, Чжан. Десять званий учителей / Чжан Шэ // Мир труда и социального обеспечения. – 2008. – № 10. – С. 55–56. (на кит. яз.).

194. 沈丹华. 多一点欣赏, 多一份自信. 《清风》. 2020 年第 4 期 86–87, 共 2 页. / Шэнь, Даньхуа. Немного больше признательности, больше уверенности в себе / Даньхуа Шэнь // Цинфэн. – 2020. – № 4. – С. 86–87. (на кит. яз.).

195. 沈善洪. 蔡元精选集[M]. 杭州: 浙江教育出版社, 1993. 1416 页 / Шэнь, Шаньхун. Избранные произведения Цай Юаньпея / Шаньху Шэнь. – Ханчжоу: Издательство Zhejiang Education Press, 1993. – 1416 с. (на кит. яз.).

196. 十二所重点师范大学. 教育学基础. 北京: 教育科学出版社, 2008: 118 / Основа образования / Двенадцать ключевых педагогических университетов. – 2008: Образовательная научная пресса, Пекин. – 406 с. (на кит. яз.).

197. 天津大学报. 使命与理想 –李家俊校长在天津大学建校 120 周年校庆大会上的讲话. 2015-11-15 / Ли, Цзяцзюй. Миссия и идеал – речь ректора Ли Цзяцзюя на 120-летию Тяньцзиньского университета. / Цзяцзюй Ли // Газета Тяньцзиньского университета. – 2015. – С 11–15. (на кит. яз.).

198. 田正平, 肖朗. 中国教育经典解读. 上海: 上海教育出版社, 2005. 656 页 / Тянь, Чжэнпин. Интерпретация классических произведений китайского

образования / Чжэнпин Тянь, Лан Сяо. – Шанхай : Шанхайская образовательная пресса, 2005. – 656 с. (на кит. яз.).

199. 王碧玉. 教师颂. 《大江南北》 2014 年第 9 期 36–37, 共 2 页. / Ван, Биюй Ода учителя / Биюй Ван // Великий Юг и Север. – 2014. – № 9. – С. 36–37. (на кит. яз.).

200. 王梅. 师德是为师之本. 《新校园: 理论版》 2011 年第 2 期 10–11, 共 2 页. / Ван, Мэй. Нравственность учителя – основа учителя / Мэй Ван // Новый кампус: теоретическое издание. – 2011. – № 2. – С. 10–11. (на кит. яз.).

201. 王静. 怎样判断《孟子·尽心上》的教育二字. 《教育学术月刊》, 1996 年第 4 期 35–37. / Ван, Цзин. Как оценить значение слова 'образование' в в первой части книги «Цзиньсинь» философа Мэнцзы / Цзин Ван // Ежемесячный научно-педагогический журнал, – 1996. – № 4. – С. 35–37. (на кит. яз.).

202. 我是天底下最富有的人–记江津区龙门中学好教师黄文举 《重庆与世界》 2017 年第 30 期 23–24, 共 2 页. / Я самый богатый человек в мире – Хороший учитель средней школы Лунмэнь района Цзянцзинь Хуан Вэньцзю / Вэньцзю Хуан // Чунцин и мир. – 2017. – № 30. – С. 23–24. (на кит. яз.).

203. 谢小刚. 高校校训育人功能和校训文化建设的研究. 南昌: 江西师范大学, 2006 年 / Се, Сяоган Исследование функции обучения девиза колледжа и построения культуры школьных девизов / Сяоган Се // Цзянсийский педагогический университет. – 2006. – С. 42–45. (на кит. яз.).

204. 谢质彬. 成语释疑: 实事求是. 语言建设 2007 年第 3 期. 46–47 / Се, Чжибинь Объяснение идиомы: Ищите истину в фактах / Чжибинь Се // Языковая конструкция. – 2007. – № 46–47. – С. 46–47. (на кит. яз.).

205. 叶澜. 更新教育观念: 创建面向 21 世纪的新基础教育. 中国教育学刊, 1998,(2): 4–8. / Е, Лан Обновление образовательных концепций: создание нового базового образования в 21 веке / Лан Е // Китайский журнал образования. – 1998. – № 2. – С. 4–8. (на кит. яз.).

206. 有关教师的十个称谓. 《基础教育》, / 2006:32–34. Десять обращений к учителям // Базовое образование. – 2006. – № 9. – С. 32–34. (на кит. яз.).
207. 于海霞. 恩师. 教育(周刊). 2019年第42期 73–74,共2页 / Юй, Хайся. Мой учитель / Хайся Юй // Образование (еженедельно). – 2019. – № 42. – С. 73–74. (на кит. яз.).
208. 于珍. “教师是人类灵魂的工程师”考辩. 《中国教师》. 2009年第7期 29–30,共2页 / Юй, Чжэнь. Разыскания по метафоре «Учителя – инженеры души человека» / Чжэнь Юй // Учителя китайского языка. – 2009. – № 7. – С. 29–30. (на кит. яз.).
209. 玉不琢, 不成器王玉龙《科学中国人》 2017年第4X期 100-105,共1页 / Ван, Юйлун. Не отшлифовав яшму, изделия не получишь / Юйлун Ван // Научный китаец. – 2017. – № 4X. – С. 100–105. (на кит. яз.).
210. 玉不琢不成器, 课不思不精彩 – 一节信息技术课的教学设计与反思, 范海晖, 《教育信息技术》, 2012年第11期 31-32,共2页 / Фань, Хайхуэй. Не отшлифовав яшму, изделия не получишь, не думав об обучении, оно не будет интересным / Хайхуэй Фань // Информационные технологии в образовании. – 2012. – № 11. – С. 31–32. (на кит. яз.).
211. 张帅. 《学记》《师说》教育思想解读. 辽宁医学院学报(社会科学版), 2011, 9(04):93-95. / Чжан Шуай. «СюэЦзи». Интерпретация образовательных мыслей в «СюэЦзи» и «Ши Шо» / Шуай Чжан, Цзинлун Сунь // Журнал Ляонинского медицинского института. – 2011. – Т. 9. – № 4. – С. 93–95. (на кит. яз.).
212. 张雯. 我的启蒙老师. 《小学生导读》 2014年第1期 18–19,共2页. / Чжан, Вэнь. Мой первый учитель / Вэнь Чжан // Руководство для учеников начальной школы. – 2014. – № 1. – С. 18–19. (на кит. яз.).
213. 张永胜. 浅析《说文解字》的释义方法. 内蒙古教育学院学报, 1994(Z1): 61-63. / Чжан, Йоншен. Поверхностный анализ методов толкования в 'Шоу Вэн Цицзы'. Журнал внутреннемонгольского педагогического института. – 1994. – № Z1. С. 61–63. (на кит. яз.).

214. 章剑和. 是什么让他觉得自己不是读书的料. 《素质教育 (中学版.成长读本)》 2010 年第 3 期 27-28,共 2 页 / Чжан, Цзяньхэ. Что заставляет его чувствовать, что он не является материалом, справляющимся с учебой / Цзяньхэ Чжан // Качественное образование (выпуск для средней школы). – 2010. – № 3. – С. 27-28. (на кит. яз.).

215. 舟.老师是辛勤的园丁.现代家教, 1999(04): 48. / Чжоу. Учитель – трудолюбивый садовник // Современное семейное образование. – 1999. – № 04. С. 48. (на кит. яз.).

216. 周谷平, 陶炳增. 近代中国大学校训-大学理念的追求. 清华大学教育研究, 2005(02):95-101 / Чжоу, Гупин Девиз университета современного Китая – стремление к университетской философии / Гупин Чжоу, Бинцзэн Тао // Образовательные исследования Университета Цинхуа. – 2005. – . – № 02. – С. 95-101. (на кит. яз.).

217. 周婕, 陈妮妮. 大学校训的语言特征及翻译原则分析. 《现代语文: 下旬. 语言研究》. 2014. 11. 131-134 / Чжоу, Цзе. Анализ лингвистических особенностей и принципов перевода университетского девиза / Цзе Чжоу, Нини Чен // Современный язык: Языковые исследования. – 2014. – № 11. – С. 131-134. (на кит. яз.).

218. 朱德熙. 语法讲义. 北京: 商务印书馆, 2005 / Чжу, Дэси. Лекции по грамматике / Дэси Чжу. – Пекин: Коммерческая пресса, 2005. – 231 с. (на кит. яз.).

219. 中华人民共和国国旗法, 1990 / Закон о государственном флаге Китайской Народной Республики, 1990. (на кит. яз.).

220. 中小学学生近视眼防控工作方案, 2008 / План работы по профилактике и контролю близорукости у учащихся начальных и средних школ, 2008. (на кит. яз.).

221. Fillmore, Charles J. Frame Semantics / J. Charles Fillmore // Linguistics in the Morning Calm. – Seoul: 1982. – pp. 111–137.

222. Rosch, E. Prototype Classification and Logical Classification: The Two Systems / E. Rosch // E. Scholnick, ed., New Trends in Cognitive Representation: Challenges to Piaget's Theory. – 1981. – Pp. 73 – 86.

223. Wójcik, U. The Social and Economic Determinants of 19th Century Toponymy in Poland / U. Wójcik // *Onomastica*. – 2015. – LIX. – P. 197–207.

Словари и энциклопедии

224. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. — 576 с.

225. Большая Российская энциклопедия: Т. 15. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2004 – 765 с.

226. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

227. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

228. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведова. – Москва: Российская академия наук, 1999. – 944 с.

229. 罗竹风. 汉语大词典第四卷. 上海: 汉语大词典出版社, 1994 / Луо, Чжуфэн. Китайский словарь Том IV / Чжуфэн. Луо. – Шанхай: Издательство китайских словарей, 1994. – 1387 с. (на кит. яз.).

230. 舒新城. 中华百科辞典. 北京: 中华书局, 1930 / Шу, Синьчэн. Китайский энциклопедический словарь / Синьчэн. Шу. – Пекин: Китайское книгоиздательство, 1930. – 1520 с. (на кит. яз.).

231. Энциклопедия Baidu. URL: <https://baike.baidu.com/item/学生干部>. (дата обращения: 19.08.2020).

Электронные ресурсы

232. Большой китайско-русский словарь (БКРС). URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 01.02.2019).

233. БКРС 双一流 проект «Университеты мирового класса и первоклассные специальности». URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%8F%8C%E4%B8%80%E6%B5%81> (дата обращения: 05.05.2023).

234. Делор Ж. Доклад международной комиссии ЮНЕСКО по проблемам образования в XXI веке (1996 год). URL: <https://www.ifap.ru/library/book201.pdf>. (дата обращения: 05.05.2023).

235. Залесова Н. В. Эвристические методы и приемы как средство развития познавательного интереса учащихся. URL: <http://vestnikkaf.esrae.ru/1-1> (дата обращения: 15.05.2020).

236. Ищенко, Р. В. Период Чуньцю / Р. В. Ищенко // Актуальные комментарии. URL: <https://actualcomment.ru/period-chuntsyu-1804061019.html> (дата обращения 29.10.2022).

237. Конфуций. Суждения и беседы. URL: http://www.libma.ru/filosofija/kniga_sudby_ezhednevnye_meditacii_s_konfuciem/p25.php (дата обращения: 16.06.2019).

238. Министерство образования КНР. URL: <http://www.moe.edu.cn/> (дата обращения: 12.11.2019).

239. Мэн-цзы. URL: <https://coollib.net/b/444313/read#t4> (дата обращения: 10.01.2020).

240. Университет Фудань. URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/Fudan_University (дата обращения: 09.01.2020).

241. 对联知识–对仗中的双声叠韵 [Знание парных надписей] // CSSN 中国社会科学网. URL: <http://www.cssn.cn> (дата обращения 20.12.2020).

242. 对校训“止于至善”的说明 (Утвердиться в совершенном добре). URL: <https://www.seu.edu.cn/2009/1028/c5a8307/page.htm>. (дата обращения: 09.01.2021).

243. 古诗文网 (Китайский электронный литературный справочник). URL: https://so.gushiwen.org/mingju/juv_5a0cb81eef9b.aspx (дата обращения: 15.10.2019).

244. 河南大学校训：明德新民 止于至善 (Девиз Хэнаньского университета). URL: <http://news.henu.edu.cn/info/1012/89665.htm>. (дата обращения: 09.05.2021).

245. 孔子论语 (Конфуций. Беседы и суждения). URL: <https://baike.baidu.com/item/论语/372830> (дата обращения: 08.09.2019).

246. 浙 江 大 学 (Чжэцзянский университет) . URL: <http://www.zju.edu.cn/573/list.htm>. (дата обращения: 09.04.2021).
247. 中 国 精 神 (Китайский Дух) . URL: https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E7%B2%BE%E7%A5%9E/16606670?fromModule=lemma_search-box. (дата обращения: 10.08.2021).
248. 桃 李 (Персики и сливы). URL: <https://baike.baidu.com/item/桃李/4430?fr=aladdin> (дата обращения: 05.05.2023).
249. 北 京 大 学 校 徽 (Герб Пекинского университета). URL: <https://baike.baidu.com/item/北京大学校徽/2312804> (дата обращения: 05.05.2023).
250. 清 华 校 训 (Девиз Цинхуа) . URL: http://www.360doc.com/content/12/0121/07/948285_1087362393.shtml (дата обращения: 25.07.2023).
251. Martin Trow. Problems in the transition from elite to mass higher education. URL <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED091983.pdf> (дата обращения: 05.05.2023).